

: ОТ РЕДАКЦИИ

От редакции

Уважаемые читатели! Друзья во Христе!

Вы держите в руках 50-й номер журнала «Православная община». Не имея специального желания отмечать для себя никаких «юбилеев», мы все-таки не можем не отметить, что в Библии число пятьдесят действительно связано с подлинным юбилеем: «И объявите свободу на всей земле жителям ее; да будет это у вас юбилей; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратитесь в свое племя» (Лев 25: 10).

Но именно возвещением подобного «юбилея» открывался и самый первый номер нашего журнала, где говорилось: «Наступило лето Господне благоприятное. Господь благословляющей десницей выводит нас на Свой Свет. Мы снова можем вспомнить о нашем освящении и преображении... «Кто не собирает со Мной, тот расточает». Пора начать собирать и собираться в Духе и Истине, добре и красоте, в гармонии, во всем знающей свой ритм и такт, свою меру. Эти задачи и ставит перед собою наш христианский (православный) журнал, свободное и независимое издание которого мы начинаем» (Вступительное слово главного редактора свящ. Георгия Кочеткова, «Православная община» № 1).

Прошло девять лет, выпущено пятьдесят номеров. О том, насколько мы приблизились к исполнению поставленной нами и нам задачи, — судить не нам. Многие в жизни нашей церкви, нашего народа, нашей страны и нас самих за эти годы изменилось. Многие земные наши надежды не оправдались. Пройдя через многие, часто трагические события, мы, хочется надеяться, стали более искушенными, более опытными, на многое смотрим иначе. Но несмотря на то, что внешним образом «юбилейное» время для нашей церкви, к сожалению, уже прошло, причем во многом мимо, и с каждым днем духовной свободы во внешней церковной жизни становится все меньше и меньше, наш журнал со своих страниц по-прежнему продолжает возвещать «наступление лета Господнего благоприятного». И хотя во всякий день своей жизни любой христианин мог и может сказать вместе с апостолом Павлом: «Ныне время благоприятное, ныне день спасения», в наши дни, несмотря на всю их сложность и трагизм, имеется на то, как нам кажется, свое особое право.

Вот только одно свидетельство, подтверждающее это. На исходе прошедшей зимы, возвращаясь после вечерни Прощеного воскресенья из Богоявленского Елоховского собора, одна старушка 98 лет, пронесшая свою веру через всю тяжелейшую жизнь простого российского человека XX века и полная неподдельной благодарности Богу за все, сказала: «Вот, сейчас многие жалуются на жизнь. А ведь какое небывалое время наступило! Ведь вы поймите — страх исчез! Теперь только живи, только живи...»

Вот с таким юбилеем — и значит, с объявлением свободы! — мы и хотим поздравить наш журнал и его читателей, с пожеланием всем того, чтобы эта свобода была усвоена и реализована во всей нашей жизни, чтобы совершающееся сейчас возрождение нашей церкви действительно было, наконец, исполнено духом и смыслом библейского юбилея — возвращением отнятой земли, отпущением измученных на свободу, освобождением от всякого внешнего и внутреннего рабства, восстановлением Божьей правды и утверждением Божьей Истины.

Мы же со своей стороны надеемся и в дальнейшем послужить такому возрождению и собиранию, такому возвещению лета Господнего благоприятного и вновь приглашаем к этому

всех наших читателей.

Редакция

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей после вечерней молитвы. Слово покаянное в день памяти новомучеников и исповедников российских

Проповедь

Ныне, дорогие братья и сестры, мы с вами имеем много поводов для покаяния. Это связано и с чтением из Ветхого завета о Ное и сыне его Хаме, и с тем, что мы говорим о том, что человек уже на земле может дойти до ада. К этому можно было бы добавить и то, что связано с сегодняшней памятью святых мучеников и исповедников Российских, с памятью тех, кто страдал за Христа в нашей стране в XX веке. Ведь это тоже дает нам повод для покаяния.

Сперва о том, что касается Хама. Известно, что люди часто грешат откровением наготы своих братьев и сестер, т.е. разглашением тех вещей, которые не должны быть разглашаемы, особенно если это касается старших. Как сказано в Законе, данном народу Божьему: «Начальствующего в народе твоём не злословь». Мы же с детства привыкли к обратному — мы привыкли к непочитанию родителей, учителей, старших, своих правителей. Да, время было такое, что критика этих людей часто была принципиально важна и даже необходима для того, чтобы не отождествляться с той системой, в которой мы жили. Однако мы нередко переходим грани дозволенного и переносим те же привычки в нашу современную жизнь, и поэтому уже в наше время нам не хватает благоговения, нам не хватает страха Божьего, нам не хватает признания старшинства старших. В нас есть стремление к огульной уравниловке. Мы не терпим старшинства, мы не терпим вертикали, нам не нравится, когда кто-то старше нас, и поэтому мы не ищем старших, хотя надо бы. И мы не понимаем, насколько разрушаем этим свою жизнь!

Эта болезнь встречается и в нашем братстве — естественно, было бы странно, если бы ее не было. Это касается не только отношения к церковному клиру, но и ко всем иным старшим, которые есть в нашем братстве. Много раз мне приходилось у нас встречаться с тем, что можно было бы назвать хамством. Но мы редко в этом каемся. Мне никогда не приходилось видеть, скажем, такие записки, т.е. покаянные хартии, в которых было бы написано, что человек кается в хамстве. Я никогда этого не видел, хотя мне не однажды приходилось быть свидетелем подобных грехов. Ну, а о том, что делается в семьях, в домах, и говорить не приходится: по отношению к родителям, к дедушкам, бабушкам, по отношению к главе семьи, по отношению к старшему брату или к старшей сестре. Да, нам нужно каяться в этом, потому что иначе мы не сможем пройти тот искуc, то научение, которое от нас ожидается.

Не случайно в наше время и студенты, скажем, не любят своего начальства, т.е. руководства своих школ, институтов, университетов, и часто как бы «назло», когда им дают возможность выбирать, например, своего старосту, выбирают не того, кто действительно старше, а того, над кем можно было бы побольше посмеяться. Это грех, и в этом надо каяться.

Все то, что связано с послушанием, со смирением, с чувством благоговения, с прохождением искушений, со страхом Божиим, с умением не грешить, с умением выбирать лучшее — все это, к сожалению, для нас вещи трудные. Прости нас, Господи! Ибо бывает, к примеру, так, что люди сразу после оглашения как-то берутся рьяно: соблюдают посты, молитвенные правила, берут на себя много, хоть и понимают, что не все могут сделать, стараются от чего-то отказаться, выбирают, действительно, лучшее, даже если не все получается в их жизни, но потом проходят годы — пять, десять, пятнадцать, двадцать, тридцать лет и больше — и они ко всему привыкают. Они уже все знают наизусть, им уже все не в новинку, все не диво, и наступает то безразличие, та теплохладность, которая является первым гасителем духа.

Прости нас, Господи, за эту теплохладность, за это угасание нашего духа и за стремление угасить дух других. Ведь когда гаснет наш дух, мы иногда в какой-то своей внутренней испорченности, вредности, стараемся еще как бы тащить за собой других: «Ах, у меня не получается, пусть и у других не получается. Я не делаю, пусть и другие не делают». И мы начинаем смущать души тех, кто хочет что-то делать, но, может быть, не всегда умеет. Увы, и такое бывает. И мне кажется, в этом тоже надо каяться. Прости нас, Господи!

Если же вспомнить про память новомучеников Российских, то здесь материи совсем трепетные. Прежде всего, здесь надо сказать, что мы мало ими интересуемся. Мы живем, наша церковь живет отнюдь не только благодаря бабушкам, наполнявшим храмы, особенно в послевоенное время, как об этом часто говорится в официальных документах, — мы живем в первую очередь благодаря нашим новомученикам и исповедникам, которые искупали многие исторические грехи нашей церкви. Но наша церковь почему-то не хочет знать об этом искуплении, она с необыкновенным упрямством возрождает старую систему церковной жизни, где вновь и вновь находится место для всех ее старых грехов. И мы этому потворствуем, мы с этим не боремся. Мы не возвышаем своего голоса, мы как мертвые, как равнодушные люди, для которых Церковь — не мать. Прости нас, Господи!

В древности говорили: «Для кого Церковь — не мать, для того Бог — не Отец». Это было одно из крылатых выражений древней церкви. Люди очень хорошо при этом понимали, что они подразумевают под Церковью и ее материнством. Тогда не было принято называть всех подряд отцами, не было принято так говорить, но зато действительная благодарность к тем, кто рождал детей духовно, и значит, ко всей Церкви, у людей была. Поэтому было и благоговение: к Церкви относились так же благоговейно, как и к Богу Отцу, понимая, что Церковь — это продолжение Боговоплощения, это то, что обеспечивает «рост Слова» в этом мире. Мы же часто этого не видим, мы часто этого не ценим, даже если имеем возможность это видеть и ценить. И часто мы ничем не хотим жертвовать для того, чтобы церковь очистилась и возродилась, и если совсем недавно, всего лишь несколько десятилетий назад, люди гибли за это, то сейчас мы не хотим пожертвовать для своей церкви даже малым. Прости нас, Господи!

Мы не хотим жертвовать своим отдыхом, мы не хотим жертвовать временем интересных нам телевизионных передач, мы не хотим жертвовать временем дач и отпусков. Мы не хотим жертвовать своими силами, а часто и своими средствами. Да, есть исключения, верно. Ведь если бы их не было, то и нас бы здесь точно не было: все, что у нас здесь есть, стоит на наших пожертвованиях. Но всем понятно, что вклады людей в возрождение нашей общей церковной жизни распределяются в крайней степени неравномерно. Я вам должен это сказать, потому что через меня проходит «каждая копейка». И об этом говорить тяжело.

Подумайте, новомученики и исповедники Российские призывали нас к покаянию. Они не хотели, чтобы церковь воспроизводила себя такой, какой она была, скажем, в предреволюционное время. А для нас сейчас предреволюционное состояние церкви — это чуть ли не идеал, к которому надо стремиться! В результате мы до сих пор ощущаем себя где-то во

глубине времен, чуть ли не в конце XVIII века, т.е. на двести лет отставшими от исторического процесса. И если судить по тому, что реально происходит в церкви, по тем высказываниям, по тем взглядам, позициям, ориентирам и ориентациям, которые в ней господствуют, то мы действительно попали в какие-то темные века (в истории Русской церкви последних веков это и есть прежде всего век XVIII, время еще доалександровской эпохи).

Да, мы что-то делаем, но часто «за деревьями не видим леса». Ведь если спросить, хотим ли мы очищения церкви, ее возрождения, восстановления полноты ее жизни, то каждый скажет: «Конечно. Неужели нет?» А если спросить: «А что ты делаешь для того, чтобы это свершилось, вот ты лично?», то часто возникает замешательство: «При чем здесь я? Я еще не готов. Для этого есть старшие и более знающие и опытные люди». Но ведь человеку не 100 лет жить на белом свете, не так много лет нам дается для активной зрелой деятельности: до 20–25, а то и до 30 лет человек, как правило, еще не может, а после 60–70 лет он уже не может сделать ничего серьезного, большого. Бывают исключения в ту и другую сторону, но редко. И вот, большинство из нас сейчас как раз в этом зрелом возрасте — и в церковном, и духовном, и физическом смысле, — но когда сравнишь нашу жизнь с тем, что хотели видеть в жизни христиан люди предшествующего поколения, те самые новомученики и исповедники Российские, то становится стыдно! Читаешь о Сергия (Савельева), епископа Афанасия (Сахарова), жизнеописания многих других новомучеников и исповедников — и стыдно. Стыдно за себя, стыдно за других. И вдвойне стыдно, потому что мы не только не делаем, мы даже не хотим, даже и не планируем ничего подобного делать, мы даже не знаем, что надо делать нам. Не другому, не вторым, третьим, пятым, десятым лицам, а лично нам, каждому!

Поразительно наше невежество духовное, церковное. Мы лишь чуть-чуть вырвались из этого «болота», чуть-чуть подняли голову, так мало того, что нас пытаются бить по этой голове, это отдельный вопрос, но ведь мы уже забыли, что это только чуть-чуть! Нам иногда кажется, что это все, что надо, что это чуть ли не верх совершенства. А на самом деле мы еще по уши в той же самой грязи. Прости нас, Господи!

Мы не ценим духовного единства. Мы даже не ищем путей к нему. Но, в конце концов, вспомним еще и еще раз слова Писания: «Бог смотрит на путь человека». Ему не интересно знать, кто пережарил котлеты, кто недожарил. Ему не интересно судить о нашей жизни по отдельным фактам, потому что отдельных каких-то отрицательных фактов, неудач в личной и церковной жизни достаточно у каждого человека, и нет здесь исключений. Даже если бы все сразу стали святыми с нимбами и крылышками — все равно.

«Бог смотрит на путь человека». А каков наш путь, наш личный путь, на котором невозможно спрятаться за плечи другого, за его спину? Можем ли мы достойно ответить? Можно ли узнать в нем исповедание воскресшего Христа? Ведь сегодня есть и четвертый важнейший повод для покаяния, который надо было бы, наверное, поставить на первое место или на одно из первых мест — это недельное празднование Воскресения Христа.

Не так давно мы с вами как раз говорили о том, что значит исповедовать воскресшего Христа и почему у нас это часто не получается. Да, мы не похожи на свидетелей Воскресения! Мы, кажется, хорошие люди, во всяком случае мы можем показаться весьма порядочными, весьма приличными, весьма хорошими людьми, мы и стараемся, конечно, не быть уж совсем-то нехорошими, но христианин — не тот, кто просто хороший человек. Хороших людей много в любом народе, в любой конфессии, в любой деноминации, в любой религии, и среди нерелигиозных людей есть очень хорошие люди, только что с того, если они не свидетели Воскресения? Посмотришь на нас — и увидишь: мы сплошь и рядом этого свидетельства не являем. Ладно еще, если бы мы просто иногда его не являли, ведь синусоида в нашей жизни неизбежна: вверх — вниз, вверх — вниз, но все-таки в то же время и куда-то вперед, и в целом,

может быть, вверх. Но мы часто замечаем, что не отражается в ближних наших свет Воскресения, который должен идти от нас: мы как бы сами потухли, вот и других притушиваем. Прости нас, Господи!

Нам не хватает вдохновения — истинного, подлинного, большого. Свидетельство Воскресения — это большое вдохновение, и без большого вдохновения нельзя быть свидетелями Воскресения. В конце концов, пусть мы почти ничего исторически точного не знаем о деятельности апостолов за пределами книги Деяний, но ведь все равно мы остаемся перед тем фактом, что малая горстка людей смогла совершить во всем мире такой переворот, которого история никогда не знала! Как, какой силой? Только силой Воскресшего, только ею! И поэтому отсутствие в нас этой силы свидетельства о Воскресшем делает нас и наше слово обреченными на неудачу, — если только мы не покаемся, если не исправимся, если не найдем в себе того богосродного корня, который способен жить в земле благодатной и питаться соками воды живой! Прости нас, Господи!

Самое тяжелое, может быть, как раз то, что все мы искренно хотим покаяться. В нас сидит очень глубокое искреннее желание этого, и значит, сознание своего несовершенства и своей греховности. Но при этом мы крайне пассивны, при этом мы готовы на полное бездействие, если иметь в виду тот творческий дух, который требуется в таких случаях. Мы можем, конечно, выполнять указания — лучше или хуже, так или иначе, больше или меньше, но мы редко можем идти сами. А чего нам не хватает? Может быть, нам не хватает духовного руководства? Но как же так — ведь двухтысячелетняя традиция за нами: Священное писание, святые отцы, храмы, молитвы — все, что угодно, только черпай из этой сокровищницы! Все существует в великом многообразии, покрывающем, наверное, все возможные жизненные варианты. Чего же нам не хватает для того, чтобы действительно покаяться и начать жить, не улетая сразу на небо, но и не довольствуясь лишь «земляной» жизнью?

Мы не хотим рисковать. А все, что от Бога, не дает никаких гарантий, это всегда риск: свобода — это риск, любовь — это риск, истина — это риск, общение — это риск. А нам рисковать не хочется: «Пусть будет уж малое, но то, что сами имеем. Лучше синицу иметь в руках, чем журавля в небе».

О. Сергей (Савельев) видел корень всех бед в сребролюбии, он считал, что историческое христианство чуть не загубило себя, начиная с эпохи императора Константина, именно союзом с государством, с внешними силами, именно желанием удобной жизни, комфортабельной, спокойной, сытой. Да, в Писании сказано: «Корень всех зол — сребролюбие», и поэтому позиция о. Сергия всегда будет истинной, и ее никто никогда не сможет опровергнуть. Когда он торжественно сжигал на церковном дворе свечной ящик, это гнилое, но доходное место, в Москве над ним смеялись (я помню этот день, это было где-то в 1975 году), и никто не хотел каяться, хотя все знали, какое это зло — церковный ящик! Но мы с вами на сегодняшний день не связаны с церковными ящиками, у нас другие искушения, у нас — своя маммона, свой кошелек, своя мошна. И, конечно, это серьезно. Нельзя жить комфортабельно, сытно, удобно и хорошо служить Богу. «Не можете служить Богу и маммоне», и каждый человек, который делает выбор в сторону служения себе и своей маммоне, теряет возможность служить Богу. Сразу или не сразу, в полноте или не в полноте — все равно, но теряет, ибо служение Ему — это обязательно жертва собой и своим. «Бог смотрит на путь человека».

Но все мы знаем, что не одним сребролюбием мы раздражаем нашего Господа, что это не единственное наше искушение. Желание удовольствий, желание расслабиться — вот что сейчас, может быть, стоит на первом месте. Всем очень хочется отдохнуть. Особенно до начала какого-либо дела. А эта расслабленность приводит к безволию: «пльви мой челн по воле волн». Вот мы и плывем «по воле волн», и не знаем, куда плывем.

Я иногда думаю: почему наши братья и сестры в Екатеринбурге и Томске достигли всего того, чего искали, чего просили? Ведь их надежды были, кажется, несбыточными, точно так же, как наши надежды снова обрести свой храм. Но вот они всего достигли, а мы — нет. Ну, кто-то у нас утешает себя мыслями на тему «большому кораблю — большое плавание». Но дело, конечно, не только в этом: каждый, действительно, получает в свою меру, по своей вере, ведь сказано: «по вере вашей будет вам», и еще: «сия есть победа, победившая мир — вера ваша». Если мы тоже хотим победить, мы должны знать, что победить мы можем только высшим вдохновением, только нашей верой.

А веры-то нам и не хватает. Вот сегодня, например, собралось приходское собрание храма Успения в Печатниках. Решили собраться, поговорить: как нам дальше быть-то, ведь сколько времени уже прошло с тех пор, как у нас отняли храм. Я зашел к ним, смотрю — сидит чуть ли не меньше половины членов этого собрания, которое у нас, конечно, было весьма большое. Меня это как-то очень поразило и я подумал: «Вот потому мы поныне и не имеем храма», — ведь оказывается, что он никому толком-то и не нужен: все уже приспособились, все уже имеют всё, что хотят. А хотели бы другого, веря в него, — получили бы свое.

Не знаю, может быть, будут и какие-то другие плоды, посмотрим, все-таки собралось несколько десятков человек. Поживем — увидим. Я специально не ходил на это собрание, чтобы даже не высказывать своих мнений в присутствии всех. Мне хотелось узнать: а чего хотят люди, однажды написавшие заявление на членство в приходском собрании, т.е. взявшие на себя ответственность за конкретный храм, — чего они хотят, а не чего я хочу.

Вот так часто бывает в нашей жизни, в нашей духовной жизни. Иногда я удивляюсь: проходит оглашение группа за группой. Мало того, что их часто ведут одни и те же люди, которых очень немного по отношению ко всему количеству членов Братства, но те, кто оканчивает катехизацию, редко высказывают даже желание стать катехизаторами, хотя разве можно оспорить ту мысль, что сейчас без миссии с полной взрослой катехизацией, как и без общинности, духовное возрождение в нашей церкви просто невысказано. Невысказано! Все остальное — второстепенно, даже евхаристическое возрождение, как бы желанно оно ни было, поскольку и оно должно расти из этих корней (а не наоборот, ибо мы видели, что бывает, когда происходит наоборот: я это хорошо помню в пустыньке о. Тавриона и у о. Всеволода Шпиллера — а это те два человека, которые на сегодня являются символами нашего евхаристического возрождения).

А о чем мы думаем? Общины часто чуть ли не разваливаются, а мы спим! Группы нередко рedeют (по понятным причинам: искушения — искушают), а мы спим! Иногда не хватает катехизаторов, а новых почти нет. Я даже до сих пор не могу полностью доверить нашему Братству, скажем, проведение «открытых» миссионерских встреч, хотя мы их регулярно проводим уже где-то 12-13 лет: сперва каждые два месяца, а потом каждые четыре месяца.

Вот я и думаю, почему так: есть уже братство, которое не очень похоже на братство, есть общины, которые не очень похожи на общины, есть группы, которые не очень похожи на христианские общности, а мы спим! Обещаем и не делаем, каемся и не раскаиваемся! Потихоньку начинаем друг другу подвирать или, наоборот, льстить, то есть потихонечку заражаемся всеми теми болезнями, от которых так хотели и хотим уйти! От чего ушли, к тому постепенно, постепенно и приходим? Но пройдет еще 20-30 лет и что же будет? Нести свой крест мы часто не умеем. Мы не умеем нести крест страданий, смертей. Мы не умеем даже давать и от этого радоваться, вернее, умеем, но в очень небольшую меру.

Апостол Павел уже наблюдал все это в своих общинах и говорил: «Наше сердце расширено, вам не тесно в нас. Распространитесь же и вы, — т.е. расширьте свое сердце, — чтобы и нам не

было тесно в вашем сердце». Он уже видел эти беды. Надо ли говорить, что из века в век становилось не лучше? Все это привело к тому, что мы все знаем, как недолжное в церкви. Оттого христианство сейчас часто — как «соль обуянная», потерявшая силу, как посмешище среди людей. Люди приходят к христианству в поисках эстетических наслаждений, экстатических высот. Им неприятна чья-либо жизненная дисгармония, они не хотят ничем рисковать в своей жизни. Они хотят только приобретать: «вот у меня было то-то и то-то, а придя к христианству, я получу еще то-то и еще то-то». И так во всех странах. Православие часто принимают не потому, что уверены в его большей истинности, а потому, что здесь свечечки горят, лампадки, ходят «благоутробные» батюшки и матушки, сияют вполне сытые и ухоженные монастыри — все успокаивает и все эстетически прилично. А что там иногда бывает за внешне красивыми дверями — ладно, не нам судить. Но вот о Любви, о Свободе, об Истине, принимая Православие, говорят редко. А если и говорят, то редко можно понять, что за этим стоит и какое это имеет отношение ко Христу и к Евангелию.

День памяти новомучеников и исповедников Российских должен был бы праздноваться всеми нами сейчас особенно торжественно, как и всем христианским миром. Но для этого мы должны почувствовать себя их наследниками — наследниками всерьез, наследниками их делания, их подвига, их духа, их мысли. А этого нет. И поэтому мы опять попираем великие перлы ради обретения мелкого бисера.

Господь говорит Своим ученикам, хотя бы некоторым из нас: «Оставь все и следуй за Мной». Он говорит о Кресте, который нам надо нести. Он говорит о том дерзновении духа Свободы и Любви, без которого нет утешения от Духа Божьего. Он не хочет ни разномыслия, ни раздоров в общинах Своих учеников. Мы же, как нарочно, «отцеживая комара, верблюда поглощаем», делая все наоборот.

Как нам в этом раскаяться? Как нам в реальности обрести подлинный путь? Кажется, жизни не хватит, не то что одного Великого поста. Но нельзя же нам второй раз входить в одну и ту же реку, еще и еще раз катехизироваться, еще и еще раз слушать объяснения вещей первоначальных и усваивать важнейшие для нашей жизни призывы из Евангелия. Так как же нам следовать по тому пути, который каким-то чудом уже раскрылся пред нами?

В отличие от многих и многих мы хотя бы в принципе знаем, что надо делать христианину. Но мы плохо научены тому, как это делать, мы имеем слишком мало примеров этого. Давайте же пробовать, давайте стараться. Наверное, как чудом Божьим нам открылся сам путь, так, может быть, чудом откроются и те средства, которые нам нужны для того, чтобы реализовать этот дар, чтобы его усвоить и умножить. Остается надеяться только на такое чудо, потому что слишком явно то, что нас самих здесь не хватает, что бы мы о себе ни думали.

Будем просить у Господа прощения снова и снова! Будем искать его, будем искать Царства Небесного и правды его. Будем стараться идти путем освобождения. Будем стараться прощать, будем стараться и быть прощенными прежде всего Богом, и дай Бог, чтобы и людьми. Будем стараться не расточать даже малых крупиц от того, что дал нам Христос. Мы живем в ту эпоху, когда эти малые крупички могут составить великое достояние. Не сейчас, в будущем, но могут. А если мы будем расточать, а не собирать со Христом, то никакого состояния, никакого Небесного Царства мы не увидим, никакого наследства от Бога мы не получим.

Будем же идти в этом направлении. Пусть нас здесь и сейчас очень мало и мы не можем рассчитывать ни на какую поддержку. У нас много друзей, но у всех наших друзей много своих проблем, так что, скорее, мы должны им помогать, потому что мы в каких-то отношениях более благополучны, чем все они: те, кто живет в нашей стране, и те, кто живет вне ее, где бы то ни было, потому что везде сила Божия совсем рассеяна. Мы худо-бедно, но хоть как-то собраны:

под одни своды, в одних каких-то братствах, общинах, группах, школах и еще в чем-то, еще в чем-то. А у других и этого нет. Пусть это собрание в большой степени еще внешнее, оно еще требует от нас углубления или усвоения, овнутрения, но оно существует.

Будем помнить: только в нашем единстве, только в нашей жертвенности, в нашей любви, в нашей вере — залог нашей жизни в будущем, залог нашей победы в будущем, залог того прощения, которое тождественно нашему спасению.

Давайте теперь в духовной тишине, пусть и не в полном духовном или душевном комфорте, помолимся Богу, чтобы это прощение состоялось, чтобы мы были прощены за все наши вольные и невольные грехи и согрешения и чтобы мы также простили всех за все их вольные и невольные согрешения и грехи. Это совсем не значит отступать перед злом, особенно в церкви, но это будет единственной возможностью церковь обновить и возродить, в наше ли время, после ли нас — все равно.

Давайте вспоминать своих наставников, своих учителей, свидетелей Воскресения. Давайте поминать их глубже, полнее, искреннее. Давайте смотреть на них, как на тех, кто указывает нам путь и в наше время, несмотря на то, что многое в жизни изменилось.

Давайте подходить к нашему покаянию так, как этого хочет Господь, — как к духовному празднику очищения. Давайте радоваться каждому посещению Господа и благодарить Его и друг друга, ибо без наших ближних этого невозможно ни вполне увидеть, ни вполне пережить.

Давайте подходить к покаянию так, как будто это последнее покаяние в нашей земной жизни, так, как будто оно не требует никаких посредников и свидетелей, кроме Самого Господа.

Постараемся же не обмануть Этого Свидетеля, да будем единым Телом Христовым во все дни своей жизни!

Аминь.

Храни вас всех Господь!

6 февраля 1999 года.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей после вечерней молитвы. Слово о благой вести Последнего дня

Проповедь

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане!

Вот завершается уже время мясоеда, то время, когда, по старой церковной традиции, разрешается есть мясо, и с понедельника начинается первая ступень Великого поста, когда мясо уже не едят. Называется это время, как вы знаете, масленица. В это время уже положены особые чины богослужений и особые чтения, особенно в среду и пятницу, несмотря на то, что в среду и пятницу поста нет, кроме общего для этой седмицы запрета на мясо.

Поэтому совершенно не случайно завтра, кроме воспоминания о Воскресении Христовом, церковь призывает всех своих чад вспомнить о Страшном суде — для того, чтобы мы приготовились что-то сделать в своей жизни такое, что сделало бы этот суд для нас не столько страшным, сколько желанным. Ведь в нормальном случае Страшный суд для христианина должен быть именно желанным, а не страшным. А если страшным, то лишь в том смысле, в каком мы говорим о страхе Божьем, т.е. трепетным судом, к которому мы должны относиться с благоговением, что вполне достойно. Это тот опыт, то чувство, которое не должно покидать христианина.

Очень жаль, что в христианской истории сложилось так, что люди по большей части воспринимали этот Суд действительно как страшный, как ужасный. День Суда воспринимали как день гнева Божьего. *Dies irae* — пели веками на христианском Западе, да и сегодня мы с вами слышали песнопения уже восточно-христианской традиции, которые тоже напоминают нечто подобное.

Конечно, грехи христианской истории были очень велики, и сами христиане ужасались не столько Божьего Суда, сколько самих себя, видения своей истории. Бердяев как-то написал, что христианская история была бессовестной. Она была, может быть, самым большим соблазном для людей: при всей привлекательности Евангелия, Благой вести, Откровения Христова люди часто покидали церковь или, во всяком случае, переставали ее слушать по одной простой причине, указанной в Писании. Помните, там ведь сказано: «Из-за вас, из-за грехов ваших имя Божье хулится у язычников» (Рим 2: 24)). Да, часто бывает именно так: по грехам нашим хулится имя Божье. И поэтому, вступая в Великий пост, мы вспоминаем именно свои грехи — чтобы понять, что этот пост нужен нам для очищения, для исправления, а некоторым — буквально для обращения от небожеского жития к божескому. Если древняя церковь определила Великий пост как время сочувствия верных готовящимся к просвещению, то чем дальше, тем больше христианам приходилось думать совсем о другом. Они забыли о просвещаемых, они стали думать только о себе, о своих грехах пред лицом ужасного Суда.

И все-таки, дорогие братья и сестры, нам надлежит вспомнить полноту христианского благовестия. Ведь в конце концов, до сих пор воспоминание Страшного суда приходится на день воскресный, и значит, оно должно пониматься нами в свете Воскресения! Иначе нельзя, дорогие братья и сестры! Но увы, увы, мы стали столь бесчувственны, что нас перестала волновать истина Христова Воскресения. Мы любим праздник Пасхи, но мы плохо чувствуем восьмой день недели — регулярно наступающее в этот день воспоминание Христова Воскресения. Нам достаточно Пасхи, наступающей один раз в году, и нам слишком много Пасох, которых ровно столько, сколько в году седмиц. Мы не вмещаем этой пасхальной радости, точно так же, как мы часто не вмещаем даже еженедельного причащения, еженедельного евхаристического служения Богу в качестве царей и священников Бога Живого!

Что это значит? Что мы не вмещаем того, ради чего мы приняты Богом в Церковь. И мы все время пятимся назад и ощущаем себя скорее в притворе, чем в храме. Поэтому мы всего боимся: боимся начальственных окриков, боимся даже легких слухов, боимся самих себя, боимся окружающего мира — не только нецерковного, но и церковного. Отчасти нам есть чего бояться — в силу вот этого мало отличающегося от нуля уровня нашей духовной жизни. Но отчасти этот уровень духовной жизни как раз и объясняется этими страхами, этой неуверенностью, маловерием, недостатком любви, надежды, веры, недостатком той внутренней свободы, без которой Христос воскреснуть бы не мог. Ведь Воскресение Христово — это еще и торжество Свободы, Свободы Божьей, о которой Писание прямо нам и говорит: «Где Дух Господень, там Свобода!» Нам же бывают сладостны рабские оковы. Мы привыкли к ним, свыклись, сжились с ними, приспособились к ним. Мы не знаем уже, что и делать с этой

Свободой, когда она вдруг предстает перед нами. Мы не знаем, что делать с Божьей Любовью, с Божьей благодатью, потому что она дается для того, чтобы служить, для того, чтобы отдавать себя в жертву. А мы не готовы. Нам жалко себя, себя и свое, свои планы, намерения, имущество, близких. Нам бывает жалко даже прощаться со своими грехами, со своими страстями. Мы давно как бы заключили некий тайный договор с миром сим, лежащим во зле: мы ему делаем уступку и не очень враждуем с ним (ну, внешне надо, конечно, повоевать, но внутренне — не обязательно), а мир сей в свою очередь уступку делает нам. И хотя внешне он презирает нас, иногда даже ругается и огрызается на нас, но внутренне он уже давно не боится того, что кто-то его победит. Он уже давно не верит христианским словам обличения, он знает, что за этим мало что стоит. Он думает про себя: «Говорите, христиане, говорите, тешьте себя, как будто вы праведны, как будто вы знаете истинный путь». И мир сей понимает, что мы часто дальше своих слов никуда не пойдем, потому что это опасно, это страшно, это крест, это Голгофа. Когда с тебя срывают покровы, сдирают кожу, когда в тебя впиваются стрелы лукавого, когда звери дерут твою плоть и отрывают куски мяса — это страшно, но именно так мир сей будет мстить тем, кто нарушит однажды достигнутый договор между ним и церковью — вернее, лжехристианами, по-прежнему называющими себя церковью.

Что удивляться, дорогие братья и сестры, что мы уже давно не чувствуем Воскресения Христова и не видим в свете Воскресения Страшного суда, а поэтому всерьез-то о Страшном суде и не думаем. Нам приятнее рассматривать нравоучительные картинки, где за каждый грех назначается свое наказание, мы тешим свои садистские инстинкты, смотря на подобные иконы, читая некоторые христианские книги, воспринимая все это как пилюлю для других, а не как нечто серьезно относящееся к нам.

Так, евангельский образ Последнего дня все больше и больше замутняется и скрывается от нас. Господь предупреждал Своих учеников, сказав им однажды, что они «соль земли»: «Если эта соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленой? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поправление людям» (Мф 5: 13), что значит — на помойку. Очень часто мы становимся именно такой «солью обуюнной»! Поэтому нам следовало бы вспомнить о благовестии Последнего дня, о том, что в нем — Радостная весть, Благая весть для каждого алчущего и жаждущего правды, милостивого и кроткого, изгнанного за правду. Последний день — это обещание Бога через Сына Своего положить конец злу в этом мире, положить конец всякому греху, всему тому, что разрушает Божье творение, разрушает дух, и душу, и тело. Вне силы Воскресения понять это благовестие Последнего, Судного дня нельзя, вне силы Воскресения нельзя им и порадовать других!

Скажите мне, дорогие братья и сестры: кто-нибудь из вас, проповедуя христианство, открывая тайны своей веры другим, призывая к Богу, в Церковь, говорил ли когда-нибудь при этом о благой вести Последнего дня? Боюсь, что нет (присутствующие отрицательно качают головой), — никто и никогда! Почему? Только потому, что мы смотрим на Христа как чужие, как внешние, для которых любое Божье дело — страх и ужас.

Конечно, нам нужно в этом каяться, и пока мы не раскаемся, мы не воспримем истины Христова Суда. Пока мы не исправим свою греховную жизнь, пока мы не научимся верить по-божески и жить по этой вере — мы не воспримем полноты Евангелия и не сможем сказать внутренне чистосердечно Христу: «Ей, гряди, Господи Иисусе», как говорили христиане в древности, о чем сегодня они, увы, забыли. И даже когда они помнят свой древний возглас «Маранафа» и знают его смысл, они не несут с собой той силы упования на Господа, того желания «разрешиться и со Христом быть», о котором свидетельствовал апостол Павел: «Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас» (Флп 1: 23).

Поразительны те исторические сдвиги, которые претерпело христианство изнутри, ничего внешне как будто не теряя, а только слегка, слегка, постепенно, изо дня в день, из года в год, из века в век переставляя акценты с одного на другое, со второго на третье и дальше, дальше, дальше... И так постепенно вся жизнь христианская стала неузнаваемой. Мы с вами давно это заметили, дорогие братья и сестры, и уже говорили в одной из прошлых проповедей, еще в нашем Успенском храме, что если бы какой-нибудь апостол пришел к нам, он не узнал бы в нас учеников Христовых. Мы бы показывали ему его же писание, мы бы клялись в верности апостольскому преданию, мы бы утверждали, что имеем апостольскую преемственность, мы бы говорили страшные слова о том, что и до сих пор среди нас где-то есть «преемники апостолов», но сами апостолы не сказали бы на это «аминь», даже если бы их провели по православным церквям с экскурсией и показали бы лучшее в них, а не худшее. И вот это, может быть, самое трудное, дорогие братья и сестры!

Мы должны обратить свой взор к последнему Суду как раз для того, чтобы в свете этого Суда все поставить на место, для того, чтобы восстановить Божью правду и Божью истину. Для этого не надо никуда уходить, не надо уходить из нашей церкви, кто бы в ней ни правил, не надо! Надо самим стать просто христианами, просто учениками Иисуса. Надо самим сначала явить ту простоту и мудрость, которая нам завещана Христом и апостолами: мудрость духовную, мудрость в уме, и простоту, от которой некоторые отклонившись потерпели урон и ущерб. Нам заново нужно проповедовать Христа. Нам заново нужно проповедовать нашу веру, ничего не придумывая. Господь Сам поможет нам расставить все акценты, найти свой путь, подаст и силы, нам надо только не перемудрить, но и не упрощать ничего сверх меры.

Вот, дорогие братья и сестры, пусть эти простые вещи дадут нам повод для размышления — и на сегодня и на завтра, и дальше, до Пасхи, чтобы это время было действительно временем молитвы, покаяния, прощения, возрождения, восстановления, апокатастасиса — в нас и во всей церкви.

Я не случайно употребил это сложное греческое слово, хотя большинство из вас, я думаю, знает, что оно значит. «Апокатастасис» — это древнее святоотеческое учение о восстановлении всех в Божьем достоинстве, всех и всего в мире, всего творения и всех людей. Святые отцы жили этой надеждой на всеобщее спасение, потому что имели любовь, которая покрывала, вслед за Христом, все грехи и раны этого мира. А когда им не хватало этой любви, они учили об этой любви, они говорили о ней — для того, чтобы призвать к ней себя и других, для того, чтобы никто о ней не забыл в будущем. Сейчас принято ставить под подозрение это учение, присущее большинству из наиболее значительных святых отцов — не только аскетов, но даже и догматистов. Это говорит лишь об одном — об оскудении любви. Если же мы хотим, чтобы мир сей снова задрожал в страхе пред Христовой Истиной, мы должны обрести такую полноту Его Любви, от которой Христос снова идет в этот мир, чтобы судить мир. Это — наша задача, и это вполне возможно. Если же мы сразу и не можем исполниться такой любовью, то возжелать ее — можем и все мы, и каждый.

И да поможет нам в этом Господь, да поможет Он нам в нашей христианской жизни, поможет нам понять, что спасение в одиночку невозможно и что спасение по Божьему Суду предполагает полноту Христовой Любви!

Аминь.

13 февраля 1999 года.

Протопресвитер Виталий Боровой: Из проповедей в Богоявленском патриаршем соборе в Москве. Слово в неделю перед Воздвижением

Проповедь

Во вторник будет праздник Воздвижения честного животворящего Креста Господня. Это очень древний праздник — и сам праздник Воздвижения, и обычай по-особому отмечать субботу и воскресенье перед Воздвижением.

Как мы знаем, в жизни христианской церкви все связано, все сконцентрировано, все объединено около Креста Господня, ибо Крест есть символ всего дела Господа нашего Иисуса Христа, символ всей нашей христианской Церкви, символ жизни каждого из нас. Ибо как в жизни и спасительном деле Господа Иисуса Христа, так и в жизни каждого из нас все дается через борьбу, все проходит через смену страданий и торжества, уничтожения и побед, смерти и воскресения. Не бывает ничего в жизни хорошего, выдающегося (и это мы знаем по нашему личному опыту), чего бы мы могли достигнуть без усилий, без страданий, без борьбы, без того, чтобы мы шли к этому своего рода крестным путем, страдальческим путем. И только тогда наш успех, наша радость, наша победа вполне осознанна, вполне для нас глубока и значима, если мы ее выстрадали, завоевали через борьбу, через страдания, через всякого рода препятствия. Поэтому с самого начала христианства Крест, на котором страдал и умер Господь наш Иисус Христос, был для всех христиан символом не только страдания, не только жертвенной смерти Господа Иисуса Христа для искупления грехов человеческих и для спасения рода человеческого, но был также и символом победы, воскресения и торжества Господа нашего Иисуса Христа и с Ним — торжества истины, торжества жизни, торжества добра и любви над злом, над мраком, над заблуждением, над смертью.

Праздник Воздвижения связан с двумя большими эпохами, большими событиями в истории христианской церкви. Первое — мы вспоминаем в этот праздник обретение честного животворящего креста царицей Еленой при Константине, первом христианском императоре, в 326 году в Иерусалиме. Так как обретение это случилось тогда на второй день Пасхи, то праздник и был тогда установлен на этот день. Десять лет спустя император Константин построил в Иерусалиме великолепный храм Воскресения Господня, крест Господень был поставлен там, и в 336 году был созван специальный собор отпраздновать это торжественное и радостное событие. И вот, так как освящение этого храма во имя Воскресения Христова было совершено тогда 11 сентября, то по постановлению этого собора праздник Воздвижения и стал отмечаться в этот день. И так как это был храм во имя Воскресения, тогда же возникло это чудесное, соединяющее Крест и Воскресение, песнопение: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим». Это было историческое, но вместе с тем и глубоко символическое соединение: соединение креста, страдания, уничтожения — и воскресения, торжества, победы.

Потом, уже в VII веке, в 614 году, персидский царь Хозрой, который воевал с Византией, христианским государством, в обладании которого находился Иерусалим в то время, этот царь Хозрой, будучи язычником, огнепоклонником и врагом христиан, завоевал Ближний Восток, Сирию, Палестину, Египет, Малую Азию, завоевал также Иерусалим и пленил христианское

население Иерусалима, выселил его во главе с патриархом и поселил в глубине Персии, а пречистое древо животворящего креста Господня отвез в Персию. Для христиан это был большой удар, большая горе. И вот, византийский император Ираклий после целого ряда многочисленных походов, после многих лет борьбы, в 628 году не только победил персидского царя, не только разгромил персидскую державу, но и освободил из плена христиан, патриарха Иерусалимского и честное древо креста Господня, и сам, с одной стороны радостно и торжественно, а с другой стороны — смиренно взял на свои плечи крест Господень и нес его в Иерусалим, где он был водворен на прежнее свое место 14 сентября. И праздновали после этого, с VII века до настоящего времени, в этот именно день. А так как освящение храма во имя Воскресения при Константине в 336 году и собор, который установил этот праздник, были совершены в субботу, накануне воскресенья, то было решено отмечать перед Воздвижением особый праздник — субботу и неделю перед Воздвижением.

Дорогие братья и сестры, вот такова история и предыстория этого праздника, события которого мы сейчас с вами вспоминаем. Но для нас с вами, в условиях жизни церкви в настоящее время, этот праздник — суббота и воскресенье перед Воздвижением — имеет еще особо важное значение. Ибо в Евангелии от Иоанна, которое сегодня читалось во время литургии (Ин 3: 13-17), сказано, что «никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах», — то есть Господь наш Иисус Христос. Таким образом, взойти на небо, то есть достигнуть высшей степени счастья и блаженства в вечной жизни, человек сам по себе не в состоянии из-за своей ограниченности, и только Господь наш Иисус Христос, сущий на небесах, Он сошел на землю, чтобы нас, людей, возвести на небо. Только при помощи благодати Божией, при содействии милости и любви Божией мы можем достичь вечного спасения, вечной жизни и блаженства на небесах.

И дальше говорится: «Как Моисей вознес змею в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому (т.е. Господу Иисусу Христу быть вознесу на кресте), дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». И дальше сказано в сегодняшнем Евангелии: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него».

Дорогие братья и сестры, это не только наша великая радость, не только основание нашей надежды на спасение, но вместе с тем это очень важное утверждение для нашей с вами жизни. Ибо мы, верующие, мы, ревностные чада Церкви Христовой, мы, которые посещаем церковь, молимся, стараемся соблюдать все церковные узаконения, обычаи, обряды, посты, — мы очень часто подвержены опасности, соблазну считать, что только мы, соблюдающие эти правила церковные, только мы будем или можем быть спасены, а те, кто вне церкви, те, кто не знает этого, отвергает и не соблюдает этого, — все погибнут. И мы даже молимся (очень часто я сам читаю эти записки) о погибших, о заблудших, между тем как Евангелие нам говорит, что «так возлюбил Бог мир, — не нас с вами, не тех только, кто верует в Него, а мир, — что Сына Своего Единородного отдал», и Он пришел не с тем, чтобы судить мир, а чтобы спасти мир. Спасение Божие возвещено и доступно, и даровано всем людям. От них зависит — принять это спасение или отвергнуть, но к спасению призваны все люди, все люди искуплены бесценной кровью Господа нашего Иисуса Христа, пролитой на кресте. За всех Он был распят, за всех Он умер, для всех Он воскрес. Он естество человеческое — всех людей — вознес с Собою на небо и сел одесную Бога Отца. И вот это, дорогие братья и сестры, нам не надо забывать.

Апостол Павел в Послании к галатам (6: 11-18) — этот отрывок тоже сегодня читался — говорит: «Видите, как много написал я вам своею рукою». Дело в том, что в древности письма писали специальные писцы, а автор письма диктовал. Так и апостолы делали: они диктовали, а

писец писал. Но когда приходит момент очень важный, когда апостол хотел подчеркнуть тем, кому он пишет, что дальше будет самое важное, он тогда писал своею собственной рукой, чтобы они отметили это как самое важное в его послании. И вот он здесь пишет: «Видите, как много написал я вам своею рукою», что значит: смотрите, следующее — самое главное в этом послании, обратите на это внимание. И дальше он говорит: «Желающие хвалиться по плоти принуждают вас обрезываться».

Дело в том, что христианство возникло в среде богоизбранного народа израильского, у людей обрезанных, но христианство было Новым Заветом Бога с людьми, благовестием истины Божьей и спасения всем людям, а не только богоизбранному народу израильскому. Этого не могли, не хотели понять обрезанные люди того времени, еврейский народ. Они думали, что только чрез них, только у них спасение, и всякий, кто хочет спастись, должен достигать этого спасения чрез них — обрезаться, принять все правила ветхозаветной религии и только тогда он может быть спасен, только тогда благая весть и дело Господа Иисуса Христа будут по отношению к этому человеку действительны. И вот возникло внутри первохристианской общины страшнейшее напряжение, страшнейший спор: касается христианство, благая весть, дело Господа Иисуса Христа всех людей или в первую очередь касается народа богоизбранного, ветхозаветного, и значит все, кто хочет спастись, должны принять обрезание, принять Ветхий Завет и только тогда становиться христианами?

Апостол говорит: я пишу вам собственной рукой (а он писал тем, которые из других народностей стали христианами, но не были обрезанными, не соблюдали закон Моисеев): те кто принуждают вас обрезываться — т.е. принимать эти обычаи, этот ветхозаветный уклад жизни — те желают похвалиться вашей плотью, т.е. по человеческой слабости, по человеческой гордыне желают польстить себе, желают похвалиться тем, что все стали такими, как они, и только тогда может быть достигнуто спасение. Они хотели испытать эту радость, что весь род человеческий должен стать в точности, как они, соблюдать те же самые обряды, те же самые обычаи, жить так, как они живут, и только тогда, мол, спасетесь, только тогда истина воссияет, только тогда спасительное дело Господа Иисуса Христа для вас будет спасительным. Но, — говорит дальше апостол, — они сами не соблюдают закона, они только требуют этого от вас, а сами его не в состоянии соблюдать.

Дорогие братья и сестры! Разве не случается этого с нами, когда мы заставляем как бы обрезываться всех людей, которые приходят к нам и не знают ни обрядов, ни обычаев, ни молитв, ни уставов наших, не знают уклада нашей жизни и не живут так, как мы, и не могут даже жить, как мы, потому что они живут в совершенно другой, мирской среде, где просто нельзя соблюдать эти уставы и обряды, но они стараются верить в Господа Иисуса Христа, ибо Дух Святой пробуждает у них интерес. Как тогда заставляли обрезываться, соблюдать все старые обычаи и обряды ветхозаветной религии, так и мы их сейчас заставляем соблюдать все наши обычаи, все обряды, установления, и если они их не знают и не соблюдают, мы их попрекаем, мы их гоним вон, мы им говорим: вы не так молитесь, не так стоите, не так креститесь, вы не так одеты, вы не соблюдаете ни наши обычаи, ни посты, ни молитвы, и потому вы идолослужители, вы плохие.

Дорогие братья и сестры! А разве это не то, что было, когда апостол писал: «Они желают похвалиться в вашей плоти»? Ведь это мы с вами желаем испытать эту гордость, что вот, мы знаем, мы все умеем, а вот вы, приходящие со стороны, вы не умеете, вы не знаете, мы, мол, для вас учителя — мы желаем хвалиться в плоти вашей.

А между тем, апостол дальше говорит: «А я не желаю хвалиться, разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят и я для мира». Таким образом, единственная наша похвала и радость — это не наши обычаи, не наши обряды, не наш уклад

жизни, а единственная наша радость, похвала и гордость — это Крест Господа нашего Иисуса Христа, т.е. Его крестные Страдания, Его Воскресение, Его Победа над смертью. Вот для нас похвала, единственная похвала — Крест Господа нашего Иисуса Христа, которым, — апостол говорит, — я распят для мира, и мир для меня распят. Что это значит? Это значит, что мир я воспринимаю чрез Крест Господа нашего Иисуса Христа, что мир я воспринимаю крестным путем, так что иду через страдание к победе. И мир распят для меня, мир тоже идет своего рода крестным путем от зла к добру, от смерти — к жизни вечной, от страдания — к радости и победе. Вот только этим можно и нужно хвалиться!

И дальше апостол говорит: «Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь». Что это значит? Во Христе Иисусе не важно — такой обряд или другой обряд, будешь ли соблюдать то, что раньше было, или будешь соблюдать что-то новое. Во Христе Иисусе важна только новая тварь. Мы должны быть новыми людьми — вот это важно! Христианство — это благовестие новой жизни, не новых обрядов, не какого-то нового уклада жизни и обычаев, но новой, нравственной, святой, совершенной жизни. Человек должен в христианстве как бы заново родиться. Вот это обновление человека во Христе Иисусе — единственное, что важно. И апостол говорит: вот, кто так живет, — тому милость и мир от Бога.

И дальше самое важное и последнее, дорогие братья и сестры. Апостол здесь говорит: «Впрочем, никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем». Это значит, что я жизнью своей участвую в страдании Господа Иисуса Христа. Я тоже страдаю, поэтому пусть меня никто не упрекает, не утруждает в том или в другом. Самое важное, что я жизнью своей участвую в Страдании Господа нашего Иисуса Христа, а значит, буду участвовать и в Воскресении Его, и в Победе Его.

Это очень важно в двух отношениях. Те, кто к нам приходит, хотя и не являются такими истовыми, традиционными, уставными православными христианами, те, чья душа тянется к Богу, но они не знают и не соблюдают предписаний церковных, те очень часто могут сказать нам (и перед Богом это истинно): вы что нас упрекаете? Мы язвы Господа нашего Иисуса Христа на теле нашем носим. Они так не скажут, потому что слов этих не знают, но оно так и есть, ибо они за свою веру в Господа Иисуса Христа идут на риск. Они часто страдают за это, не так как мы. Мы что? — Пришли, помолились и ушли. Какой нам риск от этого? Никакого. Только облегчение, только радость на душе у нас. Ибо мы уже здесь двадцать, тридцать и пятьдесят лет. Весь мир привык, что мы здесь, мы своего рода профессионалы от религии. А ведь они только приходят, они приходят оттуда, и они подвержены всякого рода... присмотру, всякого рода возможным последствиям. Вот они могут сказать: что вы даете нам труды — мы язвы Господа нашего Иисуса Христа на теле носим, мы страдаем за Него, не так, как вы.

И последнее, дорогие братья и сестры. Это может сказать вся наша святая Православная церковь, которая на протяжении всей истории, от Господа Иисуса Христа до конца мира, до второго Пришествия, идет и будет идти крестным путем, путем лишений, путем страданий от мира сего, путем всевозможного рода борьбы. Мы, верующие, мы, народ Божий, народ святой, мы, тело Церкви, мы можем сказать о себе всем, кто нас упрекает, всем, кто говорит, что мы слабые, что мы ничего не делаем, что другие лучше делают, другие энергичнее, сильнее борются с грехом, — там, на Западе, там на Севере, там, на Востоке, — мы можем им сказать смело: «Впрочем, кто нас упрекает? Мы язвы Господа нашего Иисуса Христа на теле нашем носим! Да — на теле организма Церкви язвы Господа Иисуса Христа!»

И вот это, дорогие братья и сестры, есть залог нашей победы. Как Господь победил на кресте — через жертву, через смерть — к Воскресению и прославлению, так и Церковь Христова, так и мы с вами вместе со Христом и Церковью через страдание, через язвы — победим, ибо победа, победившая мир, есть вера наша!

Аминь.

25 сентября 1977 года.

Протопресвитер Виталий Боровой: Из проповедей в Богоявленском патриаршем соборе в Москве. Слово за всенощной в день празднования иконы божией матери «Взыскание погибших»

Проповедь

Дорогие братья и сестры!

Всею, особенно в Православии: древние места, древние иконы, древние обычаи, — но люди очень часто забывают, что Церковь Божия живет постоянно интенсивной духовной полноценной жизнью. Всегда — не только в воспоминаниях, не только в прошлом, — но живет полноценной жизнью и в настоящем, и так же будет жить в будущем. И всегда в процессе развития церковной жизни и благочестия церковного общества появляются новые порядки, новые святые, новые формы благочестия, новые обычаи, даже новая религиозная психология. И это естественно и законно. Ибо Церковь — это не музей, где все омертвело и можно посмотреть только то, что было. Церковь — это живой, постоянно живущий и развивающийся организм. Организм, который живет своей крепкой связью с прошлым, но постоянно устремлен в будущее. И главным мерилем того, почему в церкви появляются те или другие новые порядки, новые святые, новые формы благочестия, главным мерилем этого является только требование жизни. Новые формы нашей святости и нашего благочестия отвечают требованиям времени и поэтому они всегда в народе пользуются любовью, всегда быстро и широко распространяются и становятся очень почитаемыми и любимыми.

Так случилось и с этим праздником, и с этой иконой. Праздник в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших» стал любимым, почитаемым праздником потому, что душа народа, может быть, даже не вдаваясь уже умом в богословие, но внутренней глубиной своего благочестия понимала, какой глубокий смысл и значение у этого праздника — «Взыскание погибших».

«Взыскание погибших» обычно понимают (и это действительно изначальное, первоначальное понимание), как взыскание Божией Матерью тех, кто погиб, кто был потерян, кто без вести пропал во время войны, в заключении, в каком-нибудь удалении, несчастья, и неизвестно умер он или жив — и тогда родственники, близкие и дорогие ему люди с молитвою перед иконой «Взыскание погибших» обращаются к Божией Матери, чтобы Она помогла обрести этого погибшего, вернуть его к прежнему образу жизни.

Но более широкий и более глубокий смысл «Взыскания погибших» тот, что мы все с вами грешные незаконные люди, живущие в грехах и беззакониях. Мы, которые с трудом совершаем свое спасение, мы чувствуем, что погибаем под тяжестью наших грехов, под тяжестью наших страстей, наших беззаконий, нашего озлобления, ненависти, и тогда мы обращаемся к Божией Матери с просьбой о близких, наших родных, которые тоже погибают

под тяжестью греховной.

Но, дорогие братья и сестры, есть еще третий смысл «Взыскания погибших». Смысл более близкий нам, более широкий, всеобъемлющий смысл — и поэтому народ чувствует, что этот праздник так близок его душе, ибо этот праздник близок современным потребностям нашего народа и нашей Церкви. Мы можем и должны молиться Божией Матери о взыскании погибших — не только нас, погибающих во грехах, но и о взыскании тех погибших братьев наших, которые не знают Бога, которые не верят, которые отрицают Бога, не нуждаются в Нем, которые погибают в своем неверии, закоснении и в своем незнании истинного пути к спасению. Этих погибающих — миллионы. Это самые близкие нам люди — наши родные, наши друзья, наши соседи, наши братья. И вот это сегодня, возможно, главный смысл «Взыскания погибших»: Божия Матерь как взыскание этих погибших. Этот символ стал самым близким, самым дорогим, самым нужным для нас смыслом, и в этом смысле мы должны всем сердцем молиться к Божией Матери о взыскании погибших.

Дорогие братья и сестры, но подумаем, что значат сами слова, само понятие «взыскание погибших». «Взыскание» от слова искать. Кто-то потерял, и вот кто-то другой ищет, причем поиск — это обыкновенно длительный процесс — это значит искать там и здесь, и в другом месте. Таким методом и таким способом изыскивать, испытывать, пробовать всевозможного рода приемы для этого поиска. Процесс длительный и очень трудный, ибо то, что потеряно, то, что погибло, обыкновенно очень трудно найти. Оно не лежит вот тут близко. Когда кто-то что-то ищет, то он обыкновенно прибегает к помощи других, он обыкновенно вовлекает в этот поиск всех своих знакомых, родных, тех, кто может знать, тех, кто может помочь ему найти. Таким образом, этот процесс не только длительный, не только трудный, но и процесс как бы совместных усилий многих поисков, многих людей.

И, наконец, последнее, дорогие братья и сестры. Взыскание — это не просто поиск, не просто искание, а это именно взыскание, т.е. это значит, что то, что мы ищем, было когда-то на месте, было когда-то с нами, оно было у нас, но потом оно потерялось, так что мы не ищем что-то такое новое, а мы ищем наше собственное, потерянное, которое будет как бы заново приобретено нами, когда мы его найдем. И вот это, дорогие братья и сестры, процесс, который как раз самым лучшим образом описывает нынешнее наше свами положение. Ибо наши потерянные братья, которых мы ищем, это не те братья, которых мы никогда не знали, которые никогда не участвовали в процессе спасения. Русь была христианской. Русь была святой, только потом в процессе истории часть русского народа отошла от Бога. Значит, она была у Бога, но потом отошла. Таким образом, этот процесс — не поиски нового, а поиски восстановления прежнего, поиски тех людей, которые были когда-то святою Русью и которые перестали быть святою и которые опять, по нашим усилиям, по молитвам Божией Матери, мы надеемся, будут опять святой Русью.

Таким образом, этот процесс есть процесс восстановления, процесс поисков бывших членов нашей общины, нашей Русской православной церкви. Мы ищем свое, то, что растеряли в процессе истории, растеряли и по грехам нашим, растеряли по вине нашей собственной церкви. И теперь мы находим в себе эти грехи.

Вот, дорогие братья и сестры, в настоящий праздник мы просим, чувствуя, что мы погибаем, чтобы Божия Матерь взыскала нас и спасла нас от гибели, взыскала нас, погибающих от этих грехов. И одновременно просим Ее все сильного заступления и ходатайства за братьев наших, тоже погибающих, чтобы Она помогла нам взыскать их и вернуть в лоно Церкви. И это, дорогие братья и сестры, как я уже сказал, поиск общий. В этом не просто сила Божия будет побеждать, сила Божией Матери будет явлена, — в этом есть наше с вами участие. Это общий поиск, и каждый из нас участвует и должен участвовать в этом поиске спасения погибших. Мы

их видим, мы их знаем, мы им должны помочь вернуться в Церковь.

Вот таким образом, дорогие братья и сестры, это будет, действительно, взыскание погибших, процесс, как я сказал, длительный, процесс трудный, процесс сложный, процесс наших общих совместных усилий. Но будем твердо верить, что если мы всей душой будем стремиться к этому, если мы будем жить по-христиански и являть пример для наших братьев в жизни христианской, то сила Божия чрез Божию Матерь вернет погибших на путь истины, вернет их к спасительной светлой жизни и нас помилует и спасет от грехов наших.

Аминь.

17 февраля 1977 года.

: Восстановление всего

Проповедь

Наряду с объявлением свободы, библейский юбилейный год был также связан с безусловным восстановлением всех израильтян в их изначальных правах — социальных, земельных и имущественных. В этом отношении юбилей был прообразом наступления Дня Господня — дня последнего Божьего Суда, дня милости и спасения. И вот в последнее время в нашей церкви, в связи с изданием перевода новонайденных творений прп. Исаака Сирина, неожиданно возобновились споры о так называемом апокатастасисе — древнем церковном учении о конечном восстановлении, т.е. спасении всего и всех во Христе.

Как известно, это учение, выраженное в первую очередь Оригеном, было осуждено на V Вселенском соборе. Однако не следует забывать, что, как отмечал еще о. Георгий Флоровский, осуждение это касалось собственно апокатастасиса только косвенным образом, поскольку «речь шла о заблуждениях оригенистов, исходивших из оригеновской предпосылки о предсуществовании душ и об изначальной чистой духовности всех тварей... Может быть, не случайно отцы собора выразились в своих анафематизмах: «Кто утверждает предсуществование душ и находящийся с ним в связи апокатастасис...»» (см. Г.В. Флоровский. «Восточные отцы IV века», Париж, 1931, с. 188). Ведь в этом случае апокатастасис действительно превращается в «божественную детерминацию спасения», отрицающую человеческую свободу.

Но есть и апокатастасис величайших мистиков Любви, созерцающих глубины Божьи — ту Любовь, которая не только утверждает Свободу, но и совпадает с ней. Как писал Николай Бердяев, «на духовной почве Православия возникает стремление ко всеобщему спасению. Спасение понимается не только индивидуально, но и соборно, вместе со всем миром» (Истина Православия, «Православная община» № 8 (1992 г.), с. 47–48). Конечно, такое видение не может быть формализовано, не может обладать автоматическим и общеобязательным авторитетом. Его истинность всегда конкретна и зависит от того, кем и как оно высказывается. Сегодня мы предлагаем вниманию нашего читателя несколько примеров такого дерзновения известных пастырей нашей церкви. Характерно, что для них учение об апокатастасисе — это не бездумная и безответственная, насилующая свободу «надежда» на то, что «Бог все равно всех спасет», но наоборот, — источник покаяния, миссионерского вдохновения и подвига «взыскания погибших».

Публикуя проповеди старейшего пастыря нашей церкви, доктора богословия, протопресвитера Виталия Борового в 50-м, юбилейном номере «Православной общины», мы напоминаем

читателям, что именно его проповедями, наряду с проповедями о. Всеволода Шпиллера, открывался и самый первый наш номер. С одной стороны, радостно, что наш журнал остается верным избранному в самом начале своего существования направлению, с другой же стороны, — это грустный юбилей, поскольку нельзя не сожалеть о том, что слова, обращенные о. Виталием к Русской церкви в конце 70-х годов, остаются слишком актуальными и сегодня, спустя десять лет после начала нового этапа ее исторической жизни: «Взыскание погибших... есть процесс восстановления, процесс поисков бывших членов нашей общины, нашей Русской православной церкви. Мы ищем свое, то, что растеряли в процессе истории, растеряли и по грехам нашим, растеряли по вине нашей собственной церкви. И теперь мы находим в себе эти грехи».

: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

В. Ш.

— Что тебе дало умение решать

дифференциальные уравнения?

— Я стал лучше решать

дифференциальные уравнения...

С тех пор, как я поверил в Бога, моя жизнь сильно изменилась. Я не только начал узнавать, что из себя представляет православие, о чем написано в Евангелиях, — в моей жизни появилась еще одна грань, какое-то дополнительное качество. Пока трудно определить, насколько благотворны изменения, происшедшие со мной с момента обретения веры, — все-таки испытания последних месяцев оказались не самыми легкими, мне теперь предстоит исправлять последствия некоторых соблазнов, перед которыми я, к сожалению, устоять не смог. Нельзя, однако, не отметить, что я стал больше успевать, оказалось, что я могу спать по семь часов в сутки круглый год и не утомляться. Мне кажется, что я постепенно научаюсь «и на Бога надеяться, и самому не плошать».

Я родился и вырос в городе Баку, в семье атеистов. Несмотря на то, что в Азербайджане широко распространено мусульманство и многие мои товарищи были носителями мусульманской культуры и традиций, у меня сложилось «советское» мировоззрение, не «отягощенное» никакими религиозными идеями.

Нельзя сказать, что в детстве мне совсем никогда не приходилось молиться. Как и все мои сверстники, я частенько произносил что-то вроде: «Господи, только бы мне не опоздать на этот автобус», однако я не уверен, что такие высказывания можно назвать молитвой только за то, что в них упоминается Бог.

К пятнадцати годам я сильно увлекся программированием и все свободное время тратил на работу с компьютерами или поиск мест, где можно получить доступ к вычислительной технике. Так как все компьютеры, к которым я имел доступ, большую часть времени были заняты, я каждый день сомневался, доберусь ли я до какого-нибудь компьютера или найдется причина, по которой поработать за ЭВМ мне не удастся (они все окажутся заняты, выключат электричество, у администратора зала будет плохое настроение и т.д.). На этой почве я стал

очень суеверным. Например, некоторое время я пребывал в состоянии уверенности, что если по дороге от дома в машинный зал пинать ногой камешек, то свободный работающий компьютер мне гарантирован.

Разумеется, когда оказывалось, что этот и другие «законы природы» не работают, в них приходилось вносить незначительные изменения, не меняя сути (оказывается, камешек надо пинать обязательно правой ногой). Так я довольно долгое время находился под влиянием придуманных мной законов, и остается только радоваться, что около меня не оказалось никакой секты, которая окончательно завела бы меня в оккультные дебри.

С моим переездом в Москву и поступлением в институт многие суеверия прошли, однако представления о том, что верующий человек — это анахронизм, продолжались до третьего курса, пока однажды я не поспорил о религии с начальником фирмы, где я работаю и по сей день. Во время спора он задал мне несколько вопросов, над которыми до этого я особенно не задумывался. Долгое время после разговора я размышлял над тем, почему 95% населения земли исповедуют какую-нибудь религию, и могут ли несколько взаимоисключающих систем знаний о мире одновременно быть истинными. Интересно отметить, что о мусульманстве я, как оказалось, знал еще меньше, чем о христианстве.

Потом я прочитал несколько книг о Серафима (Роуза) и еще одного ученого, который занимался сопоставлением археологических данных с библейскими сюжетами. Я обнаружил для себя, что, действительно, не существует таких фактов, которые бы опровергали существование Бога и вступали бы в глубокое противоречие с Библией (справедливости ради надо отметить, что самой Библии я в то время еще не читал, однако некоторое представление о том, что в ней написано, все-таки имел). И действительно, оказалось, что все сенсационные открытия, напрочь опровергающие, например, библейскую историю о сотворении мира, являются не более, чем гипотезами. Идеи, которые я оспаривал в разговоре с директором, через несколько месяцев использовались мной в спорах с товарищами. С этого момента мне захотелось зайти в церковь, но я не знал, как там себя вести, когда можно туда заходить, короче, каждый раз, когда я проходил мимо церкви, находилась уйма причин, чтобы пройти мимо.

Однажды, когда я проходил около храма, расположенного рядом с историческим музеем, что на Красной площади, и решил, по своему обыкновению, отложить посещение «на потом», сели батарейки у моего плеера. Я зашел внутрь и почувствовал, как изменился воздух: он внезапно загустел, я словно плыл. Несколько минут я стоял совершенно пораженный этим впечатлением, смотрел на иконы, а потом перекрестился и сразу же застеснялся этого жеста.

С этого момента я стал периодически посещать храмы, а находясь внутри, копировал при этом движения окружающих меня людей. В какой-то момент я почувствовал себя верующим человеком. Точно определить, как и когда это произошло, трудно — не было никаких «ступенек», вера в Бога выростала во мне плавно. Однажды я почувствовал, что живу неправильно, ощутил, сколько во мне злого, скверного. Потом я прочитал катехизис и стал следить за своими мыслями, поступками, причем, чем пристальнее я за собой наблюдал, тем более плохим человеком себе казался!

Однажды я совершил очень неблаговидный поступок, раскаивался, все время думал, как бы его исправить, как бы избавиться от этого греха, а через несколько дней в катехизисе прочитал, что крещение очищает человека от всех грехов. Это было, пожалуй, мое второе потрясение, я испытал огромную радость от того, что путь очищения существует, что Господь примет меня и простит. Тогда я осознал, что хочу креститься, пришел в Елоховский собор и попросил священника крестить меня, но почувствовал, что не готов. Священник посоветовал прочитать

Новый завет. Чтение Евангелий вызвало у меня сильный душевный подъем, и одновременно я почувствовал, как трудно исполнять заповеди Христовы, сколько силы и твердости нужно для этого. Так, увидев однажды упавшего на ступеньки вестибюля метро нищего, я захотел было помочь ему встать, но не смог преодолеть в себе страх подцепить от него вшей или еще чем-нибудь заразиться.

В то же время я начал ходить по воскресеньям на литургию оглашаемых, правда, мало что там понимал. А вскоре технический директор нашей фирмы отвел меня на «открытые встречи» Огласительного училища при Свято-Филаретовской школе, где я прохожу оглашение и по сей день.

Л. Б.

Я росла в простой семье, но в церковь у нас никто не ходил. Отец был ярый атеист, и в доме поэтому о вере даже говорить было не принято. Потом были пионерия, комсомол...

Стала думать о Боге, когда заболел младший ребенок. Ему было чуть больше шести месяцев. Что мы ни делали — ему ничего не помогало. Кто-то мне сказал, что нужно идти в церковь. Привезли бабушку, которая «заговорила» болезнь. Ребенка крестили и ему стало легче. А я с тех пор стала бывать в церкви. Правда, меня всегда угнетало, что я там ничего не понимала, а главное — все воспринимала умом, а мое сердце оставалось глухо. Да и церковь посещала только от праздника к празднику.

Затем приобрела Библию, пыталась ее читать, но практически ничего не воспринимала. С годами меня это стало все больше и больше беспокоить. Да и возраст подошел такой, когда все чаще задаешь себе «вечные» вопросы.

И как мне кажется, Господь понял мои терзания. Я встретила человека, который привел меня на оглашение. И вот я здесь.

Не могу сказать, что разрешились все мои проблемы, но я хотя бы подошла к их разрешению. Я стала понимать, каким образом мне надо это делать. Может, и не сразу, но, думаю, что мне это удастся, пусть понемногу, совсем понемногу. Для этого мне не хватает самодисциплины и очень заедает быт, но я надеюсь, что постепенно Бог мне поможет это преодолеть.

Ирина Богатова: Богословие надежды. Анализ содержания журнала «Православная община». Раздел «Богословие и философия»

Богословие и философия

«...все, что написано было прежде, было написано для нашего поучения, чтобы мы в терпении и утешении из Писаний держались надежды» (Рим 15: 4).

В первом номере журнала «Православная община» ее главным редактором свящ. Георгием Кочетковым определены задачи этого издания: «Пора собирать и собираться в Духе и Истине, добре и красоте, в гармонии, во всем знающей свой ритм и такт, свою меру». Среди задач

также — рассмотреть «общие и частные, но острые проблемы церковной жизни, истории, философии и богословия церкви» [1, с. 3]. Центром духовной жизни названы: для ищущих — освящение, а для нашедших Бога — преображение. Следовательно, авторы журнала надеются, что собрание церкви вокруг острых проблем в Духе и Истине будет способствовать и освящению и преображению, «через обожение человека, жизни и мира» [1, с. 4].

Сначала журнал был назван журналом Преображенского братства (№ 1-6 (1991 г.)), затем журналом Московского православного просветительско-благотворительного братства «Сретение» и Московской высшей православно-христианской школы (№ 7-11 (1992 г.)), затем название школы перешло на первое место, и журнал стал журналом Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы и православного просветительско-благотворительного братства «Сретенье» (№ 12-31) и, наконец, с № 32 — журнал только «школьный». Таким образом, цели журнала и обучения в Школе сближаются.

Прочитав все публикации рубрики «Богословие и философия» подряд, как некий сборник, можно дать несколько общих характеристик. Во-первых, все статьи, как и обещано в первом номере — проблемные. При этом степень зрелости проблем разная. Есть статьи по «непризнанным или малоосознанным церковным сознанием» проблемам. Например, в № 41 на с. 47 приведены слова о. А. Шмемана о проблеме «примирения, взаимопроникновения литургии, благочестия и богословия как непризнанной в православном богословии», а «пока проблема не признана, ее решение либо невозможно, либо неверно» [5, с. 57]. С другой стороны, есть статьи, обсуждающие поиск новых путей решения давно существующих проблем (это проблемы экуменические (две статьи Una Sancta [6, 7] в № 34), пастырские («Левитство и пророчество как типы пастырствования» [8], «Духовность и духовничество» [9] и т.д.).

Кроме того, можно выделить две группы публикаций. Одна из них — это материалы, разрабатывающие общие проблемы, касающиеся больших направлений в богословии. Таковы, например, статьи свящ. Георгия Кочеткова «Современное богословие» [10], прот. Сергия Булгакова «Церковь и культура» [11], цикл докладов О. Клемана о личности [12, 13, 14], практически все статьи Н. Бердяева. Другая группа — статьи, анализирующие более или менее частные богословские вопросы, например статья митр. Сурожского Антония «Молитва сегодня» [15], или статья архиеп. Сан-Францисского Иоанна (Шаховского) «Психология поста» [16] и т.д. Подбор этих статей разнообразен по взгляду на ту или иную проблему, что побуждает читателя искать истину в разном, необычном, непривычном, приучает к принятию инаковости другого.

Разные по объему, темам, взглядам работы объединяет созвучие духовным проблемам нашего времени. Журнал дает современный срез разных проблем в разных аспектах, и само время является тем, что объединяет все эти, иногда очень разные проблемы и взгляды. Но это время соотнесено со временем нашего пребывания в Церкви, нашей жизни в Боге, и потому все статьи предполагают острое, живое, личностное восприятие. Отсюда и основной круг проблем, отраженных в разделе «Богословие и философия»:

- эпоха,
- Церковь,
- личность,

рассматриваемых в контексте «христианство и современность». При этом большое внимание уделяется различению временного и вечного как одного из путей сохранения чистоты традиции, восстановления ее духа и смысла.

Все работы отличаются оригинальностью языка и стиля, пронизаны духом свободного творчества, в них нет «школьного богословия». Складывается впечатление, что «богословие» и «философия» объединены в одну рубрику не случайно: в большинстве публикаций богословие и философию различить невозможно.

Речь пойдет прежде всего о статьях Николая Бердяева «Два понимания христианства (к спорам о старом и новом христианстве)» [17], о Василия Зеньковского «Проблема зла в мире и пути борьбы с ним» [19], Оливье Клемана «Свидетели надежды в кризисном мире» [3] и Сергея Аверинцева «О перспективах христианства в Европе. Попытка ориентации» [20], специально посвященных современному состоянию христианства и его перспективам.

Статья Н. Бердяева «Два понимания христианства» была впервые опубликована в 1932 г. Трудно судить, как воспринималась она современниками тогда, когда была написана. Сейчас часть того, о чем спорили в то время, уже вошло в церковное сознание и не вызывает чувства новизны, часть же поражает своей прозорливостью.

Смысл статьи, ее цель, позицию автора в ней можно выразить словами самого Николая Бердяева: «В лучшие, светлые минуты своей жизни он (религиозный субъект — И.Б.) жаждет свободной встречи с Богом, он хочет увидеть христианское откровение очищенным и освобожденным от искажающих социальных наваждений, расовых и национальных, семейных, сословных, классовых, освобожденным от абсолютизации условной и преходящей символики человеческого языка и разума, от ложной его стабилизации» [17, с. 66].

В характеристике консервативного христианства Бердяев отличает неизменяемость и пассивность религиозного субъекта. В то же время, хотя откровение абсолютно и неизменно, оно двучленно и предполагает объект, который открывается, и субъект, которому открывается. При этом откровение — событие внутри человека, его духовный опыт, который может быть разным у разных людей. Откровение изменяет человека, но и оно изменяется им. В свете этого существование идеальной «ортодоксии», объективной и независимой от субъекта, — иллюзия, основанная на вере в неизменяемость человеческой природы и на вере, что религия, основанная на откровении, не бывает искажена.

По его мнению, от социальной обусловленности освобождает пророческая сторона религии, ведь именно пророчество имеет силу восставать против власти социального коллектива, социологической обусловленности. Но здесь, как нам кажется, образуется некоторый порочный круг: сам автор ниже приводит бесспорные факты, свидетельствующие об умалении и ущемлении социологической эмпирией именно духа пророческого (с. 52), вследствие чего «слишком часто вера объясняется социологической зависимостью».

Отсюда возникает тот глубокий трагизм христианской жизни, о котором пишет Бердяев. В связи с этим «большое значение имеет познание коллективного подсознательного, социальных внушений и социальной обусловленности в религиозном сознании и религиозной жизни» (с. 56). По мнению автора, «это познание может иметь освобождающее значение» (там же), чем и обосновывается роль христианской антропологии, в которой нужно различать дурной антропоморфизм, относительный, преходящий, связанный с социоморфизмом, и вечный, связанный с богочеловечностью истины о человечности Бога.

Особенно актуальны рассуждения автора о вечном и временном (с. 58), с призывом различать одно от другого. Нельзя отрицать традиции: «То, что в ней от вечности, — подлежит сохранению. Но в традиции есть многое от окостеневшего, остановившегося времени, а не от вечности». Слишком многое в традиции «...определяется бессознательными социальными влияниями и наслоениями религиозного объекта» (с. 59). «Поэтому традиция нуждается в

очищении, в одухотворении, в освобождении от социальной обыденности прошлого» (там же). Бердяев говорит о ложном понимании соборности как социального коллектива и о возможном понимании соборности как качества Духа (там же, 18).

Бердяев предчувствовал общность, в которой мог жить дух пророческий, в которой все были свободны. Предчувствовал и искал ее.

В своей лекции «Проблема зла в мире и пути борьбы с ним», прочитанной в декабре 1945 г. в ряду лекций, организованных Р.С.Х.Д. под общим заглавием «Христианство и современность», прот. Василий Зеньковский отразил правду пророческих прозрений Бердяева и развил его интуиции.

На фоне эйфории, связанной с окончанием войны, воспринимавшимся как победа добра над злом, о. Василий делает ровно противоположный вывод: «Может быть, мы имеем сейчас только начало настоящей исторической бури... человечество вступило в очень страшный период истории».

О. Василий подводит читателя к той мысли, что в мире не столько прогрессирует добро и зло, сколько нарастает напряженность борьбы добра и зла. Смысл эпохи — в борьбе добра и зла, и он определяется нашим пониманием, нашим проникновением, нашим участием и нашей ответственностью в этой борьбе: «Пока мы не дойдем до сознания нашей ответственности за мировое зло. т.е. до сознания, что мы тоже виноваты в нем, что мне нужно начинать с того, чтобы лечить самого себя, — до тех пор мы не найдем и путей к исцелению мира» [19, с. 33].

Подобно Н. Бердяеву, ищущему освобождения христианства от дурного социоморфизма, о. В. Зеньковский ищет исцеления от зла, от трагедии и отмечает необходимость изменения в христианском самосознании: от обличения зла — к покаянию.

«Единственное, настоящее обновление мира может придти лишь через оживление христианства, наше же «одиночное» христианство, хотя сливается с другими в невидимый фон добра, но мира не меняет». «Чтобы явить силу христианства, нужна христианская общность, христианские общежития — не знаю, как это назвать лучше».

Далее автор говорит: «Если христианские общежития возможны, если возможны островки христианской культуры, то они будут подобны монастырям, т.е. будут построены по принципу иерархии» [19, с. 34]. Интересно отметить: не собственно монастыри — островки христианской культуры, но некая новая форма, в каких-то своих принципах преемственная монастырям. Эта общность видится ему как духовная семья: «Мы стоим перед возможностью, необходимостью, чтобы люди, которые хотят перестроить по-христиански свою жизнь, захотели соединиться вместе и построить общую жизнь на началах братства, образовать из нескольких семей одну общую семью». «Для этого нужна огромная сила любви... любви прощающей» (там же).

В умении жить общно автор видит и возможность решения проблем христианской культуры. Таким образом, именно в возможности, несмотря на все трудности, принимать общую, совместную жизнь — при различии вкусов, привычек, всего стиля жизни — т.е. в возможности христианских общежитий, автор видит ключ к исцелению мирового зла.

«Если бы какая-нибудь группа христиан захотела ужиться вместе, если бы попробовала и добилась этого, то мы бы увидели, что именно в этом лежит путь к христианскому обновлению и всего мира», ибо «преодоление мировой трагедии в том, чтобы восстало между людьми братство», — таков вывод о. Василия Зеньковского. Таков и итог периода времени с 1932 по 1945 гг., прошедшего между публикациями статей Н. Бердяева и о. В. Зеньковского.

Вывод о. Василия Зеньковского, что именно в христианских общинах — ключ к исцелению мирового зла, подтверждается самой жизнью: появление общин прежде всего заставляет проявляться зло, затаившееся в самой церкви, в недрах ее, в жизни монашества и иерархии. Эти факты нуждаются в глубоком богословском осмыслении.

Именно с проблемы кризиса христианства и кризиса эпохи начинается и выступление Оливье Клемана на ассамблее АКАТ (Христианское действие за отмену пыток) в марте 1992 г. [3].

Как и о. Василий Зеньковский, Оливье Клеман размышляет о трагедии и о кризисе в их соотношении с Промыслом. При этом он непосредственно соотносит откровение Царства с потрясениями и кризисами: «Устремленное к концу, за которым не будет конца, к преобразению твари, христианство не может прочно удержаться в завершенных формах... И каждый кризис, каждый великий момент потрясения приводит ко все более яркому осознанию бытия, к новой вспышке... одной из неисчислимых граней того алмаза, который есть Тело Христово» (с. 30). Каждый кризис христианства приводил к развитию новых очагов духовности. (Это созвучно мыслям Бердяева о том, что «революции... повышают качество религиозной жизни, так как ставят вопрос о творчестве религиозного субъекта» [17, с. 62]).

«Со времени Воплощения и Пятидесятницы мы вошли в глубочайший кризис, кризис воскресения, в котором спасение не индивидуально, не коллективно, а соборно и космично» (с. 37). Важно настаивать на неразделимости двух измерений — общения и преобразования, другими словами — соборности и преобразования. Нужно, чтобы церковные общины стали теми центрами, откуда изливается соборность.

Кризисное время — это время свидетельства надежды, — такой основной вывод можно сделать из выступления Оливье Клемана.

Очень интересно сравнивать работу о. Василия Зеньковского и Оливье Клемана, наблюдать их преемственность в Духе и смысле, и сравнивать обе эти работы с текстом Н. Бердяева.

Если основной пафос статьи Бердяева — тревога об искажении христианства социальными эмпириями и предчувствие общин как освобождающей силы, то пафос статьи Зеньковского — в утверждении силы общин и попытке создать то богословие надежды, которое так блестяще развил в своей статье О. Клеман.

О. Василий Зеньковский настойчиво обращает читателя к видению страшной глубины зла, не теряя при этом веру в добро. Он говорит о том, что это трудно, что «для этого нужно с достоинством и глубиной принимать свой путь, иначе мы впадем в безнадежный пессимизм» [19, с. 27]. Почти зримо, реально видно, как развивается мысль Зеньковского от «безнадежного» пессимизма от видения зла к слову «надежда», которое появляется на страницах его статьи чуть позже. Сначала он определяет надежду как некую силу, дающую нам возможность видеть зло, и называет эту силу (надежду) мужеством духа и совести.

Он ищет надежду как силу, поднимающую над уровнем крайнего пессимизма и близорукого оптимизма [19, с. 26–27], и находит богословие надежды в идее Промысла. Зеньковский чувствует вневременность надежды, возможность переселения в загробную жизнь идеи Промысла, освященной надеждой (с. 29). В этой статье он выступает как бы предтечей богословия надежды, развернутого в работе О. Клемана, и говорит, что надежда не оставляет человека даже тогда, когда приходит чувство богооставленности, она держится в самых бессознательных глубинах души (может быть, и в коллективном бессознательном).

О. Клеман спокойно и обстоятельно рассуждает о том, каким должно быть христианство в

кризисном мире, как обновить Благовестие, с какими трудностями встретятся христиане в третьем тысячелетии.

Богословие надежды — безусловно, главная тема в статье Оливье Клемана.

Если надежда — концентрация веры до степени очевидности, то отсутствие надежды — слепота. «Надежда есть как бы углубление веры, созревание веры, откровение проницаемости времени» (с. 41), — в этих словах прослеживается удивительная связь надежды со временем. И далее: «Надежда открывает будущее, в котором раскрывается таинственное присутствие, делающее нас своим участником» (с. 41).

Доклад Сергея Аверинцева на Афанасьевских чтениях начинается почти так же, как и статья В. Зеньковского, — с поисков трезвого пути между оптимизмом и пессимизмом. Этим путем как раз и оказывается надежда: «Подлинная христианская надежда на языке западного христианства — «теологическая добродетель», «надежда сверх надежды» (Рим 4: 18), невозможная, единственная, которая еще никого не обманула, — она-то по самой своей сути глубоко чужда и оптимизму и пессимизму» [20, с. 88]. Правда, эта надежда коренным образом отличается от того, что мы часто под этим понимаем: «Христианин, достойный этого имени, должен быть способен радостно идти навстречу неизвестности, навстречу крушению любых земных надежд, не ожидая от мира сего никаких гарантий» [20, с. 88].

Характерно, что этот текст не только не содержит тревоги по поводу кризисного времени, но утверждает радость пути христианина в любые времена, даже если христиане в меньшинстве и поставлены под удар. Аверинцев даже не называет кризисом крушение любых земных надежд: с его точки зрения — это нормальное явление в жизни мира.

Сергей Аверинцев отмечает радикально-секуляристский дух времени, где главные ценности — ловкость, вседозволенность, а для тайны — астрология или что-нибудь в этом духе. И в Европе с равным рвением служат этому духу и те, что числятся номинальными христианами, и те, кто именует себя агностиком или атеистом. А те, кто устал от секуляризма, уходят в другую, какую-нибудь экзотическую религию, все чаще в ислам.

Понятие о «вере отцов» рассеивается: «Хорошо сказал Честертон: христианство не выживает, не остается в живых, оно вновь и вновь умирает то насильственной смертью, то от внутренних недугов, в каждую эпоху, может быть, в каждом поколении. Но Господь нашей веры знает возвратный путь из гроба, из преисподней, из смерти в жизнь».

«Для христианства жить — значит оживать, воскресать, и никакой иной жизни оно не знает». И что особенно ценно, как отмечает С. Аверинцев, «сущность христианства... каждодневно утрачиваемая и каждодневно обретаемая заново сознанием христиан, трансцендентна любой культуре». Это свойственно всякой вере, но к христианству относится в принципиально более интенсивном смысле, чем к иудаизму и исламу.

Вернулись времена, когда христианство осталось без «христианского мира», вера — без внешней защиты в жизни, где ничто не разумеется само собой. Так в нашей истории, пишет С. Аверинцев, все, что можно разрушить, было разрушено, и выжить могла только нагая вера, предоставленная сама себе...

Далее автор говорит, что было бы до крайности жаль, если бы «этика сопротивления одновременно мирного и непримиримого оказалась бы утраченной для христиан завтрашнего дня».

К тем проблемам, с которыми, как указывал О. Клеман, столкнутся христиане третьего тысячелетия (проблема христианского истинного знания, в том числе вселенной и космоса; проблема отношения к телу и земному миру; проблема встречи с нехристианскими религиями) С. Аверинцев добавляет конформизм стиля жизни, конформизм духа времени. Он призывает избегать всех конфликтов с реальностью нашего времени, но при этом говорит: «Мы должны очень ясно различать две вещи: современность как реальность, подлежащую критике, но имеющую свои права реальности, и современность как идеологию, паразитирующую на этой реальности» [20, с. 96].

Здесь уместно вспомнить слова из статьи О. Клемана: «Иногда религиозность деградирует в сторону изживших себя форм, которые идеализируются и превращаются неприметным образом в идеологию».

Идеализация отживших, устаревших форм превращается в идеологию, которая паразитирует на действительности. И христианство, по мнению С. Аверинцева, «может и должно считаться с действительностью времени, но оно обязано оказывать сопротивление паразитирующим на этой действительности идеологическим фантомам. Отличить одно от другого не всегда легко, но совершенно необходимо». Это бердяевская боль, лишь выраженная более современно. Христиане могут и должны различать не только духи, как говорит об этом апостол Павел, но и формы, которые Дух творит. Отличать устаревшие формы, изжившие себя, и отказываться от них, не давая им превращаться в идеологию — вот одна из задач современного христианства.

Очень важным моментом в работе С. Аверинцева является определение духа времени. Он считает, что дух времени «проявляет себя как абсолютный релятивизм, который готов признать все, что угодно, кроме вопроса об истине...» (с. 97).

Это порождает такое состояние души, при котором «вопрос о бытии Божьем, не получая отрицательного ответа, утрачивает всякую серьезность» (с. 98). Это гораздо страшнее, чем атеизм. И подобному злу христианство будущего должно противопоставлять твердую, бескомпромиссную, трезвляющую серьезность.

Чтобы справиться с этой задачей, нужно быть убедительным. Христианство должно явить свою убедительность приходившим в мир поколениям и явить себя не как удобную, а как возможно более требовательную веру. «Чтобы оставаться собою, христианство должно возможно строже соблюдать дистанцию по отношению ко всем посторонним для него целям», дабы не «исказить суть христианского Благовестия». Христианство должно быть христианским (с. 99).

Несмотря на серьезность вероучительных разногласий, может быть, самый сложный вопрос — это вопрос об отношении разных конфессионально-обусловленных типов культур, и в связи с этим одна из самых трудных задач будущего — это синтез конфессионально-обусловленных типов христианской религиозной культуры (с. 101). Решение этой задачи, по мнению автора, облегчит борьбу с другими жизненно важными проблемами вселенского христианства. При этом «содержательный разговор между христианами различных конфессиональных традиций будет успешным не в меру приспособления этих традиций друг к другу, а по мере сосредоточенности на смысле наследия древнего Православия», ибо путь к сближению и к соединению — это всегда путь к Центру.

С. Аверинцев так же, как и о. В. Зеньковский и О. Клеман, указывает на связь надежды и будущего. «Будущее надежды другое, чем будущее футурологов», — говорит он, ясно связывая надежду и Провидение, подобно тому, как о. В. Зеньковский — надежду и Промысел.

Богословие надежды не просто связано со временем, это сама актуальность нашего времени.

Если бы пришлось характеризовать эпохи богословскими категориями, то наше время, время кризисов, время крушения земных надежд, могло бы быть названо временем духовно-опытного познания надежды и богословия надежды, ибо, как мы здесь пытались показать, именно надежда, «надежда сверх надежды» есть та духовная сила, которая позволяет жить в кризисном мире.

Можно предположить, что следующая эпоха, соответственно, могла бы быть названа эпохой богословия любви.

Но уже сейчас богословие любви доступно людям, имеющим опытное познание надежды. В данной рубрике журнала оно представлено, например, публикацией свящ. Георгия Кочеткова «Сильна, как Смерть, Любовь» [21]. Здесь, как и у Сергея Аверинцева, присутствуют как бы две категории надежды, которые различаются как «Надежда» с большой буквы и «надежда» с маленькой буквы — Надежда небесная и надежда земная, Надежда Божия и надежда человеческая.

В любви есть Надежда. Любовь — это способность к воплощению, в том числе и Надежды. Предательство Любви — лишение себя Надежды, и в результате — безнадежность. Любовь же — это сила, сила действенная: «Она доходит до врагов в надежде примирения с ними и единения». Здесь есть о чем задуматься современному богослову.

Список литературы

1. Вступительное слово главного редактора, «Православная община» № 1 (1/1991 г.), с. 3.
2. Московская высшая православно-христианская школа, «Православная община» № 4 (4/1991 г.), с. 28.
3. Оливье Клеман. Свидетели надежды в кризисном мире, «Православная община» № 20 (1994), с. 29.
4. Николай Бердяев. Истина православия, «Православная община» № 8 (2/1992 г.), с. 42.
5. Протопр. Александр Шмеман. Литургическое богословие, богословие литургии и литургическая реформа, «Православная община» № 41 (1997 г.), с. 53.
6. Прот. Сергей Булгаков. *Una Sancta*, «Православная община» № 34 (1996 г.), с. 50.
7. Прот. Николай Афанасьев. *Una Sancta*, «Православная община» № 34 (1996 г.), с. 62.
8. Архим. Киприан (Керн). Левитство и пророчество как типы пастырствования, «Православная община» № 36 (1996 г.), с. 69.
9. Митр. Сурожский Антоний. Духовность и духовничество, «Православная община» № 22-23 (4-5/1994 г.), с. 63.
10. Свящ. Георгий Кочетков. Современное богословие, «Православная община» № 38 (1997 г.), с. 13.
11. Прот. Сергей Булгаков. Церковь и культура, «Православная община» № 21 (3/1994 г.), с. 44.
12. Оливье Клеман. Тема личности в Священном писании (Лекция 1), «Православная община» № 10 (4/1992 г.), с. 55.

13. Оливье Клеман. Тема личности у греческих отцов церкви (Лекция 2), «Православная община» № 11 (5/1992 г.), с. 42.
14. Оливье Клеман. Личность по учению русских философов XIX-XX вв. (Лекция 3), «Православная община» № 12 (6/1992 г.), с. 52.
15. Митр. Сурожский Антоний. Молитва сегодня, «Православная община» № 11 (5/1992 г.), с. 51.
16. Архиеп. Сан-Францисский Иоанн (Шаховской). Психология поста, «Православная община» № 11 (5/1992 г.), с. 33.
17. Николай Бердяев. Два понимания христианства (к спорам о старом и новом в христианстве), «Православная община» № 29 (1995 г.), с. 48.
18. Николай Бердяев. Истина Православия, «Православная община» № 8 (2/1992 г.), с. 42.
19. Прот. Василий Зеньковский. Проблема зла в мире и пути борьбы с ним, «Православная община» № 26 (1995 г.), с. 26.
20. Сергей Аверинцев. О перспективах христианства в Европе: попытка ориентации, «Православная община» № 19 (1/1994 г.), с. 87.
21. Свящ. Георгий Кочетков. Сильна, как смерть, Любовь, «Православная община» № 39 (1997 г.), с. 45.

Ирина Богатова — студентка магистратуры Свято-Филаретовской высшей школы. Настоящая работа была написана в качестве итоговой за первые три года обучения в Школе (бакалавриат) и защищена на Ученом совете Школы как бакалаврская.

Архимандрит Виктор (Мамонтов): Язык аскезы. Доклад на международной научно-богословской конференции »Язык Церкви«

Богословие и философия

Духовная жизнь всегда аскетична. Существует мнение, что аскеза необходима прежде всего монахам, а миряне могут идти к Богу другим путем. Но в действительности узкий путь аскезы — один для всех: и для мирян, и для монашествующих. «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь». Но всякий ли узкий путь есть путь, ведущий к Богу? Сама по себе узость аскетического пути — не гарантия нашего спасения. Возникает вопрос, волнующий всякого христианина: как отличить истинную аскетику от ложной?

Вот перед нами человек, ведущий строгую подвижническую жизнь: посты, долгие молитвы, милостыня, воздержание, бдение и все то, о чем он прочел в Добротолюбии. Казалось бы, он вполне исправный христианин. У него есть ясная, высокая цель — спасение. У него есть необходимые для этого средства — аскетические упражнения. Они выбраны правильно, согласно Писанию: «сей род изгоняется только молитвою и постом». Все хорошо, он

становится с каждым днем сильнее, духовно богаче, ему кажется, что он все ближе и ближе к своей цели — спасению. Все добытое им аскетическими усилиями кажется ему тем сокровищем, на которое можно надеяться и опереться. Но можно ли (это вопрос не от меня, это вопрос Господа)? Боюсь, этот вопрос опечалит его. Столько сил потрачено, и сокровище доброе, и цель близка. «Как же я могу расстаться со всем этим духовным богатством? Чем же мне жить? На что надеяться? Как же мне все это отдать? Если отдам свою душу, что же мне тогда спасать?» Страх этот ложный. Христос как бы говорит ему: «Я не хочу ничего у тебя отнять, Я всегда только даю, и сейчас Я стою пред тобою с даром, но Я не могу его вручить тебе, потому что твои руки заняты твоим богатством».

Это была аскеза? — Да, но какая? Аскеза силы, аскеза духовного богатства, аскеза трезвого расчета, аскеза достижения, аскеза взросления.

Но есть иная аскеза: аскеза немощи, аскеза нищеты, аскеза доверия, аскеза отдачи и дара, аскеза тех, кто хочет стать, как дети. Но детьми во Христе не рождаются, ими становятся.

Корень первой аскезы — «Я». В ней человек, по слову Николая Бердяева, остается замкнутой монадой, ищущей спасения. Корень второй аскезы — «Ты», Христос и ближний. Имя первой аскезы — духовный эгоцентризм, это аскеза страха, холодная аскеза. Имя второй — любовь, это аскеза любви, горячая аскеза.

Из опыта святых отцов мы знаем, что есть аскеза любви в своем пределе. У прп. Силуана Афонского, память которого мы ныне совершаем, и у многих святых мы встречаем трогательное обращение к Богу: «Господи, если возможно, спаси их вместо меня». Святой ради ближнего готов пожертвовать всем своим аскетическим восхождением к Богу, готов даже к нисхождению во ад, что есть богооставленность, т.е. готов на самое страшное.

Если в духовном эгоцентризме мы видим бегство от страха, то в аскезе любви мы видим готовность ради ближнего согласиться на страшное. В этом добровольном отказе от главной цели аскетики и от самой аскетики — вершина аскетики, любовь.

Мы увидели предел аскетики. Это духовное состояние совершенных, обожившихся людей, святых. Но это предел без предела. «Поистине невозможно человеку — говорит прп. Исаак Сирийский, — в шестивии своем достигнуть предела, ибо и святые не дошли в этом до совершенства. Пути Премудрости нет конца: она восходит выше и выше, пока не соединит последователя своего с Богом. То и составляет ее признак, что постижение ее беспредельно, потому что Премудрость есть Сам Бог».

Нет предела, нет конца, но всегда есть начало аскетического пути. Оно не похоже на трудные будни подвижника, оно празднично, радостно. Сам Господь встречает нас Своей любовью, принимает нас как младенца, бережно, ласково и тихо. И в душе человека — мир, тишина и блаженство. И он смотрит на мир, как влюбленный. Отец Павел Флоренский писал: «Блаженство дается уже в начале искупительного пути, не достойно, а для бодрости, на долгий путь, на многие муки». Если в начале пути человек весь в себе и Господь пеленает его Своей любовью, как младенца, а в конце аскетического пути он умирает ради ближнего и Бог дает ему новые пелены, погребальные пелены Своего Воскресения — он снова в полноте любви, потому что родился в новую жизнь, то в середине своего духовного пути он начинает мучительно отрывать от себя и ощущает это состояние как тесноту, тяжесть, сухость, страдание. Он познает всем существом реальность слов Христа: «В мире будете иметь скорбь», но ему только еще предстоит услышать укрепляющий голос: «Мужайтесь, Я победил мир».

Почему в середине пути так трудно и больно? Что причиняет мне боль? — Мир и я сам. Я еще

занят собой, но уже иду к ближнему и должен оторвать себя от себя. В начале человек был влюблен в мир и людей. Но в действительности, он пока не научен любви, он любим Богом, но сам еще не умеет любить.

Когда начинается научение общинной жизни, все, радуясь друг другу, говорят: «Какие мы хорошие, как приятно быть вместе!» Но наступает момент, когда человек говорит: «Какие все противные!» — Я прикасаюсь к своей нищете, обнаруживаю зло и боль в себе, во мне возникает страх: все увидят меня, какой я есть, и отойдут от меня.

Здесь нужно сказать о целительности общинной жизни, о ее возможностях, которых не имеет каждый из нас сам по себе. Монахи ради спасения шли в монастыри, в пустыни. Христианин, живущий в миру, идет в общину, живет в ней. Она дарит ему ближнего, ближних, возможность увидеть себя таким, каков он есть. Ближние становятся моим зеркалом. Когда я стал отрываться от себя, чтобы идти к ближнему, это вызвало во мне боль и сопротивление. Но вдруг открывается мне тайна того, что ближний становится целителем моей души. Если я не принял ближнего как помощника мне, испугался его, не доверил ему свою боль, т.е. не открыл свое сердце, то я начинаю искать спасения от боли на пути забвения, прибегая или к алкоголю, или к зрелищам и т.д. Наркотиком может стать все, что угодно, и особенно страшно то, что даже и религию можно превратить в средство моего забвения. Увы, здесь приходят на память знаменитые печальные слова о религии как опиуме.

Я шел от себя к ближнему и Богу, но так и не дойдя, вернулся к себе. Стал христианином-одиночкой, а это нонсенс. Христианин-одиночка может попытаться встать на путь аскетике, но это будет аскетика страха, а не любви. Например, он может добросовестно, с увлечением прочесть Добротолюбие, вдохновиться на самый аскетический подвиг, со страстью отдаться аскетическим упражнениям, изнурить свое тело строгим постом и ничего, кроме вреда, не принести себе. Мой духовный отец, архим. Серафим (Тяпочкин) из села Ракитного, рассказывал мне с юмором: «Ко мне приносили постников, их приходилось отпаивать с чайной ложечки».

Христианин-одиночка способен даже любовь к ближнему и милосердие превратить в аскетическое упражнение, средство своего спасения, о чем так хорошо писала мать Мария. Христианин-одиночка, даже придя в храм, где должно совершаться таинство собрания братьев во Христе, радуется, когда в нем никого нет. В книге «Беседы иконописца» архим. Зинон рассказывает, с каким удовольствием одна женщина поведала ему, как ей хорошо было молиться в пустом храме: никто ей не мешал.

Аскеза христианина-одиночки вредна, потому что бесплодна. Мать Мария, познавшая тайну Христовой любви, писала: «Уничтожьте любовь к человеку, — и вы уничтожите человека, потому что, не любя его, вы его отрицаете, сводите к не-сущему». Николай Бердяев писал: «Нужна аскеза, которая приучала бы человека к общению и братству, это требует новых методов аскезы». Мы должны поставить вопрос в нашей церкви — к этому давно уже подвела наша жизнь — о новой аскетике, аскетике общины. Язык этой аскетике — любовь.

22-24 сентября 1998 года.

Священник Георгий Кочетков: Язык Церкви как дар Слова и плод Духа. Доклад

на международной научно-богословской конференции «Язык Церкви»

Богословие и философия

К началу XX века большинство людей вновь открыли для себя, что Христианство уникально в своем возвещении, в своих корнях и устремлениях, в своем духе и смысле, и значит, в том языке, которым только оно и владеет. Давайте же попробуем прислушаться и приглядеться к этому языку — этому уникальному достоянию Церкви.

С одной стороны, всем понятны древние слова «Послания к Диогнету»: «Христиане не отличаются от прочих людей ни страной, ни языком... Они... не употребляют какого-либо необыкновенного наречия и ведут жизнь, ничем не отличную от других... Они во плоти, но живут не по плоти».

Поскольку христиане не борются «против плоти и крови» и мирно живут на земле «во плоти», то они не чужаются и своего родного языка — языка, ничем не отличного от людей, их окружающих. Но они же не забывают, что, по словам Тертуллиана, высказанным им в трактате «О свидетельстве души», «у каждого народа свой язык, но материя языка всеобща». Вот тут-то, когда речь заходит о некоей общности, становится важно, что христиане живут не только «во плоти», но и «не по плоти».

Какое общение и какое единение несут в себе христиане? Это ясно из слов, например, кондака праздника Пятидесятницы: «Когда Ты, сойдя, языки смешал, тогда разделил народы, Всевышний, а когда огненные языки раздавал, — к соединению всех призвал: вот мы согласно и славим Всесвятого Духа».

Да, некая общность «материи языка» свойственна всем людям, даже если они стараются жить согласно лишь с «какой-либо частью посеянного в них Слова», по словам св. Иустина Философа (2-я апология), который продолжает свою дерзновенную мысль так: «Те, которые жили согласно со Словом, суть христиане, хотя бы считались за безбожников (т.е. не знавших Христа — свящ. Г.К.). Таковые между эллинами (т.е. язычниками! — свящ. Г.К.) — Сократ и Гераклит, и им подобные, а среди других народов — Авраам... и многие другие». Они христиане, ибо смогли в своей жизни увидеть и услышать голос Истины и голос разума. О них говорит далее тот же святой отец: «Все те писатели, посредством врожденного семени слова, могли видеть Истину, но телесно. Ибо иное дело семя и некое подобие чего-либо, данное по мере приемлемости, а иное — то самое, чего причастие и подобие даровано по Его (Слова) благодати».

К слову говоря, из этого своего учения св. Иустин делал радикальные выводы и, так сказать, в другую сторону. Он писал в 1-й апологии: «Если найдутся такие, которые не так живут, как учил Христос, те — не христиане, хотя и произносят языком учение Христа». Но знание божественного Логоса-Христа небезопасно, особенно если оно стремится к полноте, целостности и единству. Во 2-й апологии св. Иустин признается: «Нимало не удивительно то, что большей опасности подвергаются те, которые стараются жить согласно не (просто) с какой-либо частью посеянного в них Слова, но руководствуясь знанием и содержанием всего Слова, которое есть Христос».

Итак, если только истинные христиане живут в причастии всему Слову, которое есть Христос, то каков же их язык, порождаемый в них этим Словом? Каков язык Церкви как Тела Христова и

каждого христианина как живого члена этого живого Тела? Этот вопрос по существу своему равнозначен вопросу: что есть собственно христианского в Христианстве?

Этим вопросом христиане задавались всегда, со дня Пятидесятницы. На него отвечал в тот день апостол Петр, как нам это передает книга Деяний. Отвечали на него и святые отцы — каждый немного по-своему — своим богословием и, значит, своим словом и делом. Задают себе этот вопрос и современные христиане. Например, недавно мы познакомились с рассуждениями на эту тему известного католического богослова Ханса Урса фон Бальтазара через его книжечку «Достойна веры лишь Любовь» (М., Истина и жизнь, 1997 г.). С первых страниц этой книги мы с радостью вновь узнаем, что язык Церкви — не только язык таинств, не язык «ряда случайных исторических истин», не один лишь язык чудес и пророчеств, не только язык звезд — «космического и всемирно-исторического пространства», или язык некоего «антропологического центра». Язык Церкви, таким образом, то, что Бог во Христе хочет сказать миру, человеку и человечеству. Но это то, что «не находит соответствующего масштаба ни в целом мире, ни в отдельном человеке». Язык Церкви говорит только о том «деле», которое совершает, творит Бог во Христе и в Его Церкви, и тем самым в человеке, человечестве и мире. И это «дело, которое Бог имеет к человеку и которое само истолковывает себя перед ним и ради него (а значит — в отношении к нему и в нем самом) — это дело по необходимости должно быть тео-логическим или, точнее, тео-прагматическим. Об этом деле сразу можно сказать, что оно достойно веры, лишь если понимать его как Любовь, подразумевая под этим собственно Божью Любовь, явление которой и есть явление Божьей Славы».

Язык Церкви, как мне уже однажды приходилось говорить об этом (в докладе, а потом статье «Современное богословие»), это ее богословие, понятое одновременно апофатически и катафатически, мистически и мистериально, как доксология, т.е. восхваление Бога и воздаяние Ему Его Славы, и как «христианское самопонимание». Но это такое христианское самопонимание (а тем самым — богословие), которое, по замечательной мысли Бальтазара, «не совершается ни через мудрое знание, превышающее религиозное знание мира, — провозглашением Бога (*ad maiorem gnosim rerum divinaum* (к вящему познанию вещей божественных — ред.)), ни через человека, частного или социального, приходящего к самому себе благодаря откровению и спасению (*ad maiorem hominis perfectionem et progressum generis humani* (к вящему совершенству человека и развитию рода человеческого — ред.)), но единственно лишь через самопрославление Божественной Любви: *ad maiorem Divini Amoris Gloriam* (к вящей Славе божественной Любви — ред.).

Как в связи с этим нам здесь не заметить, что лучше всего овладевают языком Церкви ее святые, и особенно мистики Любви, поскольку именно они более других и сами пламенели в своей жизни этой Любовью. Бальтазар пишет об этом так: «Любящие больше других знают о Боге, им и должно принадлежать богословие». Как это в духе св. апостола Иоанна Богослова, сказавшего: «Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога; кто не любит, тот не познал Бога, ибо Бог есть Любовь» (1 Ин 4: 7-8).

Но знаменитый современный богослов продолжает свои размышления о самопрославляемой Божественной Любви и Славе. «В Ветхом Завете, — пишет он, — эта Слава (*kabod*) обнаруживается как присутствие царственной власти Яхве в Его союзе с людьми (а через это — и во всем мире), а в Новом Завете величественная Божья Слава истолковывает себя как нисхождение Божественной Любви во Христе «в пределы» смерти и тьмы. Это всему-внешнее, для мира и человека непредставимое (подлинная эсхато-логия), может быть воистину воспринято лишь как «совсем-иное». То есть, как бы мы сказали, лишь как трансцендентное всему — при всей имманентности нам и нашему миру.

Итак, язык Церкви — это язык Логоса, необычного, «имеющего силу убеждать и побеждать», это язык Божьей Любви и Божьей Славы; это язык подлинного Христианства. В нем находит себя сама эта Любовь через Веру и Надежду как наша высшая методологическая точка отсчета. Но эта «искомая методологическая точка отсчета является одновременно подлинным богословским *kaïros* (т.е. временем) нашего века: если подобная вещь его не тронет, то, думаю, — пишет Бальтазар, — вряд ли ему суждена встреча с подлинным Христианством в его первоначальной чистоте».

Это значит, что язык Церкви может остаться никому в наше время не понятным и, следовательно, не воспринятым. И Церкви следует об этом особо позаботиться, как это делал уже апостол Павел, говоривший в Первом послании к коринфянам (14: 13-15):

«Говорящий на языке пусть молится и о даре истолкования. Ибо если я молюсь на языке, молится мой дух, а ум бездействует. Как тогда быть? Буду молиться духом, но также и умом; буду петь хвалу духом, но также и умом».

Конечно, это еще большее отношение имеет к внешнему церковному свидетельству, к проповеди Церкви в нашем мире в наше время. Как писал другой знаменитый современный богослов — протопресвитер Иоанн Мейендорф: «Проповедуя Христианство, следует пользоваться современным и ясным языком, понятным не только образованным интеллектуалам, но и простым смертным. Задача богословия состоит в том, чтобы формулировать Истину убедительно и на доступном всем языке. Ибо Церковь должна заботиться о спасении всех, а не немногих избранных. Довести до понимания современников мысль святых отцов составляет содержание живого предания. Но достичь этого мы можем, только если сами хорошо понимаем святоотеческую мысль и умеем выразить ее не на языке Платона, а на языке, понятном в наше время».

Однако от вещей практических вернемся снова к созерцанию языка Церкви как дара Слова Божьего и плода Божьего Духа, но, наверное, можно сказать, и как плода Слова Божьего и дара Святого Духа.

Язык Церкви — это продолжение Пятидесятницы и мук рождения Царства Небесного в мире сем, это само рождение нового мира из материи мира сего, т.е. это освящение мира, жизни и человека, как и имени Божьего, в их синергии.

Язык Церкви — это язык языка Божьего, это энергия Богочеловечества, это единые для всех Дух и Смысл, это одна из Тайн Церкви и значит — Тайна ее единства, святости, кафоличности, соборности и апостоличности. В языке Церкви присутствует Тайна общения святых.

Язык Церкви — это молитва Церкви всех видов и язык ее богослужения. Это славословие Бога и благодарение Его — Евхаристия. Это всякое прошение Церкви, начиная со слов «да будет воля Твоя» и «да придет Царствие Твое». Здесь же и забота о «хлебе насущном» и об экологическом равновесии в жизни мира. Здесь и забота об отпущении грехов и всякое покаяние. Здесь и забота об ограждении от заблуждения, от излишних искушений, от лукавства и зла.

В жизни Церкви язык имеет смысло- и формообразующее значение. Но он же вдохновляет каждого члена Церкви и делает возможным реализоваться в нем его словесно-личностному началу, которое уникально по своему предназначению.

Но язык Церкви не просто логичен, а прежде всего логистичен (от слова «логос»). Он не просто духовен или культурен, он богодухновенен, так же как не просто божественен, а

богочеловечен.

Язык Церкви, как и голос Церкви, и слово Церкви, является носителями Духа Церкви, хотя и различным образом. Язык Церкви всегда есть, даже когда голос Церкви не звучит и слова Церкви нигде не слышно, когда дар языков исчерпан и сами языки умолкли.

Язык Церкви рождается от избытка и полноты сердца, как средоточия Слова и Духа Бога и человека. Язык Церкви не материален и не душевен, не объективен и не субъективен, не информативен и не лжив. Он знает все о всем. Им выражается Божья Истина. Он совершает церковные таинства и выражает всякую правду, т.е. то, что правильно и праведно в мире, в жизни и в человеке, и значит, в самой Церкви. Он открывает Божьи Тайны, которые им же и движут.

Язык Церкви — единый язык всех, служащих Богу тем даром Духа Святого, который они получили. Это язык всех чинов и соборов, язык ангельский и человеческий, при условии, что его носители не потеряли благодати и Истины.

Конечно, язык Церкви — не только язык Богоединства и Истины, не только язык Веры, Надежды и Любви, это и язык Мира и Свободы, Пути, Жизни и Света, это язык Слово-Хлеба и божественной Премудрости, единственно могущих дать жизненное основание всякому в Церкви наставлению, оправданию, закону, чину и уставу.

Язык Церкви, будучи формо- и смыслообразующим началом в ней, ограничивает безграничное в мире сем, чтобы тьма не объяла Свет Церкви. При этом он преодолевает все границы мира сего, чтобы готовить новый путь Господу, прямыми делами стези Ему, доколе Он придет.

Язык Церкви возвещает и сокрывает, он сам ликует и поет, находясь в вечной исихии Божьего Мира. Он ищет себе адекватного и полного воплощения в голосе Церкви, в церковном слове и духе.

Конечно, никто (и ничто) не может говорить на этом языке по должности, или по положению, или по возрасту, как и по кафедре или по сану, или иному заранее объективно известному статусу: сами по себе ни соборы, ни патриархи, ни папы, ни иные отцы или собрания народа церковного. Лучше овладевают языком Церкви лишь те, кто сам лично ближе к Богу, кто лучше знает Его в своем любящем сердце, те, кто более свят (вспомним слова Бальтазара о том, кому должно принадлежать богословие). В этом — тайна всякой настоящей церковной иерархии.

Как и все подлинное, язык Церкви имеет своего темного двойника в лице тех и того, кто и что, прикрываясь церковными символами и знаками, живет и работает по правилам и законам мира сего. Это язык многих официальных структур, язык окриков и приказов, прещений и наказаний, язык смирения других и личной гордыни, язык стяжательства и властвования, тоталитаризма, национализма и цезарепапизма, обскурантистского фундаментализма и секуляристского модернизма, язык ненависти и страха, всякой лжи, клеветы и беззакония, отступничества и предательства Христова Духа, служения сразу многим господам, как и всем идолам и грехам.

Языком Церкви можно овладеть, но ему можно лишь подражать, его имитировать, как это часто бывает в церковной жизни. Здесь нет внешних гарантий. Им может овладеть кто-то один (вспомним св. Василия Великого, который говорил: «Кто не со мной, тот не с Истиной») или какой-либо церковный собор, он может звучать с амвона или на улице, на стогнах мира сего. Он может воплощаться в простейших словах и вещах, но может воплощаться и в сложной системе знаков и символов, становясь при этом также понятием философским и

научно-филологическим.

Язык Церкви — язык красоты и порядка, но не хаоса и безобразия. Он ведет человека к Богу и ближнему, а не уводит от них. Поэтому это то, что должно быть внятно для всех верных христиан и, следовательно, насколько возможно, им всем понятно.

Поэтому и отвергли святые просветители славян «трехязычную ересь», ныне возродившуюся в нашей церкви в виде ереси «однойязычной», как будто язык Церкви может звучать не на всех языках мира и не для всех народов, а только на церковнославянском, или украинском, или эстонском и т.д.

Внятность языка Церкви для людей — Божьих пророков — не случайно стала темой в соответствующих стихах Пушкина и Лермонтова, которые сами были не лишены пророческого дара, как и многие другие гении «святой русской литературы» (Т. Манн), особенно Достоевский и Мандельштам.

Итак, в языке Церкви выражает себя вся жизнь Церкви, прежде всего ее Священное Божественное Писание и Предание, т.е. все имеющееся в опыте Священной Истории Богооткровение и Богопознание. И поэтому каждый день, даже миг, в нем появляются новые духи и смыслы, новые краски и обертоны, новые акценты и языки, новые высоты и глубины, новые возвещения, требования, призывы и определения.

Ничто подлинное в жизни и мире, в человеке и обществе не чуждо языку Церкви и вмести́мо в нем, тем более, что он связан с вечной Божьей памятью и памятью человеческой, где он отражает все явления и события обоих миров, накапливая в себе все живые образы и ассоциативные ряды.

В языке Церкви можно узреть все цвета и цветы, в нем можно услышать, как поют птицы, как шепчут звезды. Он помогает каждому преодолеть ужас и страх, но он же способен внушить трепет и благоговение перед Богом и всем его творением. Он ведет по Пути вечному, который есть Христос, и призывает обратиться на тот же Путь заблудших. В нем — вечная симпатия всего ко всему и всех ко всем. В нем — слезы благодарности и милосердия. Он жертвенен во всем, но всем обладает. Его нельзя постичь без веры, надежды и любви. В нем — Свобода и личностность, которые никогда никого не насилуют. В нем светит Бог и преодолевает свое одиночество, холод и старость человек. Он — гарант и свидетель вечного Завета Бога и человека.

Церковь всегда должна говорить только своим языком, только на своем, свойственном ей языке — языке сердца и любви, откуда происходит единение духа и смысла, точнее, невыразимого духа и самовыражающегося разума, ибо несомненно, что язык Церкви как язык сердца сам порождает язык разума и духовного ума, а этот язык в свою очередь входит в само Сердце Церкви — Божий Дух, и в ее Главу, которая есть Сын Божий, воплощенный Логос Божий — Христос.

22-24 сентября 1998 года.

Дмитрий Гасак: Некоторые замечания о VII Международной консультации

ПРАВОСЛАВНЫХ БОГОСЛОВСКИХ ШКОЛ

Церковная жизнь

С 20-го по 26-е января с. г. в Санкт-Петербурге проходила VII международная консультация православных богословских школ, организованная Syndesmos'ом.

Syndesmos (Синдесмос) — Всемирное братство православной молодежи — единственная всемирная православная организация, нынешнее руководство и многие члены которой прикладывают много усилий для объединения и взаимодействия различных молодежных организаций всех поместных православных церквей. В начале своей деятельности Syndesmos задумывался как всемирный союз только молодежных православных организаций, но со временем он стал включать в себя и богословские школы, поскольку это было единственной возможностью пригласить к участию в его деятельности молодежь стран Восточной Европы. Русские богословские школы были приняты в эту организацию после горячих споров на генеральной ассамблее в Бостоне в 1969 г. Сегодня уже несколько десятков богословских учебных заведений со всего мира являются членами Syndesmos'a и, соответственно, влияние их, а следовательно, и представляемых ими течений в православии на деятельность всемирного братства становится все более ощутимым. После появления большей внешней свободы у поместных церквей стран Восточной Европы, вызванного падением коммунистических режимов, этот процесс активизировался. Особенно ощутимым стало влияние Русской православной церкви. Поэтому и старейшие наши духовные учебные заведения, такие как Санкт-Петербургская и Московская духовные академии, и относительно новые богословские школы, такие как Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, Библейско-богословский институт им. св. апостола Андрея и др., стараются участвовать в подобных форумах, ибо с одной стороны, это самый представительный съезд православных богословских школ, где можно познакомиться и поделиться опытом со многими их представителями, а с другой — на таких собраниях становятся отчетливо видны различные тенденции в мировом православном богословском образовании, выявляются приоритеты в отношениях между школами, церковными движениями и т.д. В конце концов, на таких консультациях всегда можно заявить о себе, выступить с новыми предложениями, в общем — что-то изменить в церковной жизни, а это бывает очень ценно. В принципе, в Syndesmos может вступить любая православная молодежная организация или богословская школа, ибо всемирное братство заинтересовано в широком представительстве и сотрудничестве с самыми различными организациями. Основным формальным условием вступления является лишь наличие благословения на это правящего архиерея. Такое условие представляется оправданным, являясь некоей гарантией официального участия представителей всех церквей во всемирном братстве, что, конечно, необходимо для его полноценной работы, авторитета, влияния и т.д. Кроме того, этим оно оберегает себя от членства чуждых церкви организаций, как бы проверяет своих будущих членов на «церковность», что тоже вполне понятно. Но вместе с тем такое условие вносит очевидную двойственность в жизнь и деятельность Syndesmos'a. Формальная зависимость состава всемирного молодежного братства только от епископата может превращать его и в еще одно поле для церковной и иной политики, что не идет на пользу ни братскому движению, ни самой церкви. Если братство не может изнутри себя определять свою жизнь, если оно внутренне несвободно в своих решениях и вынуждено оглядываться на церковно-политическую ситуацию, то оно, соответственно, принимает решения компромиссные. Фактически находясь в такой зависимости, Syndesmos бывает весьма ограничен в решающем положительном влиянии на молодежную, просветительскую и богословско-образовательную деятельность в церквях. Например, он не в силах защищать те общины, организации и церковные движения, которые подвергаются несправедливым нападкам,

от кого бы они ни исходили. Все это приходится говорить с глубоким сожалением. Syndesmos, повторюсь, единственная всемирная православная организация. Она приносит большую пользу всему православию, всему христианству, она может поддержать и способствовать единению всех здоровых церковных сил. Именно поэтому, чтобы иметь адекватное представление и о прошедшей консультации, и о работе Syndesmos'a вообще, нужно говорить не только о его достижениях, но и о недостатках, о которых «по традиции» говорить было не принято. Перед руководством и участниками Syndesmos'a, как и перед организаторами нынешней и предыдущих консультаций, стояли и стоят серьезные вопросы и задачи. Православные христиане всего мира заботятся о расширении и усилении роли своих поместных церквей, и особенно эта проблема актуальна в тех странах, где православные находятся в меньшинстве по отношению к представителям других конфессий или религий. Решение этих проблем, естественно, более всего связывают с Русской церковью, ибо она не только самая большая поместная православная церковь в мире, но и более всех других активно развивается и имеет (пока имеет!) определенные возможности для миссии, катехизации, духовного образования, благотворительного служения и т.д. В России и в Русской церкви сейчас во многом решается судьба мирового православия. Поэтому и Syndesmos заинтересован в более активном позитивном участии россиян в своей работе. Но в то же время можно наблюдать, что в РПЦ, да и в других православных церквях очевидно усиливаются изоляционистские, фундаменталистские, по существу сектантские тенденции, которые в своем большинстве суть «нормальное» следствие постсоветского¹ сознания носителей подобных идей. Эти крайние силы стремятся укрепить свое влияние не только внутри отдельных церквей, но и в межправославных и международных отношениях, что проявилось и на консультации, о чем мы еще скажем ниже. Конечно, угроза православного фундаментализма пугает не только западных христиан, католиков и протестантов, но и многих православных, в том числе и в Syndesmos'e. Следствием этого стала та заинтересованность его руководства в расширении участия различных по направлениям организаций из РПЦ, которая была хорошо видна и на предыдущих консультациях (заинтересованность, естественно, проявляли и сами их представители). Не менее очевидным было желание многих участников, в противовес фундаменталистским и традиционалистским выступлениям, говорить о серьезных недостатках в миссионерском служении, системе духовного образования, литургической жизни Русской церкви и т.п. и о тех позитивных действиях, которые могли бы способствовать обновлению церковной жизни. Такая ситуация не могла не вызывать дискуссий, но ведущие заседания старались сглаживать всякого рода однозначные реакции на подобные выступления. На открытии консультации с приветственным словом к ее участникам обратился митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир. Пленарные заседания проходили под председательством ректора Санкт-Петербургских академии и семинарии епископа Тихвинского Константина. Организационную работу совещания осуществлял генеральный секретарь Syndesmos'a Владимир Мисиюк, также в работе участвовал президент Syndesmos'a Эконому и другие церковные деятели. В соответствии с программой рабочие заседания консультации проводились и в светских вузах города (Санкт-Петербургский университет, Российский христианский гуманитарный университет и др.) — с тем, чтобы, по словам епископа Константина, произвести «миссионерский эффект». В дни работы форума в Академии технологии и дизайна проходила выставка, на которой была представлена продукция многих православных издательств и мастерских из разных епархий. Среди докладов, прозвучавших на консультации, было несколько основных, как бы установочных, посвященных важнейшим актуальным проблемам церковного образования и связанного с ним молодежного движения, вопросам литургической жизни и т.п. На их содержании хочется остановиться более подробно. (Кстати, трудно представить, как можно было бы в стенах, скажем, Московской духовной академии говорить с трибуны о радикальной реформе богословской школы, о церковном обновлении, о возможности совершения богослужения на русском языке или на какую-либо другую серьезную церковную тему. Известно, как встречали недавно в той же академии

представителей ВСЦ. Но на совещании в Петербурге это было возможно, и важно, что подобные выступления прозвучали именно в стенах духовной академии, именно от авторитетных в церковном мире людей, против которых трудно развязать необдуманную критику, навесить расхожие ярлыки и т.д.) «Сотрудничество между богословскими школами и молодежными организациями» — так назывался доклад бывшего президента Syndesmos`а, настоятеля православного прихода в Иломантси (Финляндия) прот. Рауно Пиетаринена. Богословское образование, отмечалось в докладе, должно быть жизненно, должно вести молодежь туда, где «вода живая», и ни в коем случае не строиться на ненависти и не учить ненависти к кому бы то ни было, ибо «ненависть никогда не может быть мотивом для изменений». «Многие призваны проповедовать своей жизнью, но только немногие могут исполнить задачу учительства словами. В их случае важно, чтобы их слово стало плотью; чтобы слова стали делом в их собственной жизни и жизни их учеников. Будем помнить: было недостаточно, когда сердца учеников горели на пути в Эммаус — они узнали Христа только тогда, когда Он преломил с ними хлеб». Особый акцент о. Рауно сделал на том, что важнейшее дело в богословском образовании — это воплощение богословия в жизни, «вхождение в жизнь церковную». Это необыкновенно важно, ведь наше богословское образование по-прежнему остается чрезвычайно схоластичным (о чем говорил на консультации и иером. Иларион (Алфеев)), и делом весьма далеким и от тех проблем, с которыми сталкиваются современные верующие, и задач, стоящих перед церковью в целом. Более того, некоторые силы в церкви стараются сохранить именно такое бездвижное отношение к образованию, препятствуя проявлению в нем хотя бы малейших признаков какой-либо жизни, что весьма способствует процветанию обскурантизма и законничества и в духовных школах, и на приходах. Замечательный доклад в третий день работы консультации представил профессор Афинского университета Афанасий Н. Папафанасиу. Доклад, называвшийся «Язык Церкви — язык мира: путь общения или путь конфликта?»², был посвящен проблемам церковного обновления и связанной с ним проблеме церковного языка, в том числе богослужебного. В начале своего выступления докладчик привел слова св. Григория Богослова: «Обновленцы — так немудрые называют предусмотрительных», показав тем самым, что проблема обновления всех сторон жизни церкви существует в ней с самых ранних времен. Церковь на протяжении всей своей истории сама решает внутри себя проблему собственной жизненности, проблему непрерывного обновления себя и своей жизни в общении с Богом. «Многие православные сегодня могут не согласиться со св. Григорием, поскольку обновление обычно рассматривается как акт самочиния, в сущности тождественный секуляризации. Подобная опасность возможно действительно существует; и тем не менее, мы не можем пройти мимо того факта, что сама Церковь обещает миру некое всеобъемлющее обновление — представление о том, что все творение в конце концов станет новым в общении с Богом. Это конец, описанный в книге Откровения (21: 1-5). Следствием этого представления является то, что жизнь верующего — не пассивное ожидание конца, но, скорее, участие в историческом делании Божьем». Церковь и мир, отметил греческий профессор, это не две онтологически противоположных реальности, Церковь — это откликнувшаяся на Божий призыв часть мира, который весь без исключения призван «добровольно принять приглашение стать Телом Сына, Второго Лица Святой Троицы, и, таким образом, по свободной воле войти в вечную троическую Жизнь». Церковь никогда не считала возможным закрываться от мира и тем самым препятствовать миру стремиться к познанию Истины. Поэтому «до конца истории Церковь не имеет права прекращать призывать творение Божье к общению с Ним. Диалог Церкви и мира не может быть прерван и, конечно, никто не может положить никакого конца до последнего конца. Рассматриваемая таким образом, миссия Церкви всегда остается той же самой, но всякий язык призван стать ее плотью, так чтобы благовестие спасения могло быть осознано всяким обществом, всяким народом, во всякую эпоху... Церковь, отказывающаяся говорить к миру и с миром, — это не просто церковь молчащая, она подвергает себя опасности перестать быть Церковью вовсе! Если она не вводит мир в свое животворящее Тело, она оставляет его в царстве Смерти. Это

как если бы поместная церковь отказалась принимать хлеб мира и, следовательно, в конечном счете не смогла бы готовить святую Евхаристию! Подобному процессу присуща и та опасность, что поместная церковь может упорно держаться за язык прошлого, на котором говорили столетия тому назад, рассматривая его как язык Самого Бога! В этом случае церковь начинает обновлять дурное, поскольку поворачивается спиной к преданию Православия, рассматривающему Церковь как продолжающееся Воплощение. О. Георгий Флоровский, например, упоминает слова А. Шишкова, министра просвещения царской России, противостоявшего тем, кто пытался перевести Писание на общеупотребительный язык: «Как же дерзнуть на перемену слов, почитаемых исшедшими из уст Божиих?» Однако ответ уже содержался в православном предании. Так, св. Григорий Нисский, оппонируя еретика Евномию, утверждавшему, что Сам Бог открывает определенные слова, возражал, что Бог открывает значения, а человек изобретает слова. «Голос Божий, — говорит св. Григорий, — ни говорит по-еврейски, ни выражает себя каким-либо иным способом, известным другим народам». В самом деле, хотя человеческие языки могут стать плотью истины, они не есть истина сами по себе. Именно это, вторя св. Григорию, утверждал великий русский миссионер Макарий Глухарев (1792-1847): «Неужели слово Божие в облачениях славянской буквы перестает быть словом Божиим в одеянии российского наречия?»» Часто противники смысла в церкви утверждают, что перевод невозможен, ибо в этом случае Писание, богослужебные и другие церковные тексты станут доступны «вульгарной толпе». Подобная характеристика — «вульгарная толпа», — по мнению А.Н. Папафанасиу, отчетливо выявляет экклезиологическую основу спора, ибо часто именно как такую «толпу» церковные «охранители» воспринимают народ Божий. Между тем еще «апостол Павел говорил, что члены Церкви должны употреблять понятные слова, дабы каждый мог знать, что сказано... Ни богослужение, ни другие измерения церковной жизни не должны рассматриваться как область агностицизма, бессознательного романтизма или бездумных инстинктов. Вот почему божественная Литургия, Крещение и т.д. включают исповедание веры. Церковь требует, чтобы каждый отдельный ее член знал учение и лично его исповедовал: «Я верую...»» Далее афинский профессор продолжил: «Православное предание следует рассматривать как предание, ничего не теряющее и не путающееся из-за множества языков — как среди разных народов, так и в течение исторических периодов жизни одного народа... Языковая множественность предстает следствием греха. Тем не менее, Церковь никогда не искала «обратного хода» в виде установления одного языка для всех народов или на все века. Она реалистически принимает уже существующие поствавилонские языки и пытается преобразить их в новую плоть истины. Именно это, прежде всего, — в противоположность Вавилону — и произошло на Пятидесятницу, когда люди из всяких народов услышали апостолов, возвещающих о чудных делах Божьих на их собственных языках (Деян 2: 4-6)». В заключение своего выступления А.Н. Папафанасиу отметил, что перед лицом общемировой проблемы глобализации, перед повсеместным наступлением господствующей модели западной цивилизации церковь должна быть готова свидетельствовать в совершенно новых для нее обстоятельствах. В таком контексте языковая восприимчивость церкви — это «не просто вопрос перевода текстов с одного языка на другой. Говоря шире, она связана с самим устройством церкви. Она позволяет поместной церкви быть истинно поместной и истинно Церковью. Она позволяет ей выражать себя, создавать новые тексты и сеять Истину на новом поле, в новом культурном контексте, в конкретной цивилизации, в конкретном обществе». Конечно, никакой серьезный разговор о сегодняшних церковных нуждах и проблемах невозможен вне важнейшей темы языка Церкви³, и многое и в настоящем, и в будущем церкви связано именно с тем, как она эту проблему решает и будет решать. Об этом после выступления Афанасия Н. Папафанасиу кратко сказал проректор Свято-Филаретовской высшей школы свящ. Георгий Кочетков, выступление которого вызвало оживление в зале, а у некоторых участников даже напряжение, так как о. Георгий говорил не о тенях проблем, а касался сути конкретных событий церковной жизни в России. Так, скоро исполнится уже два года, как сам он запрещен в служении, а двенадцать лучших его прихожан — в причастии в

результате конфликта, спровоцированного фундаменталистскими силами как раз потому, что на приходе о. Георгия, в соответствии с решением Поместного собора Российской церкви 1917–1918 гг., по желанию всего прихода в богослужении частично использовался русский язык, велась активная миссионерская и огласительная работа среди взрослых и т.д. Ни на одно из его прошений о снятии прещений или хотя бы о личной встрече и разговоре правящий архиерей — патриарх Алексий II — не ответил, и дело по сей день находится в тупике⁴. Самым большим по объему выступлением на консультации стал доклад иером. Илариона (Алфеева) «Духовное образование на христианском Востоке (I–VI вв.)», посвященный современным проблемам духовных школ и оказавшийся более интересным и глубоким, чем его же доклад на предыдущей консультации в Белграде в 1997 г. В нынешнем докладе автор вновь говорит о необходимости реформы богословского образования, но акцент ставит на изменении школьной системы именно в ее внутреннем существе. В качестве примера, на который следует ориентироваться в этом движении, он называет «истинно православные традиции богословского образования»: «Реформа, в которой мы нуждаемся, не предполагает изобретения чего-то принципиально нового. Напротив, нам необходимо вернуться к древнему, забытому наследию богословского образования на христианском Востоке. Как мне представляется, знаменитые школы христианского Востока являлись носителями подлинного духовного образования, и нынешнее положение дел во многом является следствием отступления от принципов, заложенных в этих школах, но вытесненных впоследствии чуждыми Православию католическими и протестантскими влияниями». Справедливость этих слов автор показывает сначала на примере апостольской общины, а затем Александрийского огласительного училища (II–III вв.), высшей духовной школы Оригена и академии в Нисибине. Община учеников Спасителя была первой христианской школой, где ученики слушали Учителя, где они, сознавая свое ученичество и единственность их общего Учителя, жили вместе и обретали не только знания и мудрость, но и совместный духовный опыт, поскольку проходили совместный путь. «Сознавая Свое учительское достоинство, Христос говорил: «Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его» (Мф 10: 24–25). В то же время Он подчеркивал, что Его ученик — не «слуга» и не «раб» своего Учителя; это, скорее, Его друг и «сотаинник»: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин 15: 15). Ученичество есть не что иное, как дружба с Учителем — глубокая дружба, при которой Учитель ничего не скрывает от учеников». Преимущество учения и в учении — неотъемлемая черта всякой духовной школы (в христианстве — начиная с общины Спасителя); важно, чтобы ученики, познавая учение, готовились сами стать учителями, наставниками, и именно на это были ориентированы древнехристианские школы. Подробно рассказав об устройстве жизни и системе духовного образования в раннехристианских духовных школах и о традиции православного богословского образования вообще, о. Иларион в итоге выделил десять пунктов, «над которыми... стоило бы подумать при подготовке новой модели духовной школы», которые мы с незначительными сокращениями здесь приводим. «1. Прежде всего, раннехристианская духовная школа была единой общиной, братством людей, объединенных одной целью, одной задачей... Что препятствует нам возродить этот дух общности и единства? 2. Отношения между учителем и учеником в раннехристианской школе строились на основе взаимного доверия; учеников и учителя скрепляли тесные узы дружбы; не было дистанции между «профессорско-преподавательской корпорацией» и студентами... Если преподаватели духовных школ последуют примеру Христа, Который, будучи «Учителем и Господином», умывал ноги Своим ученикам, атмосфера в духовных школах сразу же коренным образом изменится. 3. В духовной школе христианского Востока ключевой фигурой был ректор. Он являлся духовным руководителем школы, определял общее направление ее деятельности. Он был «педагогом»-детоводителем, своего рода духовным отцом учащихся. Ректор не был администратором, не занимался финансовой деятельностью, не отвечал за дисциплину в школе:

за это отвечали другие. Ректор был богословом, специалистом в своей области (в частности, в области библейской экзегетики), и потому пользовался огромным авторитетом. Что мешает нам возродить такой тип руководителя духовной школы?..4. Высшим органом управления в таких школах, как Нисибийская, было общее собрание учащихся и учащихся. Не следует ли возродить эту традицию? Не стоит ли подумать о том, чтобы именно в компетенцию общего собрания передать ключевые вопросы академической жизни?5. Не следует ли такие вопросы дисциплинарного характера, как исключение учащихся из школы, сделать прерогативой общего собрания? Это во всяком случае избавит духовные школы от произвола членов администрации, которые лишатся возможности выносить свой суд над учащимися «келейно» под влиянием личных симпатий или антипатий (при нынешней системе ни одна духовная школа от этого не застрахована).6. Не следует ли сделать должности лиц, ответственных за дисциплину в школе (инспекторов, помощников инспекторов и пр.), выборными, с тем чтобы в выборах участвовали и преподаватели и студенты? Это существенным образом повысит уровень доверия учащихся к инспекции.7. Обращаясь к опыту огласительных училищ эллинистического мира (в частности, Александрийского училища времен Климента), не стоит ли нам подумать о том, чтобы от фрагментации богословского курса, т.е. деления его на многочисленные «дисциплины», такие как догматическое, нравственное, систематическое, литургическое богословие, постепенно переходить к его интеграции?.. По крайней мере, мы могли бы разработать такую систему преподавания богословия, при которой курсы богословских наук были бы взаимосвязанными и взаимодополняющими (при нынешней системе эти курсы иногда дублируют друг друга, иногда же не имеют между собой никакой связи).8. Опыт древнехристианских дидакалов может научить нас тому, как воспитать у учащихся навыки самостоятельной работы (Ориген, в частности, приучал своих слушателей не только ставить вопросы, но и самим находить на них ответы). Не следует ли нам продумать такую академическую систему, при которой упор делался бы не на усвоение учащимися некоей суммы богословских, церковно-исторических и иных сведений, но на развитие у студентов вкуса к самостоятельному изучению предмета. Не следует ли сократить лекционный курс, высвободив время для самостоятельных занятий? Не стоит ли разработать новую концепцию лекции, которая стала бы лишь введением в проблематику и библиографию вопроса, а ответ на вопрос студенты искали бы самостоятельно?9. Во всех школах древнехристианского Востока важное место занимало изучение философских дисциплин. Уделяем ли мы сегодня достаточное внимание таким предметам, как логика или диалектика, изучаем ли произведения античных (и не только античных) философов, заботимся ли о том, чтобы привить учащимся навыки диалектического мышления?..10. Раннехристианские школы были не только научно-богословскими центрами, но и центрами духовного воспитания юношества. Богословские школы формировали молодого христианина, закладывали в нем основы подлинной церковности, истинно-христианского благочестия. Можем ли мы похвалиться тем, что из стен наших богословских школ люди выходят более преданными Церкви, более духовно зрелыми, чем когда они туда поступали? И если нет, не следует ли нам серьезно подумать о тех изъянах, которые у нас в этом плане существуют, и постараться их исправить?» В конце выступления о. Иларион еще раз подчеркнул, что в реформе богословского образования нельзя ограничиться лишь изменением форм, нужно «кардинальным образом менять структуру управления, содержание учебных программ, весь подход к учебному процессу», в чем существенно может помочь опыт духовного образования на раннехристианском Востоке5. Доклад о. Илариона вызвал живой интерес и его обсуждению планировалось посвятить специальное заседание в тот же день поздно вечером, но его проводить не стали, видимо опасаясь, что столь важный вопрос выявит сильное расхождение во мнениях у многих участников консультации. Одним из самых важных, если не самым важным итогом VII консультации православных богословских школ стало решение о создании Международной ассоциации богословских школ. Данному вопросу был посвящен один из круглых столов, который возглавлял архиепископ Кенийский Серафим. Ассоциация планируется быть

выделенной из состава Syndesmos'а и, соответственно, в нее смогут входить самые разные богословские школы, в том числе и независимые. Таким образом, эта организация может стать действительно независимой, что в условиях современного православного мира было бы делом беспрецедентным и чрезвычайно ценным. Нужно ли говорить, как православные церкви нуждаются сегодня в качественном и количественном возрастании духовного образования и, особенно, высшей богословской школы. Однако против такого устройства ассоциации активно выступили представители МДА, настаивая на том, чтобы рабочие связи осуществлялись не напрямую между школами или ассоциацией и школами, а через официальные епархиальные и патриархийные структуры (учебные комитеты и т.п.⁶). Понятно, что в таком случае состав ассоциации будет строго ограничен и далеко не все учебные заведения смогут в ней участвовать. Кажется, такая позиция не была поддержана большинством представителей школ и в состав рабочей группы по подготовке создания ассоциации вошел как представитель «официоза» (МДА), так и представитель независимых школ (Библейско-богословский институт)⁷. В заключение нужно сказать, что результаты VII международной консультации православных богословских школ вряд ли можно назвать однозначными. Отрадно, что в Русской и в других православных церквях есть живые силы, заинтересованные в движении вперед и вверх — как в духовном образовании, так и во всей церковной жизни, способные приводить к Богу и в Церковь и научать новых и новых людей христианской вере и жизни. Но в то же время, очевиден рост и влияние тех сил, которые стремятся законсервировать церковную жизнь, подчинить все единой букве того «православия», в котором, по меткому замечанию одного простого человека, нет христианства. Конечно, многое в ближайшем будущем Syndesmos'а будет зависеть от его нового руководства, которое будет избрано на Генеральной ассамблее в июле этого года. Но может быть, еще больше зависит от рядовых членов всемирного молодежного братства, от их реальной христианской жизни, от их усилий в своих церквях, братствах, приходах, от того, смогут ли они стать надежной опорой в борьбе со всякой неправдой, мраком и злом этого мира.¹ К сожалению, такая «советскость» сознания — характерная черта не только многих представителей России. Само по себе это не очень страшно. Опасно то, когда мы не отдаем себе в этом отчета и не делаем ничего, чтобы это сознание в себе преодолеть, а наоборот, часто стремимся духовную жизнь построить по этим парадигмам прежней жизни.² Полный текст доклада опубликован в «Миссионерском обозрении» № 1 (39)/1999 г., с. 6–8. Здесь цитируется по оригинальному переводу.³ См. сборники «Язык Церкви», вып. 1, 2 и след., М., Свято-Филаретовская высшая школа, 1997 г., а также статью С. Зайденберга «Язык Церкви — возвращение к Церкви» («Православная община» № 48, с. 54–87) о международной богословской конференции «Язык Церкви», материалы которой готовятся к печати в издательстве Свято-Филаретовской высшей школы.⁴ Об этом см. «Православная община» № 42–45, 47.⁵ Отрадно отметить, что на всех этих принципах, пусть и не во всем их практически достигая, строит свою работу и жизнь Свято-Филаретовская высшая школа

⁶ Сегодня председателем Учебного комитета Московской патриархии является ректор МДА.⁷ Представителя Свято-Филаретовской высшей школы, который один из немногих проявил желание участвовать в рабочей группе, включить в нее не решились.

: К 100-летию со дня рождения архимандрита Сергия (Савельева)

Церковная жизнь

4 апреля 1999 г. исполнилось 100 лет со дня рождения архимандрита Сергия (Савельева). На

страницах нашего журнала мы уже неоднократно обращались к наследию этого исповедника веры, пастыря и проповедника, вдохновленного идеалом «родной», т. е. общинной жизни и вдохновляющего нас своим словом, исполненным горячей любви к Богу и Его Церкви, к своим «родным», ко всему Божьему миру и веры в неодолимую силу этой святой Любви и даруемой ею Свободы. Сегодня, творя память этого служителя Божьего, мы предлагаем вниманию нашего читателя небольшой отрывок из его записей. Это своеобразное исповедание веры — того Православия, которым жил сам о. Сергей и к которому призывал всех.

«ЕСЛИ я весь в Церкви, живу церковно и готов на всякую жертву собой ради Церкви, то я свободен — и никто не может меня лишит этой свободы. Меня может церковное управление отстранить от службы, но это отстранение будет насилем и незаконно. Оно будет горько для меня, но оно не только не лишит меня свободы, но оно еще больше укрепит ее. Мне будет тогда особенно ясна та правда, которую я исповедаю. Я — православный в такой мере, что и кости мои пропитаны православием. И все то, что я исповедаю перед всеми, православно, только православно. «Ты смущаешь церковное общество, вносишь разлад в церковную жизнь». Нет, разлада я не вношу. Я исповедую то, что любовь моя к Церкви побуждает меня. А любовь вносит в церковь только единство. «Ты возбуждаешь людей неверующих и тем вносишь беспорядок в общественную жизнь». Нет, это неправда. Я людей неверующих и не знаю, а если бы они узнали, что я исповедую, то они бы всецело меня оправдали. Я — сын Церкви и моя любовь к Церкви сама в себе заключает свободу. И тем, кому тяжки мои слова, придется смириться, ибо любви можно противопоставить только любовь. Но какую? — святую, а она всегда едина, всегда истинна. Я — сын родины. Люблю ее и преисполнен желанием послужить ей в духе той же святой любви, которая наполняет меня. С этой любовью ничего сделать нельзя. Она вечна». Архим. Сергей (Савельев)

Виктор Зайцев: Предание Церкви и предания школы. О книге Н.П. Аксакова и о предстоящей конференции

История церкви

22-24 сентября 1999 г. в Москве Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа совместно с журналом «Вестник РХД» проводит очередную научно-богословскую конференцию. Название конференции, которое в этом году звучит как «Предание Школы и Предание Церкви», перефразирует название книги Н.П. Аксакова «Предание Церкви и предания школы», вышедшей в 1909-м году сначала в журнале МДА «Богословский вестник», а затем и отдельным оттиском¹.

Почему же организаторы конференции решили обратиться к этому практически неизвестному сегодняшнему читателю труду, который к конференции планируется даже переиздать? Поводом и материалом к написанию этой по-своему замечательной книги послужили материалы заседаний Предсоборного присутствия 1906 г., на которые Российская церковь вынесла для обсуждения самые наиболее важные вопросы своей жизни и в которых, соответственно, выявились глубокие и существенные противоречия церковного сознания того времени. Так, в предисловии к книге Н.П. Аксакова редактор «Богословского вестника» проф. Заозерский писал: «Внимательное чтение «всех многочисленных и многообразных» журналов Присутствия убедило его (Н.П. Аксакова) в существовании глубокой розни самых представлений об идеале церкви, которыми водились члены присутствия. «Стоит

только внимательно перечесть — говорит он — многочисленные и многообразные журналы Присутствия, чтобы убедиться в том, что не одну и ту же по очертаниям и задачам церковь стремятся воссоздать, поддержать и восстановить зиждущие, ссылаясь на руководящее их предание, каноны и патерики. Установлению и освещению этой розни и посвящены предлагаемые страницы». Вот главная задача предлагаемого труда Н.П. Аксакова. Но ведь разрешить ее, значит представить научно-богословскую, критическую оценку тех воззрений, которые навсегда отпечатались в четырех томах журналов Предсоборного присутствия. Да, эти четыре тома останутся вековым памятником церковно-канонического сознания Русской церкви начала XX века, а издаваемая теперь книга Н.П. Аксакова навсегда останется первым опытом научно-богословской критики этого памятника. Понятно, что уже это первенство почина такого важного дела сообщает книге Н.П. Аксакова высокий интерес. Но далеко не этим «первенством чести» она приковывает и должна приковать к себе пристальное внимание всех интересующихся современным состоянием русской богословской науки, но и дальнейшими судьбами самой Православной церкви, насколько в них участвует своим влиянием русская богословская наука». Читая книгу уже в конце XX века, можно только с удивлением подтвердить, что в своих главных методах и выводах она не только предвосхитила многое из того лучшего, что сделала в этом веке русская богословская наука, перед которой встал вопрос о Церкви и ее Предании и о том, как отличить это единое и целостное Предание от многочисленных преданий, часто противоречащих друг другу. Она действительно оказалась внутренне связанной с «дальнейшими судьбами самой Православной церкви». Дело в том, что хотя «ближайшим образом книга занимается тщательным научным освещением литургических и канонических памятников Византии по вопросу об иерархическом достоинстве пресвитерского служения в Православной церкви и о сущности рукоположения (хиротонии) вообще» (Заозерский), ее более глубокая тема выходит далеко за рамки этой проблемы и оказывается, к сожалению, актуальной и по сей день. Ведь и сегодня «зиждущие... стремятся воссоздать, поддержать и восстановить... не одну и ту же по очертаниям и задачам церковь, ссылаясь на руководящее их предание, каноны и патерики», и по сей день продолжается спор, начатый уже почти столетие назад. Так какую же церковь хотели «воссоздать, поддержать и восстановить» оппоненты Н.П. Аксакова? «Предсоборным канонистам», — пишет он в начале своего труда, — ввиду особенностей возвещаемого ими идеала Церкви, ими самими создаваемого или заимствуемого ими из плохих учебников и школьных тетрадей, необходимо было во что бы то ни стало доказать провозглашенное ими и якобы присущее епископу право уполномачивать иерархически подчиненных ему лиц к совершению тех или других прерогатив его сана и служения, — право передачи или делегации. Вся церковная благодать сосредоточивается таким образом, по определению их, в епископе, на коем лежат и все функции церковной жизни, отправляемые, однако, не им самим или не им одним, по невозможности для него все отправлять самому, но и подчиненными ему иерархическими лицами — пресвитерами и диаконами, священнодействующими в качестве его уполномоченных, по передаваемой им соответственно тому благодати, источник которой находится в нем как преемственно восприявшим его от апостолов, а апостолами от Христа. Церковь делится таким образом на уполномочивающих, т. е. епископов, уполномочиваемых, т. е. пресвитеров, диаконов и вообще клириков, и не имеющих никакого уполномочивания, т. е. мирян. Получается во внешнем, формальном отношении весьма стройная система» (с. 31–32). Именно против такого взгляда на церковь, против такой квази-церковной «системы» и восстает автор книги, защищая, как бы мы сейчас сказали, не онтологическую, но лишь функциональную разницу всех церковных служений. «Епископы избираются клиром и народом, или назначаются так или иначе людьми же, а затем рукополагаются епископами, по крайней мере тремя, при молитвенном участии всей церкви, »ибо тайно не бывает рукоположения». Пресвитеры в свою очередь избираются людьми же и в свою очередь рукополагаются тоже епископом. Никакой разницы в источнике и способе получения благодати не существует. Благодать ниспосылается свыше и не увеличивается от того, что в рукоположении участвуют трое, а не один. Разница не

в источнике благодати, не в посредственности или непосредственности восприятия, не в зависимости от числа рукополагающих, а только и исключительно в разности служения, на которое совершается рукоположение» (с. 30). Частная, на первый взгляд, проблема сущности пресвитерского служения и рукоположения в книге Аксакова оказывается внутренне связанной с проблемой всего церковного Предания. Вопрос о том, кто или что является источником служения пресвитера предстает внутренне связанным и с вопросом о том, кто или что является в церкви хранителем ее Предания и источником наших знаний этого Предания. Именно этот вопрос и дает название всей книге. «Оправдывать и объяснять настоящее заглавие предлагаемого труда, — пишет автор, — не представляет надобности. Оно говорит само за себя и применение его к составу и содержанию предстоящего изложения может только в нем самом найти надлежащее оправдание и объяснение. Ограничусь только принципиальным определением. Предание Церкви не нарождается и не возникает в веках, но представляет только совокупность того, что было вверено ей при самом ее основании, что было вложено в нее как в «богатую сокровищницу», по выражению св. Иринея, самими апостолами, а ими воспринято от Христа. Церковь хранит Предание, а не создает его, не накапливает и не вырабатывает, как исповедует отчасти римский католицизм. Предание в истории может систематизироваться, производить выводы из вложенных в него посылок, но не может включать в себя новые начала, обогащаться новыми элементами. В чем же выразилось и выразилось Предание Церкви? Откуда можем мы черпать и восстанавливать его? Предание Церкви выразилось и выражается во всей совокупности ее памятников, но не всегда выражалось и выражается оно во всей чистоте и беспримесности, а потому и в этих памятниках мы должны нередко отличать примешавшееся от того, *quod semper, quod ubique, quod ab omnibus*... Но это *semper* должно пониматься как абсолютное, а не сравнительное только и относительное... Постоянным, вечным может быть для Церкви только то, что вытекает из древнейшего, исконного ее исповедания, из древнейшей и основоположной хартии ее — новозаветного Писания. Писание представляет основную и большую часть всего предания Церкви, а потому и постоянный критерий для всего остального. Церковь выражала строй убеждений своих и верований в каноническом своем творчестве, а потому на выраженные и воспринятые ею каноны мы должны смотреть как на весьма существенный памятник записанного ею же самого предания. Но Церковь исповедовала веру свою и убеждения, точнее, исповедала самое себя не только в создании, поддержании и восстановлении внешних форм общественного своего устройства (канона), не только учительством и полемикой с возникавшими лжеучениями (св. отцы, соборы), но прежде всего и более всего в самом своем служении Богу, в самом своем богослужении. Отсюда-то богослужение как живое, жизненное исповедание церкви и представляет, наряду с новозаветным Писанием, едва ли не существенную и основную часть Предания Церкви. Само собою разумеется, что и в нем предание должно быть услеживаемо и восстанавливаемо путем исторического сопоставления богослужебных памятников, сличения с другими памятниками церковного Предания: новозаветным Писанием, канонами, свидетельствами церковных писателей, учением отцов. Но в этом-то восстановлении преданного путем сравнительного изучения памятников и исповедания и заключается главная суть и главная задача богословской науки. Приведенными выше краткими тезисами, выражающими взгляд на Предание, а равно и указанием на богослужебное исповедание церкви, как на существенно важный его источник, представляется и некоторая методологическая особенность предлагаемого ныне труда, посвященного отличению Предания Церкви, вложенного в нее и ею хранимого, от преданий человеческих, нередко провозглашаемых от ее имени как часть Священного ее Предания» (с. 3-5). Путем тщательного анализа памятников канонического права и дошедших до нас богослужебных текстов автор восстанавливает древнее последование хиротонии, которая предстает перед нами как реальное (а не только символическое, как мы можем видеть это сегодня) действие всей церкви, вдохновленной и движимой Святым Духом. «Оставляя пока в стороне содержание молитв, следующих за призывом всех помолиться о нисшествии благодати Всесвятого Духа на

имеющего быть рукоположенным и произносимых епископом, имеющим руку лежащей на голове коленапреклоненного ставленника, просмотрим... состав всей первой, подготовительной части чина хиротонии в различные степени.1. Рукополагаемый в иподиакона, диакона, пресвитера или епископа определенной местной церкви подразумевается избранным и одобренным через испытание его самой местной церковью, пославшей его для рукоположения к епископу, митрополиту или патриарху.2. Подлежащий рукоположению подразумевается не пришедшим одиноко и по собственному своему почину, но приведенным из избравшей его церкви могущими свидетельствовать о нем и принесшими с собою писанный приговор об избрании и одобрении его местною церковью, желающей его рукоположения во диаконы, пресвитеры или епископы ее.3. Приведшие представляют его сперва народу и клиру той церкви, в которой имеет совершиться рукоположение, указуя как его имя, так и имя той церкви, для которой он предназначается, а затем и епископу, имеющему совершить самое рукоположение. Представление это совершается принимающими его за руки диаконами, если он рукополагается во диаконы и принимающими его из рук диаконов пресвитерами, если он рукополагается во священство.4. Хартофилакс или архидиакон, провозгласив к народу: вондем! вручает епископу приговор об избрании и одобрении подлежащего рукоположению приславшею его местною церковью села, местечка или другого имеющего епископскую кафедру города, если рукополагающий митрополит или патриарх, а присланный предназначается во епископы. Епископ читает во услышание всех поданный ему приговор или составленную из него выписку: «Судом и испытанием такого-то состава избирателей божественная благодать... пророчествует» и т.д.5. Чтение написанного в грамоте епископ завершает призывом или вызовом всех к молитве о ниспослании благодати Духа Святого на присланного, приведенного, представленного и подлежащего рукоположению, на каковой призыв или вызов народ отвечает троекратным: Господи, помилуй! С этого только призыва начинается собственно тайнодейственная часть рукоположения. Таким образом, произнесение епископом формулы: «божественная благодать» и т. д. не сообщает еще благодать, присущую священному служению, и не делает приведенного и преклоненного ставленника иподиаконом, диаконом, пресвитером или епископом, как вслед за Симеоном Солунским ошибочно утверждают некоторые, а в том числе и «предсоборные канонисты», но составляет только вызов или призыв к молитвенному ее испрошению всеми присутствующими, всею церковью.

При рукоположении во диаконы Православная церковь открыто исповедует, что необходимая для священнослужения благодать дается достойным не в наложении рук епископа (грешных рук, по выражению коптского чинопоследования), а в посещении богатых щедрот Божиих, или, точнее, милостей, милосердия (siktirmon), которые и призываются на рукополагаемого последовательными совместными молитвами епископа и народа. Само собою разумеется, что исповедание это относится не к одному только рукоположению диакона, но и ко всякому рукоположению вообще. Епископ не передает рукополагаемому благодати, в свое время через рукоположение же им воспринятой, и не уделяет ему из этой благодати, но призывает всю церковь молиться о ниспослании на рукополагаемого благодати Всесвятого Духа. И церковь молится о ниспослании этой благодати – молится, по существу, так же, как молится при совершении другого таинства – евхаристии, призывая Духа Святого на предложенные ею дары... В обоих случаях, т.е. в евхаристии как и в священстве, таинство совершается наитием Духа Святого, а ниспослание Духа Святого является следствием молитвенного призыва его всею церковью, всеми предстоящими и проявлением милости и милосердия Божия, которого подобает просить. Не в наложении рук епископа дается благодать достойному, а в посещении великих щедрот Божиих, исходящих со святой высоты, из неопisanного недр, от престола славы, в силу милосердия и помилования. Отсюда-то, как евхаристический призыв Духа Святого предшествуется усиленною молитвою о помиловании, так и на приглашение молиться о ниспослании благодати Духа Святого в таинстве священства народ отвечает, прежде всего, словами: Господи, помилуй! Помилование, проявление милости осуществляется в данном

случае нисшествием благодати Духа Святого, а нисшествие благодати Духа Святого на рукополагаемого и составляет суть и увенчание таинства» (с. 156-159). Такой взгляд на церковь и ее действие неизбежно приводит автора к утверждению достоинства не только пресвитера как члена клира, но и всякого мирянина. Обращаясь к древним крещальным чинам, неизменно включавшим возложение рук епископа, он приходит к взгляду на звание «мирянина» как на определенную степень священнослужения. «Мирянин» — это рукоположенный член народа Божия, laik, священнослужитель. «Вообще необходимо заметить, что над возводимым в звание верного члена Тела церковного, члена Народа, составляющего или входящего в состав этого Тела, совершаются все те же самые внешние священнодействия, что и над возводимыми в ту или иную священную степень. Он приводится в церковь, как приводится в нее и возводимый в священную степень. Имя его оповещается церкви перед крещением (крещается раб Божий имя рек), как оповещается имя возводимого к степень («божественная благодать» и т.д.). О нем молится, призывая на него благодать, вся церковь, как молится она о возводимом в священную степень. Он знаменуется крестным знаменем, как знаменуется возводимый в степень. Он обручается Христу и обводится вокруг купели, как обводятся вокруг аналая обрученные к брачной жизни и как обводится вокруг престола возводимый в священство. Он рукополагается, как рукополагаются возводимые в степень. Он облачается в новые одежды — знак нового звания его и достоинства, как облачаются в соответствующие новому их званию одежды и возводимые в те или другие священные степени. Он постригается, как постригается приемлемый в клир. Да он и приемлется в клир, только в общем, а не специальном значении этого слова. Вся церковь, все стадо составляет по существу клир и удел Божий (о клирос), как и называет ее апостол Петр в своем Послании (1 Пет 5: 3). Таким образом, если мы будем смотреть на Церковь не через тусклое стекло человеческих преданий, нашедших себе место в нескольких системах и нескольких учебниках, а став лицом к лицу с нею, прислушаемся к вещему голосу собственного ее исповедания в совершаемых ею чинопоследованиях и богослужении, мы не применим узнать, что все в ней рукоположены, каждый к своему служению, что она представляет общество рукоположенных и освященных, среди которых обязательно имеются рукоположенные к особому специальному служению в ней, но в котором нет нерукоположенных. Это высказывает и апостол Петр в своем Послании. «Вы род избранный, племя (этнос) святое, народ в претворение (...), чтобы возвещать добродетели призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий, некогда не помилованные, а ныне помилованные» (1 Пет 2: 9,10). Церковь так и смотрела и смотрит на всех принадлежащих ей и входящих в состав Тела ее, как на рукоположенных. После сонма свидетельств, заимствованных из богослужебного ее исповедания, мы можем смело привести подтверждающие слова и из Постановлений апостольских: «Если мирянин, сказавший «рака» или «безумный», не безнаказан, как оскорбивший имя Христово, то что будет, если кто скажет что-либо против епископа, через которого Господь дал вам Духа Святого при рукоположении, через которого узнали вы священные догматы, познали Бога и уверовали во Христа, через которого запечатлены вы елеем радования и миром разума, через которого вы оказались сынами света, через которого во время просвещения (крещения) вашего Господь, свидетельствуя рукоположение епископа, над каждым из вас издал священный глас, говоря: «Сын мой еси ты, Аз днесь родил тя» (Пс 2: 7)? Через епископа твоего, человеце, Бог усыновляет тебя. Знай, сын, десницу, мать твою» (Апостольские Постановления II, 32). Итак, любовь и уважение верного мирянина к своему епископу есть любовь и уважение рукоположенного к рукоположившему, восприявшего Дух Святой к преподававшему Его в сопровождающей рукоположение молитве... Итак, Церковь есть народ, состоящий из рукоположенных и сам в свою очередь рукоположенный и рукополагаемый через рукоположенных же своих предстоятелей. Мы бы и не дерзнули от себя утверждать все это, если бы не гласили о том чинопоследования самой церкви, которым мы только следуем в изложении нашем и выводах. Отбросим же «тусклое стекло», налагаемое на церковь чуждыми ей преданиями человеческими, и будем смотреть на Церковь, стоя лицом к лицу с нею,

прислушиваясь с собственному гласу ее исповедания...Звание мирянина есть уже степень церковного служения и притом святого, священного. «Вы род избранный, царственное священство, народ святой» (1 Пет 2: 9). Понятия о клире и народе суть понятия относительные, а не абсолютные, ибо и народ есть удел Божий, подобно клиру, и клир входит в состав царственного священства и святого народа, и клир и народ призваны к служению Богу, Христу, друг другу и Церкви. Служение общее противопоставляется только частным его видам, служениям специальным: привратника, чтеца, певца, диакона, пресвитера и епископа, которые и составляют клир в отличие от народа. Это относительное различие клира и народа прекрасно выражено еще Апостольскими Постановлениями или, точнее, Ипполитом Римским, из сочинения которого (per ϵ carismJtwn) выписано все вступление в 8-ю книгу Постановлений. «Равно и епископ да не превозносится перед диаконами или пресвитерами, ни пресвитер перед народом, потому что собрание составляется из тех и других, ибо епископы и пресвитеры суть священники в отношении к некоторым, а миряне в отношении к некоторым» (Апостольские Постановления VIII, 1), т.е. в отношении к священству или клиру. Клар и народ суть понятия относительные, а не абсолютные» (с. 225–230). Особое внимание в своем исследовании Аксаков посвящает эволюции самого понятия церковного клира. Отмечая в древности гораздо более широкое содержание этого понятия по сравнению с сегодняшним днем, автор задается следующим вопросом: «Становящиеся клиром выделялись ли из совокупности народа, переставали ли быть составною частью его и составляли ли они нечто вполне отдельное от него?». Тут он и приходит к следующему выводу: «Некоторые миряне получали церковное служение, входили в состав клира, становились клириками, не выходя через то из состава народа. Резкая грань между народом и клиром, строгое отграничение и обособление этого последнего, образование из него самостоятельного целого и самостоятельной корпорации совершилось только в IV столетии, но не столько по почину церкви, сколько по почину государства, хотя и произвело переворот в церковном строе. Сделавшись христианским в лице Константина и его преемников, государство не преминуло, во-первых, взглянуть на всех без исключения служителей церкви как на отчасти, хотя и не непосредственно, подведомственных ему, а затем и распространить на него обширные льготы в виде освобождения от государственных и военных повинностей и податей. Но поступая так, оно не хотело, да и не могло слишком широко жертвовать существенными своими интересами, преимущественно фискальными. Оно не могло допускать совершенно свободного роста и увеличения числа клириков. Для отдельных церквей, говоря современным языком, даны были определенные штаты клириков, которых церковная жизнь не могла уже переступить... Если бы в той или другой церкви ввиду новых потребностей создавалась новая отрасль служения, церковь не могла уже поручить ее мирянину, как новому члену своего служебного персонала, но должна была поручать его одному из клириков, т. е. возлагать новое служение на пресвитера, диакона, чтеца и т. п. Клар оказался, таким образом, замкнутой в себе корпорацией, включающей в себя новые элементы только вследствие вымирания и по мере его... Но что же, кроме вреда, произошло и могло происходить от этого для церкви?... Еще указом Феодосия (398 г.) епископам разрешалось в случае необходимости увеличения числа клириков набирать их из монахов, а никоим образом не из мирян. Что же произошло из этого? Некоторые епископы охотно набирали себе целые штаты монахов, даже целые дружины монахов. Новые клирики, куда бы ни направлялись они, являлись только личными служителями епископа, свитой его, которой иногда распределял он и действительные служения. Диоскор с ратью монахов врывался на соборы, учинял бесчиния... Халкидонский собор воспретил монахам оставление монастырей для служения церкви, но правило это в полной строгости не соблюдалось никогда, как не соблюдается и поныне. Всегда были в составе церковного клира монахи, даже и не ведавшие монастыря, как и монахи отторгшиеся от него или он него отторгнутые. Этим только усиливалось и укреплялось отторжение и отрешение клира от народа и церкви, хотя церковь была вынуждена к этому опасному для нее нововведению, постепенно вошедшему и в обычай... Таким образом, по инициативе государства... клар церкви вполне отделился и

обособился от церковного народа, сделался самостоятельной или особой корпорацией, сословием. Положенное начало обособленности и отрешения продолжало быть действенным и тогда, когда вызвавшие существование его государственные законы о народе уже утратили свою обязательность» (с. 248–251). Отмечая это губительное для церкви разделение, Аксаков вступает за Церковь, как за «народ святой», защищая всеобщее царственное священство всех верных. Он утверждает единственно подлинно каноническое устройство церкви, согласно которому всякое служение, в том числе и самое «высокое», существует и исполняется в ней, но никак не над ней. «Насколько велико значение народа святого и входящих в состав его лаиков или мирян, через крещение получающих это значение, можно видеть из богослужебно-молитвенного участия их в совершении самих же таинств. Они молитвенно призывают, как и священник, наитие Духа Святого на воду крещения; они молят, как и священник, чтобы вода эта стала банею возрождения для крещаемого; они молят о том, чтобы крещаемый явился сыном Света и наследником вечных благ, стал участником смерти и воскресения Христа Бога нашего. Они в евхаристии благодарят вместе со священником и скрепляют тайнодейственные слова его через: аминь — да будет. Они в таинстве покаяния вместе со священником же или епископом молитвенно испрашивают кающемуся отпущение грехов и возвращение его в Церковь. Они призывают благодать Духа на брачующихся и благодать исцеления на болящих в елеосвящении. Они же, наконец, призывают ниспослание благодати Духа Святого на возводимых во все степени церковного служения. Как участвующие во всех священнодействиях церкви, они исполняют и священническое служение, ибо и священник, в свою очередь, совершает только молитвы, общие с церковью и скрепленные ею, а не творит магические заклинания, по данной ему раз и навсегда силе. Оттого-то апостол Петр всех верующих, всех взятых в удел, всю Церковь, а не одних только пресвитеров, о которых говорит он позднее, называет «царственным священством». Оттого-то в основании, как согласно Писанию, справедливо и восклицание Тертуллиана: «Nonne et laici sacerdotes sumus?» («Разве и мы, лаики (миряне), не являемся священниками?» — ред.)... В церкви... священнодействуют или участвуют в священнодействии все сообща. Оттого-то в устах первых церковных писателей церкви слово «иерей» никогда не является синонимом священнослужителя церкви, ибо иерейство принадлежит не им одним: «И соделавшему нас царями Богу и Отцу Своему» (Откр 1: 6). Оттого-то и каноны, за весьма немногочисленными исключениями, никогда не говорят об иереях или священниках церкви, но всегда говорят только о служителях (диаконах), старших (пресвитерах) и наблюдателях (епископах). Но если лаики, или миряне, получившие звание это через включение их при крещении в «род избранный, племя святое, народ обновления», составляют и царственное священство, не выходя из состава клира в общем, широком значении этого слова, то и клирики, какой бы степени ни достигали они, не выходят из состава «народа святого, рода избранного», не перестают быть членами того народа, т.е. лаиками, или мирянами, ибо в этом звании дана им основная, высшая благодать, участниками коей продолжают они быть и в высшем церковном своем служении. Поэтому если верно, как основанное на Писании, восклицание Тертуллиана: «Nonne et laici sacerdotes sumus?» («Разве и мы, лаики (миряне), не являемся священниками?» — ред.), то также верно, как сообразное с тем же Писанием, было бы и восклицание «nonne et sacerdotes laici sumus?» («разве и мы, священники, не являемся лаиками (мирянами)?» — ред.): священники не над Народом, но в Народе, не над Церковью, но в Церкви. «И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами» и т.д. (1 Кор 12: 28). Скажем более: они в стаде, а не над стадом. И это говорим не мы, а сами апостолы. «Внимайте себе и всему стаду, в котором (а не над которым) Дух Святой поставил вас блюстителями (episkopous) пасти Церковь Господа и Бога, которую приобрел Он Себе Кровию Своею» (Деян 20: 28)» (с. 234–237). Мы видим, что именно царственное священство всего народа Божия оказывается у Аксакова основой всякого служения в Церкви, в том числе и епископского, благодать которого, как и всякого другого, предстает только спецификацией, приспособлением крещальной благодати к определенным нуждам Церкви. Таким образом, не епископ, но крещеный мирянин (лаик) оказывается у

Аксакова своеобразным основанием Церкви: «Таинство крещения, купно с таинством миропомазания, запечатлевающим полученную при крещении благодать, составляет основу, по крайней мере, большинства других таинств... Таинство покаяния возвращает благодать при крещении, полученную и через грехи нарушенную или помраченную, повторяет отпущение грехов, крещением данное, восстанавливает кающегося в Церкви, членом которой стал он через крещение и от которой отлучил себя грехами. Таинства брака и священства приспособляют и укрепляют того, кто уже получил благодать Духа Святого при крещении, т.е. члена Церкви, верного, мирянина или лаика (т.е. принадлежащего к народу) к новой для него христианской жизнедеятельности, или новому для него служению. Само собою разумеется, что приспособление и укрепление совершается силою той же самой благодати Духа Святого, которая излилась на верующего при крещении, запечатлена в нем миропомазанием и возвела его в достоинство члена Церкви, лаика, как члена Народа святого, или мирянина, по общеупотребительному, хотя и неверному, наименованию. Было бы, однако, непростительной ошибкой предполагать, что мера благодати, ниспосылаемой верующему, находится в зависимости от того, совершено ли над ним после крещения то или другое дополнительное или дополняющее таинство. «Не мерою дает Бог Духа» (Ин 3: 34). «И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать» (Ин 1: 16). «Все мы одним Духом крестились в одно тело... и все напоены одним Духом» (1 Кор 12: 13). Слова апостола Павла: «Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христа» (Еф 4: 7) никоим образом нельзя понимать в смысле различия меры преподаваемых даров, в зависимости от воли или усмотрения Христа, ибо в этом случае они прежде всего прямо противоречили бы словам Христа...Итак, в чем состоит дар Христов? Ответ дают следующие слова Послания к римлянам: «Но дар благодати не как преступление (Адама), ибо если преступлением одного подверглись смерти многие, то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествует для многих. И дар не как за одного согрешившего (каѐ обѣтѣ д' ѣној ѣмарт»santoј tX dTrhma), ибо суд за одно преступление, к осуждению, а дар (сJrisma) в оправдание от многих преступлений, ибо если преступлением одного смерть царствовала через одного, то тем более принимающие избыток благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа. Посему как преступлением одного всем человекам осуждение, так и правдою одного всем человекам оправдание к жизни» (Рим 5: 15-18). Итак, дар Христов — оправдание, искупление, избавление от греха, освобождение от смерти. В меру этого-то дара Христова дается благодать каждому; а так как дар этот не относительный, а абсолютный, неограниченный и безграничный, то и благодать, даваемая в меру этого дара, является не ограниченной, а избыточествующей, как говорит и апостол. Благодать же эта дается крещением. Крещение, купно с сопровождающим его рукоположением и миропомазанием, творит члена Церкви, лаика, мирянина. Оно переносит на каждого крещаемого и через это становящегося членом Церкви тот благодатный дар, который, по отношению ко всему человечеству или, точнее, ко всем званым и призванным, подал Христос смертию Своею и воскресением... Если следующими за крещением таинствами и восполняется благодать, полученная при крещении, — а она бесспорно восполняется, ибо никто в действительности не обладает тем, что получает потенциально при вступлении в Церковь и в новую жизнь, — то это восполнение в значительной степени уступает величию и объему первоначально преподанного: освобождению от греха, возрождению, усыновлению, облечению во Христа, ниспосланию Духа Святого» (с. 231-234). Продолжая в своих взглядах на Церковь, ее устройство и авторитет традицию российских православных богословов-мирян, прежде всего А.С. Хомякова, Аксаков аргументирует свою позицию, опираясь на серьезную историко-каноническую базу, закладывая новые основы церковно-богословской науки, свободной от плена «школьного богословия». «Церковная наука может только воспроизводить церковное предание, почерпая его из всех памятников самоисповедания Церкви — учительных, богослужебных и канонических. Она может разыскивать эти памятники, проверять их останками древнейшего предания, сличать их между собою, определять сравнительное достоинство их и значение,

выводить из них те или иные заключения и т.д. Поэтому она и не может идти вразрез с действительным Преданием Церкви, будучи по содержанию тождественна с ним... Только отступая от Предания Церкви, открывает она простор для школьных традиций и для предания человеческого, не имеющих для нее никакого значения, как и для Церкви. Только открывая простор преданию человеческому и традициям школы, церковная наука утрачивает присущую ей свободу, становится рабским, а не свободным трудом. Оттого-то вся аргументация предсоборных канонистов, будучи не научною, представляется чрез это и нецерковною» (с. 280, 284). Но подлинная научность не только сама освобождается, следуя подлинному Преданию Церкви, в определенной степени она помогает самой церкви освободиться от рабства у преданий человеческого, какой бы древностью они ни были «освящены». «Древность сама по себе обязательного значения еще не имеет. И злоупотребление может быть безусловно древним, может проходить через века и упорно поддерживаться в них, но все же остается только длящимся злоупотреблением, а не составным элементом Предания. Мы приняли христианство от греков; но мы приняли христианство — совокупность церковных начал, божественное Предание, а не приняли предания человеческого. Приняв в X веке христианство от греков, мы приняли не христианство десятого только века и не могущее оказаться в последующих веках наслоение, а все богатство, накопленное девятью веками церковной жизни, — приняли каноны, приняли соборы, приняли отражающий Предание свод богослужения, приняли сонм святых отцов, то же Предание выражающий и проповедующий, т.е. приняли всю совокупность оружия, которым обороняется, проверяется и утверждается Истина. Приняв христианство от греков, мы через них приобщились к первоисточникам Предания, но не наложили на себя обязательства рабски следовать всему, что на церковной почве у них возникнет, в чем отступят они от стародавних начал и что они себе создадут в области своей церкви. «Церковь — не Африка, и жатва — конец времен, а не время Доната», — говорил бл. Августин. Подобно тому и мы не только можем, но и должны сказать, что Церковь — не Византия, а жатва не XII, XIII или XIV века. Этим мы посылаем отнюдь не упрек Византии, высказываем отнюдь не осуждение ей, а исповедуем только святость Предания, восходящего к апостольским временам и отнюдь не выражаемого временным состоянием той или другой местной церкви в том или другом из веков» (с. 53-54). Однако разделив и даже противопоставив в своем труде Предание Церкви и предания школы, Н.П. Аксаков ставит вопрос и о подлинной церковной Школе — такой, Предание которой было бы подлинным введением в Предание Церкви, а не подменой и сокрытием его. И здесь мы снова видим, как взгляды Аксакова-историка и Аксакова-богослова приходят к единству. Основу подлинной церковной Школы он находит там же, где и основу всякой благодати и всякого служения в Церкви, — в Крещении. Именно в отсутствии в церкви подлинного крещального научения всех верных, т.е., строго говоря, оглашения, видит Аксаков источник всех церковных нестроений и искажений подлинного церковного Предания, подмены его «преданиями школы». «К стыду нашему надо сказать, что из современных нам христиан (говорим о православных, ибо к чему судить внешних, которых судит Бог) громадное большинство даже не знает с полной определенностью, от чего, собственно, на всю жизнь отрекались они при крещении, что подвергали они оплеванию, какие обязательства они на себя принимали, и опять на всю жизнь, а не на время, предшествующее погружению в купель и принятию «печатей дара Духа Святого». Да и о даре Духа Святого помышляют они столь же мало, как и получившие крещение Иоанново, которых встретил на пути своем апостол Павел и которые даже не слышали, есть ли Дух Святой (Деян 19: 2-4). Чин крещения во всех своих подробностях не стоит всегда перед внутренними глазами крещенных в течение всей их жизни, ибо они не вникают в него, да в большинстве случаев и не знают. Он не преподается в школе, не стоит в учебниках, не разъясняется с надлежащей полнотой, не составляет предмета церковного поучения. Между тем, он должен был бы изучаться каждым крещеным христианином по крайней мере так же, как изучается — точнее, как должен бы был изучаться, — чин евхаристии. Должны же мы знать, от чего отреклись мы, хотя бы устами своих восприемников, на что простирали мы руки, как бы стремясь навек от

него оградиться, что подвергали мы оплеванию, к чему становились мы спиною, чтобы уже не возвращаться к нему, навек его покидая. Должны же мы знать, какие принимали мы на себя обязанности, становясь, хотя бы через своих восприемников, лицом к востоку, к встречающему нас новому миру, в который намеревались вступить. Должны же мы, наконец, знать, какую полную, утроенною мерою благодати Духа Святого (Лк 6: 38, ср. Ин 3: 34) одаряет нас Бог при крещении, какую «благодать на благодать» принимаем мы от него. Сами крещающие и помазующие не дают себе вполне ясного и определенного отчета о том, какую полноту благодати и даров Духа Святого молитвенно низводят они на крещаемого и помазуемого, позабывая свидетельство Петра, что Дух низошел на Корнилия сотника и на весь дом его так же, как и на них в начале, т.е. в день Пятидесятницы, и дан был им «такой же дар, как и нам» (Деян 11: 15-17; 10: 47), и не без некоторого высокомерия и сознания превосходства взирают на крещеных и помазанных ими, если они остаются в звании и чине мирян, т.е. членов церковного народа (laikoi). Отсюда все нестроения церковные, отсюда «высокомерие начальствующих», которого не должно было бы быть в церкви, и «отторженность друг от друга тех, кому надлежало бы быть членами друг другу», вызывавшие многократный плач самого Златоуста, как и засвидетельствовал он сам перед нами» (с. 187-188). И если многие мысли труда Н.П. Аксакова — о канонах и каноническом сознании, о богослужении как подлинном хранилище и сокровищнице Предания Церкви, о «школьном богословии», о церковно-богословской науке — получили достойное развитие в трудах ведущих русских богословов нашего века — о. Николая Афанасьева, о. Александра Шмемана, о. Иоанна Мейендорфа и многих других, то сам вопрос о церковной Школе, который, конечно, тоже поднимался, по-прежнему еще ждет своего осмысления и решения. Этому, мы надеемся, и послужит предстоящая конференция «Предание Школы и Предание Церкви».

1 Н. Аксаков. Предание Церкви и предания школы, Сергиев Посад, 1909 г. 2 Из известной формулы Викентия Леринского: «Во Вселенской церкви нужно держаться того, во что верили повсюду, во что верили всегда, во что верили все» — Quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est.

Архимандрит Виктор (Мамонтов): Сердце пустыни. Жизнеописание архимандрита Серафима (Тяпочкина) (окончание)

Аскетический опыт

(Из цикла «Три старца». Первые две части были опубликованы ранее: «Отец пустыни (Жизнеописание старца Тавриона (Батозского))» - «Православная община» № 26, с. 83-91, «Пустынный житель (Жизнеописание старца Космы (Смирнова))» - «Православная община» № 33, с. 92-123).

«Смотрите, какую любовь дал нам Отец»(1Ин 3:1)«Иди сюда, мое чадо, и я отведу тебя к Богу»(преп. Симеон Новый Богослов. Гимн 18:137)

В Никольском храме села Ракитного, переполненном молящимися, после чтения Евангелия в тишине, подобной безмолвию пустыни, старенький согбенный священник говорил проповедь. Вид его был неземной, он излучал любовь и свет, глубокий внутренний покой. Он говорил о любви Христа, ставшей его любовью, его жизнью.

«Божественный Учитель - Господь Иисус Христос - пришел на землю как воплощенная любовь.

Эта любовь сияла в Его очах, отражалась на Его божественном лице, она исходила при всяком Его дыхании.

И как бесконечно были счастливы те люди, которые были современниками земной жизни Христа, которые окружали Его и непосредственно из Его пречистых уст слышали слово Его, которое было согрето бесконечной любовью. Они несли к Нему свои скорби, болезни, печали. Они становились перед Ним на колени, обнимали Его пречистые ноги, целовали края одежды. Путь, по которому проходил Христос, дом, в котором Он останавливался, всегда наполнялись тысячами жаждущих слышать Его слово. Его окружали каявшиеся грешники, у ног Его плакали грешницы, Его радушно принимали мытари, к Нему обращались за помощью даже язычники. К Нему шли »все труждающиеся и обремененные « (Мф 11:28).

Так было во все дни земной жизни Христа.»

Так было во все дни земной жизни и верного ученика Его, архимандрита Серафима, сказавшего это простое и праведное слово. Он и Христос были друг на друга похожи.

Старец архимандрит Серафим (Димитрий Александрович Тяпочкин (1894-1982)) жил и служил в стране, верующий народ которой подвергался в течение семидесяти лет неслыханным гонениям. Он - из поколения мучеников и исповедников российских XX века, тех, кто решительно противостоял гонителям, твердо зная, что с Богом всегда побеждают.

Живя в стране несвободы, он был самым свободным человеком, ибо познав и полюбив Истину, неизменно служил Ей. Ничто могло его лишить Ее: со Христом человек везде и всегда свободен.

Он был источником живой воды в духовной пустыне мира, сердцем ее.

Народ видел в нем человека Любви, и он действительно был способен дать Ее людям. Люди радовались и благодарили Бога за то, что Он послал им Своего святого, тихо и кротко являвшего миру Его любовь. Это явление Любви Христовой было необычайно нужным и для Церкви, и для назидания душ, утративших ее.

Старец Серафим был не только приходским священником, а пастырем для всех. К нему шли архиереи, священники, монахи, люди самых разных возрастов и званий.

В небольшом и незаметном селе Ракитном Белгородской области, бывшем имении князей Юсуповых, духовно разоренном, загорелся огонь веры и любви, истинной церковной жизни, оно превратилось в духовный оазис всей страны.

«Мы посещали Ракитное, - вспоминает одна из духовных дочерей батюшки Раиса Рогозянова, - как самое дорогое и необходимое место на земле». «Моя жизнь началась только тут», - свидетельствуют многие из ныне живущих его духовных чад.

Как пчелу издалека привлекает запах цветка, так и истинно верующие люди почувствовали в отце Серафиме своего пастыря.

Им недоставало такого наставника в духовной жизни - любвеобильного, доступного, простого и опытного, и они с великой радостью и жаждой устремлялись в Ракитное.

«Как низко ни пал человек, - писал протоиерей Сергей Булгаков, - но в сердце своем он ничего не хочет, кроме святости, ничего не любит, кроме святости, ничего не чтит, кроме святости».

Творить святых, духовно преображать тех, кого мы любим, а о.Серафим любил всех, – вот в чем заключалось его служение. Он понимал, что «нет ничего нужнее и важнее для человека, нежели святость» (о.Сергий Булгаков). Старец, по слову апостола, «вразумлял всякого человека, научал всякой премудрости, чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе» (Кол 1:28).

Господь доверил ему это служение и дал благодать исполнить его.

«СВЯЩЕНСТВО БЫЛО МЕЧТОЙ МОЕЙ ЮНОСТИ»

В этот мир, где так мало любви, отец Серафим явился из мира любви, каковым была благочестивая семья, где он родился. В конце прошлого века на одном из балов в Варшаве встретились и навсегда полюбили друг друга – двадцатичетырехлетний Александр Иванович Тяпочкин, сын командира полка, расквартированного в Варшаве, и шестнадцатилетняя Элеонора Леонардовна Маковская, дочь премьер-министра польского правительства.

Элеонора (Александра), приняв православную веру, обвенчалась, за что была исторгнута из своей среды. Господь благословил благочестивых супругов двумя сыновьями и тремя дочерьми. Димитрий был третьим ребенком. Он родился 1/14 августа 1894 года. »Место моего рожденья , – писал о.Серафим в анкете 1962 года, – г. Новый Двор, бывшей Варшавской губернии. Отец мой происходил из бывшей Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровской области). Он был почтово-телеграфный служащий (начальник конторы). Как служащий он был перемещаем в разные места. В год моего рождения – 1894-й – он служил в бывшей Варшавской губернии в городе Новый Двор". Во святом крещении младенца нарекли Димитрием в честь великомученика Димитрия Солунского.

С детства Димитрий полюбил храм и часто убегал с занятий на богослужения. «На деньги, данные для обеда в школе, – вспоминает его сестра Надежда Александровна, – он покупал свечи в храме».

В год прославления преподобного Серафима Саровского девятилетний Димитрий почувствовал призвание к священству, а преподобного Серафима, житие которого он прочел в пятилетнем возрасте, полюбил навсегда и стал молиться ему, постоянно чувствуя благодатную связь с ним.

«Когда настало время моего учения, – вспоминал о.Серафим, – отец взял меня с собой на богослужение, в котором участвовали ученики духовного училища. Это богослужение глубоко запало в мою детскую душу: я просил отца определить меня на учение в духовное училище. Желание мое было исполнено.

По окончании духовного училища (1911г.) я перешел в духовную семинарию (г.Холм). Здесь окончательно я укрепился в своем стремлении к пастырству. Моя духовная настроенность, очевидно, не укрывалась от взоров окружающих. Меня приблизил к себе преподаватель семинарии – иеромонах Даниил (впоследствии епископ, родной брат инспектора Московской духовной академии, тогда архимандрита, Илариона (Троицкого) – будущего исповедника веры); меня принял под духовный отеческий кров незабвенный отец – ректор семинарии архимандрит Серафим (Остроумов), впоследствии епископ Белы Холмской, затем Орловский и архиепископ Смоленский, погибший в 1937 году.

По окончании семинарии я направлен был в Московскую духовную академию.

Господь судил недолго быть мне в академии. В 1917 году я поступил, и в том же году академия была закрыта.

Недолгое время моего пребывания в академии в стенах Свято-Троицкой Сергиевой Лавры осталось для меня неизгладимым на всю жизнь».

Димитрий хорошо знал древнееврейский язык и, учась в академии, подрабатывал репетиторством, получая в те голодные годы за урок только ужин. С большой теплотой о.Серафим вспоминал преподавателей академии, среди которых был отец Павел Флоренский. Его фотография висела рядом с фотографией епископа Игнатия Брянчанинова в келье старца.

Не имея возможности продолжать учебу в духовной академии, Димитрий в селе Михайловке Екатеринославской области преподавал географию в школе. В 1920 году он обвенчался с Антониной Викторовной, учительницей математики. 18 октября этого же года, в день памяти св. апостола и евангелиста Луки, в Днепропетровском Свято-Тихоновском женском монастыре викарием Днепропетровской епархии епископом Евлампием (Краснокутским, • 1922) Димитрий был рукоположен во пресвитера. О.Димитрий вступил на свое пастырское служение, о котором мечтал с юности, зная, что всякий, твердо пошедший за Христом, встретит на своем пути многие скорби и испытания.

ВСЕГДА ПАСТЫРЬ

Пастырское служение о.Димитрий проходил в Днепропетровской епархии в смутное время, в обстановке гонений на церковь и расколов.

Оно осложняется и многими скорбями в его семейной жизни: в младенческом возрасте умирают один за другим от голода два его сына.

С 1921 года по 1936 год о.Димитрий стал благочинным церковью Солоньянского района Днепропетровской области. Гонители церкви сразу же обратили внимание на образованного, ревностного и любимого народом отца благочинного Димитрия и стремились избавиться от него.

В 1922 году на Крещение Господне, когда о.Димитрий отслужил литургию в своем храме, его попросили совершить освящение воды в соседнем приходе из-за болезни тамошнего настоятеля. Он сел в бричку и поехал к храму. Не доезжая моста, лошади вдруг понесли. О.Димитрий лег на дно повозки, чтобы не выпасть из нее. Вдруг он услышал крики «Стойте!» и выстрелы. Стреляли в его сторону. Но лошади мчались так быстро, что остановить их было невозможно. Только у храма они замедлили бег и остановились.

Впоследствии выяснилось, что священник этого храма был за сутки до праздника Богоявления арестован ГПУ. Подосланные хотели убить благочинного - о.Димитрия.

То были годы ожесточенной борьбы советской власти с церковью: осквернялись святыни, разрушались храмы и обители. То было время обновленческого раскола.

«От обновленцев, - говорит архимандрит Зинов, известный иконописец, - он потерпел много. (Это слово требует уточнения, потому что сейчас у нас обновленцами называют чуть ли не половину православных священнослужителей, забывая, что грех обновленчества не в том, что они пошли на сотрудничество с безбожной властью, считая, что советская власть воплощает идеалы Евангелия в жизнь лучше, чем патриаршая церковь, а в том, что они устроили раскол)».

В одном из храмов, захваченном «живоцерковниками», которые подчинили себе местного священника, о.Димитрий выступил с проповедью, в которой защищал Православную церковь и патриарха Тихона.

Впоследствии, когда о.Серафиму нужно было в каких-нибудь анкетах, церковных и светских, отвечать на вопрос: «Состоял ли в обновленческом расколе?», – он всегда отвечал: «Никогда».

Когда закрыли храм в с.Михайловке, где служил о.Димитрий, он, верный своему пастырскому долгу, тайно совершал литургию дома, тайно крестил, исповедовал, венчал, причащал больных, отпевал.

Дочь Нина Дмитриевна вспоминала, как приходили к нему по ночам люди из разных мест, и он уходил с ними в дальние селения, пробираясь оврагами, чтобы исполнить требы. Иногда его не было три-четыре дня, и дети сидели в холоде, голодные, боясь выйти из дома.

В этих условиях нужно было учиться совершать Божие дело тайно, и оно совершалось подпольной церковью.

О. Димитрий не отошел от церковного служения, как это сделали шесть пастырей его благочиния, уйдя на светскую работу. Он оставался духовным отцом многих своих чад. Хотя не раз ему говорили, что это опасно, он отвечал: «Мне это благочиние вручил Господь через епископа, всегда служить – мой пастырский долг, а трудно сейчас всем».

О. Димитрия арестовывали много раз, но, допросив и предупредив, отпускали. Он был взят на учет органами ГПУ за то, что... пользовался большим авторитетом среди духовенства и верующих.

Чтобы прокормить семью и помогать ближним, он в 1939 году устроился через знакомых ночным сторожем на железнодорожном топливном складе в Днепродзержинске. Ночью в сторожке о.Димитрий вместе с верными прихожанами совершал тайные богослужения. Власти выследили и забрали его в ГПУ прямо с работы.

В 1941 году о.Димитрий был судим по статье 54 Украинского Уголовного Кодекса. Оставив трех дочерей двадцати, восемнадцати и пятнадцати лет одних (в 1933 году о.Димитрий овдовел) в пустой чужой квартире, он уезжает в лагерь без права переписки. За ним по этапу в Сибирь последовали три его прихожанки из с. Михайловка, две из них там и умерли. Долго никто из родных не знал о нем ничего.

В эти дни лишения и лютой скорби о.Димитрий сказал себе: «Несчастный страдающий брат! Это зовет тебя Христос. Иди к Нему. Он утешит тебя, Он даст тебе покой души».

И он пошел к Нему, как Петр по воде, но не сомневаясь.

«Он взял в руки святое Евангелие и понес его в мир, не страшась сильных мира сего, мужественно преодолевая все преграды на пути сем, пренебрегая своим земным благополучием и самой жизнью.

Таким скорбным, узким, тернистым путем апостол Павел искал на земле Царства Божия. И еще будучи во плоти, поистине нашел его». Так однажды, говоря в проповеди об апостоле Павле, о.Димитрий – сказал о себе. Господь отрывает Своего избранника от родины, близких, чтобы он почувствовал себя жителем Его мира. Чтобы он познал себя сыном Божиим, отдав всего себя Богу. Только в такой полной самоотдаче его объяла Любовь Христа.

Пастырское служение о.Димитрия продолжалось и в лагере, заботы его о всех оставленных чадах не прекратились, ибо он всех их носил в своем сердце.

Здесь он часто исповедовал, отпевал умерших заключенных, крестил и один раз даже венчал.

Пел хор из сокамерников, которых подготовил сам батюшка. Епитрахилью служили два сшитых полотенца с вышитыми на них крестами. Служба совершалась втайне от лагерного начальства, в тайге, там же велись духовные беседы. За это полагался карцер.

Святого узника о.Димитрия заключенные любили, он находился под особой охраной уголовников, когда лагерное начальство начинало притеснять его.

Когда истек срок десятилетнего заключения, начальник лагеря спросил о.Димитрия:

- Что ты намерен делать на свободе?

- Я священник, служить намерен.

- Ну, если служить... тогда еще посиди.

И еще дали пять лет.

Предлагалось тихо уйти от Христа. Скажи он тогда: «Где-нибудь устроюсь. Найду какую-нибудь работу»... Но о.Димитрий повел себя как мужественный исповедник, готовый умереть за Христа. Он не искал страдания, а согласился на него. Он горел желанием возвратиться в родные места, к детям, к любимой пастве, но он оставил все, чтобы следовать за Христом, Которого любил больше всего на свете.

Алеша Карамазов говорил: «Не могу я отдать вместо »всего" два рубля, а вместо «иди за Мной» ходить лишь к обедне».

В автобиографии 1962 года о.Серафим написал: «Стаж церковной службы – сорок второй год», смело подчеркнув тем самым, что и в лагерях он был не просто заключенным, а священником, т.е. служил.

«ЛЮБИТЬ - ЗНАЧИТ СТРАДАТЬ»

Внешняя свобода исчезла для о.Димитрия, зато возросла внутренняя, которая есть тяжелое бремя и причиняет боль. Многие легко отказываются от нее, чтобы не страдать.

Но по слову Симеона Нового Богослова »Любить – значит страдать". Любить любовью Христа – это пить Его чашу, ту чашу, которую Сам он просил Отца «мимо пронести».

О. Димитрий смертельно скорбит. Его мог утешить только Господь. Поэтому душа его вспоминает в эти тяжелые дни Гефсиманский подвиг Иисуса Христа. Только самым близким душам он мог поведать в письме из уз тайну своего страдания:

«Совершишася и паки Голгофа и паки Крест».

Дорогая дочь моя, незабвенная Мавро!

«Душа моя скорбит смертельно». Вспоминая Гефсиманский подвиг Христа Спасителя, нахожу утешение и своей скорбящей душе. Скорблю, скорблю тяжело; скорблю о себе, скорблю о детях, сродниках своих, скорблю о пастве своей, скорблю о чадах своих духовных, скорблю о любящих, помнящих обо мне и ожидающих моего возвращения ныне. Но совершилось то, о чем я горячо и усердно молил Господа, «да мимоидет от меня чаша сия».

Вот мое скорбное повествование. В феврале месяце я выбыл из Канска в Балхаш, Казахстан. Писать оттуда тебе, дочь моя верная, я не имел возможности. В Великий Четверток

окончился мой страдальческий подвиг и только лишь 2 VI/20 V я выехал оттуда...

«Обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты».

Я горел желанием возвращения на родные места, желанием видеть родных, дорогих и близких, но увы, получил назначение на жительство в Красноярский край. После долгого и утомительного железнодорожного и водного пути достиг я тихого пристанища у далеких берегов реки Енисея, где и пребываю ныне. Здесь рыбный промысел и небольшое хозяйство. Здесь я должен трудиться и от трудов своих себя питать и одевать. Старость моя не приспособлена к таковой жизни (я не от мира сего ведь) и это крайне смущает меня. Притом в настоящее время я без средств. Приближается зима, суровая и продолжительная. «Да будет воля Твоя».

Верю, что Господь везде и всегда со мною – служителем Его, верю, что Он не оставит меня, уповаю, что в любви своей, которая «николиже отпадает», и вы не забудете меня – пастыря своего, полагающего за овцы душу свою. Однако боюсь быть в тягость вам, дети мои дорогие. Простите и не осудите. Чадо мое возлюбленное, Мавро! Как апостол Павел имел в скорби своей ученика – апостола Тимофея, так и я – тебя.

Посети моих благодетелей, деток моих духовных, направь стопы свои к возлюбленной о Господе Екатерине Никаноровне – Днепродзержинск, ул. Производственная №3. Прочитайте вместе послание сие, пролейте слезные молитвы обо мне и решите вопрос утolenия скорби моей.

Господь милосердный и Его Пречистая Матерь со святыми да хранят нас!

Усерднейше прошу у всех молитв и прощенья!

Дорогих моих Стефана Васильевича и Анастасию Иоанновну с семейством, Ольгу, не забывающую обо мне, тебя, Мавро – верная сподвижница кельи моей, Екатерину возлюбленную во Христе и всех благословляю.

Всегда ваш, всегдашний молитвенник ваш, ваш скорбящий пастырь

Отец Димитрий.

Мой адрес: Красноярский край, город Игарка, Игарский район, станок Денежк".

В 1955 году, благодаря ходатайству мужа дочери Антонины, после пересмотра дела о.Димитрий был освобожден, и по амнистии судимость была снята.

В Днепропетровск он возвратился очень больным человеком: поражены все внутренние органы, у него постоянный удушающий кашель и насморк. Однако после освобождения – преследования и гонения продолжают. О.Димитрию власти отказывают в самом дорогом для него – в пастырском служении.

Дочери просили: «Папочка, отдохни, подлечись. Мы так устали от репрессий, прошедшей войны, только тебя нашли, а ты опять от нас уходишь». О.Димитрий ответил им: «Я всегда был с вами и буду с вами, мои родные сиротки, всегда».

Только в 1960 году его назначают настоятелем Днепропетровского кафедрального собора. Но его служение здесь было недолгим. Власти видели в нем не сломленного тюрьмой и ссылкой пастыря, а ревностного проповедника Истины, горячо любимого паствой, потому опасного для

них.

В соборе служило несколько священников. Встретив собрата, мученика, страдальца, они глядели на него, как на какое-то странное существо.

Среди них о.Димитрий выглядел белой вороной: худой, бледный, больной, плохо одет, хотя и аккуратно, все на нем латаное-перелатаное. Никаких великолепных ряс: «Священницы твои, Господи, да облекутся правдою».

Он жил в домике при соборе, занимая одну комнату. Кровать, стол и табуретка – вся мебель. На стенах несколько бумажных икон. Ведро с водой в прихожей – вот и все удобства. Люди раздобыли кое-что из одежды, принесли, батюшка примерил, поблагодарил со слезами, но потом они никогда подаренного на нем не видели. Все лучшее, что у него было, он раздавал нуждающимся.

Среди братьев-пастырей о.Димитрия были те, кто доносил властям на священников и на свою паству, считая, что делают это для блага церкви.

О. Димитрий понимал, что власти, стремясь уничтожить церковь, начали руководить ею. Они старались расправиться и с о.Димитрием: уполномоченный забрал «регистрацию» и приказал в два дня покинуть город, запретив служить в Днепропетровской епархии.

Изгнанник некоторое время жил и молился у прихожан. Однако его выследили и выселили из города. Тогда он поехал к патриарху просить места. С большой скорбью он снова покинул родные места, где начинал свое пастырское служение. Целый месяц ждал приема патриарха, ночуя на вокзале.

Но Господь не оставил своего верного служителя. Скорбь его обратилась в радость: в канцелярии патриарха он встретил епископа Леонида (Полякова, 1913-1990), правящего Курской и Белгородской епархией. Разговорились. Документов у о.Димитрия на руках никаких не было, но владыка Леонид их и не требовал. Он сразу же взял о.Димитрия в свою епархию. Владыка принял в сердце гонимого праведника и был рад, что Господь послал ему такого пастыря.

Сам владыка Леонид много претерпел за правду.

В 1965 году он присоединился к семи епископам во главе с архиепископом Ермогеном (Голубевым), не согласившимися с решениями Архиерейского собора 1961 года и обратившимися к патриарху с просьбой о пересмотре их. После этого его переводили из одной епархии в другую: сначала отправили в Ярославскую, где он познакомился с о.Таврионом, будущим духовником Рижской пустыньки, затем – в Пермскую, Курскую и, наконец, сослали в Рижскую епархию, где и закончилась его земная жизнь.

Владыка безбоязненно принимал к себе оклеветанных, отверженных из-за их происхождения и прошлой жизни священнослужителей и постоянно поддерживал их, всегда был доступен народу. Вспоминаю, как в дни будничных служб владыка входил в нижний храм Рижского кафедрального собора в скромном подряснике, вставал вместе с бабушками посреди храма и начинал петь с ними всю Евхаристию, иногда сам и свечу выносил. Он был немногословен, не требовал к себе внимания, не любил быть на виду, его жизнь «сокрыта со Христом в Боге» (Кол 3: 3).

В церковном обществе с его духовной узостью, боязнью всего творческого, живого владыка был одинок. «Это было одиночество Христа, – вспоминает о нем иеромонах Серафим, – любящего

полноценной непритворной любовью и не находящего себе ответной искренней любви среди христиан.

Иногда владыку выдавали слезы, когда он читал святое Евангелие или говорил проповеди, особенно во время рукоположения новых пастырей для церкви. Казалось, он хотел омыть все предыдущие и последующие грехи малоподготовленных ставленников, чтобы ожило их сердце, согретое сострадающей любовью Господа, греющего и питающего Свою Церковь. Чтобы еще один делатель вышел на обильную жатву, собирая потерянные души. »Верующие бегают из храма в храм, – говорил владыка в одной из проповедей, – в поисках истинного пастыря, а священникам нечего им дать: они потеряли благоговение перед Престолом, перед жертвенником Любви Божией. Терния подавили пшеницу в их сердце, и они сами топчут робкие всходы веры в душах своих прихожан".

В трудные для церкви годы владыка Леонид сумел сохранить живое предание Церкви в тайнике своего сердца".

Владыка Леонид временно назначил о.Димитрия настоятелем Успенского храма в село Соколовка Шебекинского района Белгородской области. Потом, когда были восстановлены документы, о.Димитрий был переведен в село Ракитное той же области настоятелем Свято-Никольского храма. Гонимый принял гонимого.

Так началось в нашей Церкви духовное сотрудничество двух ее верных сынов – владыки-старца Леонида и старца Димитрия.

У них было все общее: и дух, и мысли, и дела. Их служение было сокровенным, требовало обдуманых общих усилий, соблюдения предельной осторожности. Из-за постоянной слежки многие их встречи были тайными.

«ИНОЧЕСТВО СТАЛО ЗАВЕТНОЙ МЕЧТОЙ МОЕЙ ЗРЕЛОСТИ»

Все долгие годы своего пастырского служения о.Димитрий вынашивал сокровенную мечту о монашестве. Он молился: «Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной» (св. Исаак Сирий). Действительно, монахом его называли задолго до пострига, уже в духовной семинарии, видя его склонность к аскетизму, постоянное чтение Евангелия. Позже в годы пастырского служения люди тоже видели в нем монаха.

Накануне священной памяти святого апостола и евангелиста Луки – 18/31 октября, когда исполнялось сорокалетие священнического служения о.Димитрия, он обратился к владыке Леониду с просьбой о своем монашеском постриге.

«В 1933 году я овдовел, – писал он, – остался с тремя дочерьми. В постигшем меня вдовстве уразумел Промысел Божий. Иночество стало моей заветной мечтой, как в годы юности – пастырство. Новые жизненные испытания все более укрепляли меня в осуществлении желаний иночества. И ныне не только желаю, но жажду хотя бы во единодесятый час выйти на делание в иноческом винограднике Церкви Христовой и подражать подвигам тех, кто имеет милость Божию трудиться в винограднике от первого часа (Мф 20: 1-16). Вместе со святым псалмопевцем Давидом взываю: »Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое" (Пс 56: 8).

Припадая к святительским стопам Вашего Преосвященства, смиреннейше прошу удостоить меня пострижения в монашество с оставлением на занимаемом приходе.

Если не будет нарушением с моей стороны послушания, то дерзаю просить при постриге дать мне святое имя преподобного Серафима Саровского, которого с детства своего почитаю

покровителем своим. В назначении меня Его Святейшеством, Святейшим Патриархом Алексием в Курскую епархию как родину земную преподобного Серафима Саровского тоже вижу Промысел Божий." В 1960 году, 31 октября, епископ Курский и Белгородский Леонид, впоследствии митрополит Рижский и Латвийский, совершил постриг протоиерея Димитрия в монашество с именем Серафим, столь хорошо выразившим пламенную любовь постриженника к Господу и стремление ревностно служить Ему и людям.

Вскоре владыка перевел о.Серафима на новый приход – Свято-Никольский в селе Ракитное Белгородской области. Это место стало последним земным пристанищем батюшки. До конца своей жизни он служил настоятелем в этом храме.

ПРИЕЗД О.СЕРАФИМА В РАКИТНОЕ

- Я вам такого батюшку дам, какого у вас никогда не было, – сказал епископ Курский и Белгородский Леонид Екатерине Лучиной, хлопотавшей о священнике для своего прихода в Ракитном. «Сижу с членами церковного совета в приемной канцелярии владыки, – рассказывала она мне в 1979 году. – Среди ожидающих вижу старенького священника. Он смотрел на нас. Говорю себе: »Это наш батюшка". Через некоторое время вызывают: «Ракитное». Батюшка встает. Он показался мне как в поле: худенький, бедненький. Вошли вместе. Потом батюшку посадили в машину и увезли к уполномоченному на прием. Увиделись снова на вокзале. Он сидел возле стены, сложив руки.

В поезде раakitянский церковный совет не приступил к нему. От станции везли нас в машине с будкой, трясло, батюшка держался за край брезента.

На меня восстал совет: «Ты сухого привезла, шкелета». Восстали и на него.

В домике, где поселили батюшку, было холодно, нетоплено. Он сидел на полу, наливал какую-то ржавую воду в консервную баночку и обмакивал в нее сухарик.

Староста Мария била меня в храме за батюшку. Вскоре она умерла. Шла со службы, случился приступ, она упала лицом в лужу и уже не поднялась".

О. Серафим пришел на приход как странник, без всякого внешнего величия, желая вместе с прихожанами жить во Христе, вместе страдать, вместе радоваться, но был встречен ими с презрением. К счастью, дух противления доброму пастырю овладел не всеми людьми: те, кто верил и ждал, кто был чист сердцем, встретили о.Серафима с любовью и радостью. Среди них была Екатерина Лучина, ставшая впоследствии старостой храма, затем монахиней с именем Серафима. Она увидела в батюшке святого и полюбила его. Навсегда. Но и это малое гонение от своих о.Серафим пережил, как и все другие, терпеливо и кротко, сердечно молясь за гонителей, любя и прощая их, благословляя, по слову апостола, но не проклиная.

Любовь делала его неуязвимым для гонителей.

О. Серафим знал, что будет гонимым всегда, ибо мир, лежащий во зле, не может вместить той Любви, которой было переполнено его сердце, мир боится Ее.

Его учитель о.Павел Флоренский написал из Соловецкой тюрьмы: «Давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома ее».

О. Серафим приносил свои страдания в жертву за гонителей. С 14 октября 1961 года, дня Покрова Пресвятой Богородицы, и до последних дней своей жизни он был настоятелем

Свято-Никольс кого храма в селе Ракитном Белгородской области.

Так определил Господь, и никто из людей не смог отменить Промысел Божий о Его святом.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРИХОДА

С приездом о.Серафима началось возрождение Свято-Никольско го прихода.

Он вступил на новое служение настоятеля тихо и смиренно. Все на приходе было разрушено: и храм, и души. О.Серафим начал восстановление прихода не со сбора средств, не с денег, как это у нас часто водится в церковной жизни, а с молитвы. Будучи бессребреником, о.Серафим никогда не «искал даяния» (Кол 4:17). Он брал только записки о поминовении, к деньгам же не прикасался.

В разоренном храме, где кричали совы, грачи, падали камни, стены которого были исписаны мерзкими словами, зазвучала молитва батюшки, начались ежедневные службы. На них приходили две-три старушки. О.Серафим служил вдвоем с Неониллой Деменской (1926–1989), которая прилепилась к батюшке уже в с.Соколовка и осталась верной помощницей и постоянным спутницей до самой его кончины. Батюшка постриг свою келейницу в монашество с именем Иоасафа.

Когда м.Иоасафа совсем замерзала, о.Серафим отпускал ее попить чаю, а сам продолжал молиться в храме.

День и ночь в храме творилась молитва благодарения ко Господу, молитва о помощи и возрождении поруганных святынь, о спасении потерявших Бога человеческих душ.

Усердное богослужение, редкостное по тем временам, испугало власти. О.Серафим получил письмо, вернее, приписку к Рождественскому поздравлению, от секретаря епархиального управления: «Ваш Церковный совет написал уполномоченному жалобу, что Вы ежедневно служите в храме, что служба в будние дни не оправдывает расходов на нее. Уполномоченный предупреждает Вас, чтобы Вы в будние дни не совершали служб, в будние дни советует молиться дома, в своей комнате, а служить только в воскресные и праздничные дни. Владыка благословил выполнять это предложение уполномоченного во избежание больших неприятностей для Вас.

С искренним уважением и любовью к Вам протоиерей Порфирий. 12.1.1962».

Затем власти будут бояться каждодневного паломничества в сельский храм людей со всех концов нашей необъятной страны.

О. Серафим устроил печки в алтаре и в храме, добыл угля. Все равно было очень холодно. Перед службой батюшка убирал снег в алтаре. Когда он выходил с Чашей причащать, его рука дрожала от холода, губы прилипали к Чаше, когда ее целовали.

Пол качался. Однажды Екатерина провалилась и обнаружила большой подвал, как второй храм, который потом стал дровяным складом и одновременно странноприимным местом – кельей на дровах.

Постепенно появились столь необходимые строители, архитекторы, столичные художники, иконописцы. От их взгляда не ускользнуло: батюшка относится к храму как к живому существу: бережно, с любовью, благоговейно. И это чувство передавалось всем духовным его чадам, которые с большим усердием помогали восстанавливать храм. Забота о благообразии храма не

была здесь чрезмерной. О.Серафим стремился делать нужное и приличное, не увлекаясь бесполезным великолепием.

Ценную лепту в восстановление храма внес иеромонах Зинов. Впервые он появился у о.Серафима осенью 1975 года в Михайлов день. Батюшка удивился, что молодой человек после армейской службы сразу же пришел в церковь.

Когда о.Серафим узнал, что он иконописец, то попросил его написать литургистов, составителей чинов литургии – Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Двоеслова, апостола Иакова – для алтаря храма, который еще не был восстановлен. О.Зинов счел это большой честью, и сразу же согласился исполнить заказ.

Он написал фигуры в полный рост и вскоре привез холсты. В то время он писал в другой манере. О.Зинов сам предложил батюшке расписать купол. Так появился огромный лик Христа-Пантократора в васнецовском стиле. Летом 1976 года перед поступлением в монастырь о.Зинов написал на парусах евангелистов. Будучи уже насельником Троице-Сергиевой Лавры, он приезжал в Ракитное по благословению наместника архимандрита Иеронима писать иконостас. Отец наместник всегда безотказно отпускал его несколько раз в году к о.Серафиму потрудиться.

Однажды, приехав к о.Серафиму, я встретился с о.Зиновом на крыше храма в будке из прозрачной пленки, закрывавшей купол: он золотил купольный крест. Было очень ветрено, но опытному мастеру удавалось без повреждений наклеивать тонкие как папиросная бумага листки сусального золота на крест.

О.Серафим любил о.Зинона, одаренного духоносного иконописца, особою любовью за его скромность, талант и огромное трудолюбие. Он говорил: »В отца Зинова вселился дух древнего иконописания". Батюшка всегда находил ему место для ночлега в своем маленьком церковном домике, где жил сам.

Постепенно в храме все изменилось до неузнаваемости. В нем все было просто и добротное, чистота и какой-то особенный уют. Электричества не было, что вносило ощущение отрешенности от всего суетного и земного. Рано утром затепливалось многолампадное паникадило. Во мраке храма вдруг появлялся светлячок, потом второй, третий и вот их уже много, и они все плавно улетают и зависают в подкупольном пространстве, словно маленькие звездочки, возвратившиеся на небо.

Но самая главная забота о.Серафима была о внутреннем храме всех, кто приезжал к нему, о душах человеческих.

ПОДВИГ СТАРЧЕСТВА

Приняв монашеский постриг, о.Серафим выразил желание остаться на своем приходе, т.е. жить в миру. Казалось, батюшке с его подорванным здоровьем, любящему уставную службу, хорошее пение, с его склонностью к аскетизму, было бы лучше служить Господу в монастыре. Он же видел, что Промысел Божий о нем иной – быть монахом в миру, посвятить себя всему миру.

Ему удалось вместе с его сподвижниками создать маленькую духовную семью, которую можно назвать тайным монастырем, имеющем свой неписанный устав, свой духовный лик, свое служение.

В монастыре принято подчеркивать разницу между монашествующими и мирянами.

О.Серафим стремился устранить преграды между ними. Его маленькая духовная семья стала братством, открытым всем людям.

Отдельного стола за трапезой не было, трапеза поставлялась для всех. Батюшка общался с людьми всех сословий и убеждений.

О.Серафим как-то поведал, что хотел бы принять схиму, самое лучшее, что мог бы желать для себя, ибо возлюбив всем существом своим Господа, уже был человеком не от мира сего.

Но у батюшки не было решимости на этот подвиг по двум причинам. «Размышляя о сем высшем духовном подвиге, – писал он епископу Хризостому, – благоговей пред ним и соразмеряя свои и душевные, и телесные силы, пред собой поставил вопрос: смогу ли достойно понести свой подвиг?»

Сознавая свое недостойнство, я пришел к решению: с благодарностью Вашему Преосвященству свято хранить в сердце преподанное Вами святительское благословение на принятие мной схимы до времени, когда почувствую потребность и решимость на сей подвиг. Как всегда, так и в сем полагаюсь на волю Божию».

Любовь и сострадание к ближнему не могли ему позволить оставить людей и уединиться в созерцательной молитве. Не затвор, а отвор благословил ему Господь до конца жизни, чтобы его сердце всегда было доступно любому страждущему, проходящему к нему. Он уподобился преподобному Захарии монаху, который за особое попечение о нищих странниках был прозван «отверстым»: «всем у него дверь отверста бяше».

Он принял старчество как послушание и крест, зная, сколько страданий оно принесет ему.

Власти запрещали принимать посетителей, устраивали облавы, проверки паломников, как нарушителей паспортного режима, их насильственно отправляли на работы в колхоз.

«Контроль был сильный со стороны властей, – вспоминает внук батюшки Димитрий. – Все встречи, беседы проводились по дороге в храм, на исповеди и по дороге из храма. В те годы была очень тонкая конспирация, которая забирала много нервов и сил, но зато это фильтровало, и приходили только истинно верующие люди, жаждущие духовного окормления. Дедушка долго не хотел перебираться в новый домик возле храма по той причине, что туда труднее проникнуть новому человеку – все на виду. И новый удобный домик пустовал не один год».

Чем труднее становились обстоятельства жизни, тем терпеливее был батюшка, зная, что против скорбей все святые имели одно средство – терпение и молитву. Он терпел с расположением на Волю Божию, поэтому эти скорби не лишали его душевного мира.

Батюшка встречал всех, как отец своих чад, с безмерной любовью и лаской, давая понять, что никакие грехи человека не могут отменить любви Божией. Блудному сыну в известной евангельской притче, желавшему именоваться из-за грехов своих не сыном, а наемником, встретивший его с радостью отец запрещает это желание. Бог всегда любит человека, Его любовь неизменна, и все истинные сыны Божии именно так стремятся любить человека.

Каждого проходящего к нему о.Серафим принимал таким, каков он есть, ничего ему не навязывал, не укорял, не обличал, а внимательно выслушивал его.

«Это был не обличитель, который знал все о человеке, – пишет архиепископ Евлогий (Смирнов), – но близкий и родной человек. Не было во мне и страха, удерживающего от

исповеди, наше общение скорее походило на доверительную беседу сына с отцом.

После разрешительной молитвы батюшка обнял меня и крепко, довольно сильно прижал мою голову к своей, как бы смягчая ее буйность, а может, таким образом вложил силу своих охранительных молитв на мою дальнейшую пастырскую и архипастырскую жизнь».

О.Серафим давал человеку самому сделать выбор. Он мог призвать только благословение Божие на принятое человеком решение, если, конечно, оно было согласно с волей Божией. «А как удивительно он умел отказать, не смущая человека, – вспоминает игумен Нектарий (Марченко) из Радонежа. – Он вначале улыбнется глазами, подбодрит (сам весь светится, греет душу) и с радушием скажет: »Это не будет вам полезно", и ты смиряешься, на душе становится спокойно и нет ничего огорчительного, словом, остаешься утешенным".

Так же удивительно тонко он мог призвать к духовному подвигу, видя внутреннюю расслабленность кого-либо.

«Однажды он сказал мне, – пишет протоиерей Владимир Деменский, – »Отец Владимир, пора и вам начинать молиться « (я тогда уже около тридцати лет был священником). Я понял, что он меня призывает совершать постоянную молитву».

Дар прозорливости помогал ему предельно сокращать время выслушивания. Старец шел по живому коридору богомольцев в храме и на улице и, подходя к кому-либо, давал ответ на вопрос, который еще не был задан ему. Иногда с человеком он проводил в беседе часы в том случае, если собеседнику некому было выговориться, если он был закрытым.

В общении с батюшкой человек постепенно начинал открываться, сам снимал свою маску, потому что с ним можно было только быть, а не казаться. Он всем своим существом призывал тебя жить, быть живым и давал искру этой жизни. От него люди уходили преображенными его миром и любовью.

«Не рассказать словами о той неизреченной любви, которую чувствуешь, когда находишься около старца, когда общаешься с ним, – вспоминает протоиерей Анатолий Шашков. – Ты как бы рождаешься заново, на сердце одна только любовь, и радость, и легкость необычайная, словно крылья вырастают. Ни от чего другого не получал я такого ощущения радости».

«Рано утром я проснулся от какого-то беспокойства, – пишет внук Димитрий о своей первой встрече с батюшкой. – На стуле возле кровати сидел и плакал худой, весь седой и с очень добрыми глазами человек. Дедушкиных фотографий я раньше не видел, да и вообще никто меня вниманием не баловал, а тут смотрит на меня человек и плачет. Я растерялся и тоже заплакал навзрыд и, помню, страшно испугался, несмотря на то, что я слыл за смелого парня, – редкая драка обходилась без меня.

Дедушка обнял мою голову, начал успокаивать. Я перестал плакать и потерял сознание. Очнулся в объятиях дедушки. Тут же оделся, и мы пошли в храм. С тех пор душой мы вместе, надеюсь, навсегда».

Староста Екатерина рассказывала мне, как однажды нагрянули к батюшке местные власти, чтобы отругать его за то, что в церковной ограде была построена маленькая просфорня. Перед своим приходом они вызывали ее к себе, ругали, грозили закрыть храм за самовольство, и вот пришли сами к «нарушителю», чтобы застрашать и наказать его.

Важные, с папками они входят в церковный дом. Отец Серафим приветливо встречает их у порога и говорит келейнице: «Матушка Иоасафа, какие к нам гости пришли!» Он сразу же

взял их в свой покой, в свой мир, и, пригласив сесть за стол, спросил с любовью и лаской о их жизни. Потом появился на столе чай. Беседа продолжалась. Гости забыли, за чем пришли. Когда уходили от него, батюшка тепло с ними попрощался. Пришли волками, а ушли овечками, они увидели, что любимы.

«Даже из нынешних волков, – писал Григорий Богослов, – многих надо будет мне причислить к овцам, а может быть и к пастырям».

Все люди без исключения имели право на его любовь, у него не было первых и вторых, все были первые, все желанные; каждый человек – образ и подобие Божие, значит он достоин уважения и любви.

Гонители оказывались самыми близкими о.Серафиму людьми, ибо больше других нуждались в духовной помощи. Они не просили о ней, считали, что Бога нет, но в этом отвержении Творца о.Серафим сердцем услышал крик о помощи и откликнулся на него всем своим существом, всей своей жизнью. Он, по слову Н. Бердяева, «более чувствовал человеческое несчастье, чем человеческий грех». Батюшка был из того мира, в котором нельзя быть за или против кого-то, в котором нет лицепрятия.

В обстановке господствующей лжи и злобы, поисков врагов поведение о.Серафима особенно сильно свидетельствовало о вселенской любви Христа.

О.Серафим видел, что многие люди приезжали к нему или стремились приехать в поисках чуда, уподоблялись древним грекам, любившим ездить в Дельфы к пифии, прорицательнице, и это очень огорчало его.

Приезжие спрашивали даже у владыки: «Где здесь батюшка, который лечит?» Батюшка говорил им: «Я не лечу, а только молюсь. Господь – Целитель и Врач. И если Он по молитвам исцеляет вас, то благодарите Его за эту милость к вам».

Ему хотелось, чтобы и к дару прозорливости, который он имел, люди относились не магически, а трезво, духовно. Господь дал ему его для лучшего служения людям, чтобы сократить время общения, которого всегда не хватало.

Больная Надежда из Белгорода, приехавшая к батюшке, не могла подойти к нему, чтобы поговорить, из-за множества людей. Она стояла в толпе и плакала от отчаяния. Батюшка, выходя из храма в окружении народа, остановился и, глядя в ее сторону, сказал: «Надежда, не соглашайтесь на операцию». Она была удивлена тем, что о.Серафим, не зная ее, ответил на ее вопрос.

Паломнице Валерии не нравилось ее имя и, подходя впервые к Чаше, она назвала себя Валентиной. «Причащается раба Божия Валерия», – поправил ее батюшка и причастил.

По приезду в Ракитное за неимением жилища о.Серафим поселился в доме прихожанки Параскевы. Когда церковный домик был построен и батюшка переселился в него, Параскева решила построить новый дом и даже уже начала строительство. О.Серафим говорил ей: «Дом тебе не нужен будет». Параскева была добрая и чуткая женщина, люди у нее останавливались и жили по несколько дней. Но батюшкин совет она почему-то не слышала. Вскоре она умерла.

По своему глубокому смирению о.Серафим старался совершенно скрыть свои подвиги и благодатные дары, но не всегда это было возможно и нужно.

Люди искали и ищут чуда, но не Истины, а о.Серафим хотел иметь с ними сердечную связь,

духовное общение, ибо больше всех чудес – любящее сердце.

("Еще в молодые годы, – вспоминает отец Зинов, – когда я ездил из Троице-Сергиевой Лавры к о.Серафиму, как-то во время исповеди я спросил у него: «Он ли брал икону из рук Зои?» Я слышал от многих об этом происшествии, но не знал, насколько оно достоверно, поэтому решил спросить. Он сказал, я буквально помню его ответ: «Не внемлите »". (Об известном «Зоинном стоянии» см. например, «Белгородский старец архимандрит Серафим (Тяпочкин)», ТСЛ, 1998 г., с. 21-32. – Прим.ред.)

Он хотел их научить жить во Христе, чтобы они стали святыми. Ему важно было, чтобы они поняли, что Церковь не просто врачевница, что вера – не магия. Бог никогда не может быть средством, Он всегда только Цель. Его нельзя использовать, заметил один христианин, как отмычку.

Молодой человек из Средней Азии, приехавший к о.Серафиму, жаловался мне на то, что живет в церковной ограде уже две недели, почти каждый день просится на прием к батюшке, но тот, всегда приветливый к нему, не принимает его. Он недоумевал. Некоторых батюшка принимает сразу, они даже не просят об этом, он сам их находит и приглашает к себе.

Так было и с Марией Цауне, девушкой-фельдшером из Риги. Она услышала от православной больной, за которой ухаживала, о ее духовном отце, старце, и его духовной помощи ей. Благочестивая католичка Мария не знала о существовании старцев. Сердце ее попросило встречи с таким человеком. «У меня появилось огромное желание, – вспоминает Мария, – поехать к отцу Серафиму. Думала, что если даже к нему не попаду, то хотя бы увижу его.

В православный храм, а именно в Рижский собор, я заходила и всегда ставила свечи святителю Николаю Чудотворцу.

Однажды видела сон. Прихожу в католический храм, исповедуюсь. После исповеди священник дает мне бумажный сверток и говорит: »Сегодня ты это не трогай, а завтра натощак съешь". Выйдя из храма, я раскрываю сверток, а там – просфора.

Получилось так, что я приехала в Ракитное 22 мая 1979 года на престольный праздник, день святителя Николая.

Народу было очень много, все даже не помещались в храме. Подумала, конечно, я не попаду к о.Серафиму. К тому же сказали, что на всенощной его не будет: болен и находится в Готне. Я утешалась тем, что теперь знаю, в каком храме служит батюшка, а когда получу отпуск, приеду к нему снова. С трепетом я ходила в церковной ограде, думая, что по этой дорожке и о.Серафим ходит, такой светильник.

На второй день пришла в храм и когда видела какого-нибудь старенького священника спрашивала, не он ли о.Серафим.

Когда о.Серафим вошел в храм, вернее, когда его провели через алтарные двери, я не увидела, но сразу почувствовала его присутствие, и сразу у меня полились слезы, я не могла их остановить.

Я пробиралась среди людей поближе к алтарю, вернее к солею, чтобы увидеть о.Серафима. Отец Григорий, постоянный помощник батюшки, принимал исповедь. Он спросил у меня:

- Исповедоваться пришла?

- Нет, - отвечала я.

- Не желаете?

Я ему сказала, что я католичка.

Через некоторое время пробралась совсем близко к солею. Отец Серафим вышел исповедовать только пятерых семинаристов, приехавших из Сергиева Посада. По телесной немощи всех он уже не принимал.

У меня все еще лились слезы, я не могла их остановить. Закончив исповедь, о.Серафим почему-то не ушел в алтарь, а стоял у аналоя и молился. Я думала только о том, как бы мне попасть к нему на прием.

Передала свечу, чтобы ее затеплили перед иконой святителя Николая, находящейся в иконостасе. Стою и смотрю на икону и прошу Николая Чудотворца о помощи. Вдруг один из семинаристов говорит: «Проходите!» и открыл дверцу ограды солеи, которую закрывали, потому что некоторые одержимые пытались прорваться и вбежать в алтарь.

Конечно, я не подозревала, что это меня касается и поэтому стояла на своем месте. Он снова говорит: «Проходите!» Тогда я с удивлением спросила: «Это мне проходить?» Он говорит: «Да, о.Серафим ждет». От волнения и удивления не могла сдвинуться с места. Повернула голову к святителю Николаю и попросила у него благословения подойти к о.Серафиму, так как мне открылось, что он совершил надо мной чудо. Я поняла, что о.Серафим ждал меня и молился обо мне, не отходя от аналоя. Подошла к нему. Он спросил:

- Ты исповедаться пришла?

Уверенно сказала: Да. Потом пояснила, что я католичка.

- А ты желаешь принимать православие ?

Твердо ответила: Да.

Потом, как бы сознавая свои слова, добавляю: «Вам лучше знать, как мне быть».

- А ты знакома с православием ?

Сказала, что у меня есть знакомые православные, что хожу в православный храм и всегда ставлю свечи святителю Николаю.

- Переходи , - сказал о.Серафим.

Спрашиваю: Мне надо будет креститься?..

- Крещение одно. У тебя все сделано, что нужно.

- Когда мне принять православие? О.Серафим отвечает: «Чем быстрее, тем лучше». И накрывает меня епитрахилью. Потом просит, чтобы после службы я шла за ним в келью.

Войдя в нее, почувствовала себя самым счастливым человеком на земле. Он попросил меня по приезде в Ригу подойти к владыке Леониду, все рассказать ему и попросить у него благословение. Я тогда не знала, что наш митрополит тоже духовное чадо о.Серафима.

Батюшка просил меня еще раз приехать к нему на Троицу, чтобы завершить переход в православие. Я это сделала, о.Серафим стал моим духовным отцом. Он же сказал мне, что и владыка тоже будет моим духовником. После кончины батюшки так и получилось.

К отцу Серафиму, я, несмотря на большие расстояния, ездила часто. Для меня самыми радостными были те дни, когда я была в Ракитном и видела этого дивного старца. По его молитвам моя семидесятилетняя мать, Варвара, тоже приняла православие. Она со мной приезжала в Ракитное".

Уже упомянутый молодой человек из Средней Азии прожил у батюшки довольно долго, без приема, и за это время пребывания в ракитянской общине, он, живя в ее ритме, исповедуясь, регулярно участвуя в Евхаристии, трудясь, общаясь с людьми различного церковного опыта, слушая проповеди и наставления батюшки, получил ответы на все свои вопросы.

«Рядом с отцом Серафимом, - говорит архимандрит Зинов, - нужно было жить, с ним нужно было общаться, за ним нужно было наблюдать. Это был такой опыт, который очень трудно поддается описанию».

Некоторых батюшка допускал к себе только после долгого испытания, они жили в Ракитном месяцами. Люди чувствовали, что за этим ожиданием встречи стоит нечто духовно значимое для них. О.Серафим не разрешал жизненные вопросы «на ходу». Внимательно выслушивал человека, потом говорил: «Помолимся!» Бывало проходит не один день и никакого ответа. Это была молитва-слушание, нужно было ожидать и понять, что Бог от нас хочет.

Необходимо было выявить искренность их обращения, важно было, чтобы человек сам научился слышать то, что Дух Святой говорит в его сердце. Старец почти ежедневно видел этого юношу из Средней Азии на службе, в живом коридоре людей, от алтаря до западных дверей храма, ждущих его благословения. От его внимательного взгляда не могло ускользнуть духовное состояние молодого человека, ибо старец, давая благословение, внимательно всматривался в твое лицо и видел, что Святой Дух совершал в тебе.

Помню, после моего изгнания светскими властями из Почаевской Лавры, где я был послушником, он спросил меня: «Поживете у нас?» Не сказал: «Поживете у нас», для него это было бы принуждением, а произнес бережное «поживете?», не нарушая моей внутренней свободы.

Тогда я не был готов к жизни в такой свободе. Мною овладели беспокойство и страх, я хотел, чтобы батюшка как можно быстрее принял меня и разрешил мой вопрос. Уходя в монастырь, я сжег, как говорят, за собой все мосты: работа, прописка, жилье. И теперь, не имея ничего, я мог стать жертвой любой провокации властей и оказаться даже за решеткой, например, как туняец. Отец Серафим помог мне преодолеть волнение в тихой сокровенной беседе, и с миром отправил к владыке Леониду с рекомендательным письмом, сказав утешительные слова: «Он будет Вам как отец». Я словно уходил от одного отца к другому. Но после первой встречи с владыкой Леонидом я всем своим существом почувствовал, что не ушел от батюшки, ибо старец и владыка были людьми одного Духа. Пребывание с о.Серафимом перед моим будущим рукоположением в Риге было для меня малой пустыней, позволившей приобщиться к такому духовному опыту, который нужен всем нам.

БРАТ ВСЕМ ЛЮДЯМ

»Неужели с высоты кто вспомнит обо мне? Во множестве народа меня не заметят; ибо что душа моя в неизмеримом создании?" (Сир 16: 16-17). Подобные мысли возникали у некоторых

паломников в Ракитном при виде такого стечения народа.

Но о.Серафим видел каждого человека, незамеченных у него не было. Он никого не отталкивал, всех принимал, обо всех беспокоился. Когда помощники батюшки иногда кого-либо не допускали к нему, он говорил: «Люди устали от зла, если и я не приму их, то я здесь не нужен».

«Простите техническое сравнение, – писал мне внук о.Серафима Димитрий, – но многие люди устроены в наше время по принципу автомобиля. Фары изливают свет только по направлению движения. Есть и другие, устроенные по принципу карманного фонарика: светят туда-сюда, куда батареи не иссякнут. Дедушка был подобен неземному светилу: для всех и для каждого от него исходило столько света, сколько мог вместить проходящий к нему».

Он знал, что встречает в своих ближних Господа: «так, как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25:40). О.Серафим стал всем людям братом, потому что не мог любить лишь некоторых, а любил каждого человека. Он, как когда-то Христос, выходил из храма и смешивался с многоликой толпой: верующих и неверующих, больных и здоровых, бесноватых и озлобленных, жаждущих правды и любви, пришедших к нему из нашей пустыни жизни. Всех их нужно было научить любви и святости.

Однажды после продолжительной службы о.Серафим вышел на паперть и стал внимательно всматриваться в окружающие его лица. Вдалеке он увидел на каталке безногого старичка, который из-за большого стечения народа не мог приблизиться к батюшке. О.Серафим направился к нему, нагнувшись, целовал его в голову, обнимал. «Я думал, – вспоминает внук батюшки Димитрий, – это его старый друг. Спросил дедушку: »Кто это? Родственник?" Дедушка ответил: «Мы все родственники, а этот раб Божий приехал издалека разделить с нами Пасхальную радость».

Он не жил отдельно от людей, окружавших его, но разделяя их жизнь, стал для всех своим. Служа своей пастве, не господствовал над ней, никогда не был над народом Божиим, но всегда с ним, вернее, в нем. Он мог бы сказать: «Я живу в народе Божьем. Это мой народ».

Лишь изредка на короткое время батюшка оставлял людей и уезжал в свое подворье, в домик на станции Готня, что в десяти километрах от Ракитного, чтобы побыть наедине с Господом. В остальное время всегда был с ними: в храме на общем богослужении или в тихой келейной беседе.

О.Серафим никогда не пользовался отпуском: в нашем привычном понимании, не был «старцем на колесах» (как говорил об одном пастыре владыка Хризостом).

«От чего отдыхать монаху? – шутил он. – От молитвы или от Бога?» Однако каждый год о.Серафим старался выбраться в любимую Троице-Сергиеву Лавру, бывал иногда в Рижской пустыньке, где служил о.Таврион, с которым его роднил дух горения любви к Богу и к людям. Оба они долгие годы провели в тюрьмах и лагерях. О.Серафим обычно заранее сообщал о своем приезде, и все ждали его с нетерпением, готовились к этой встрече словно к празднику.

Предельная простота быта батюшки особенно подчеркивала его самоотверженность, жизнь только для других. В его белом домике в углу церковной ограды обстановка была очень скромной: «Блажен, кто вместо всех стяжаний приобрел Христа» (свт. Григорий Богослов).

Аскетическое убранство домика было призывом к молитве, к вечности. Все здесь говорило человеку: «Ты странник на земле, твой дом не здесь».

О. Серафим в монашеской одежде - и в храме, и дома, и в дороге. Он не понимал священников, которые стеснялись Христа и не ходили в облачении. Для него же оно было свидетельством его посвященности Христу и Церкви. Однажды он сказал за столом: «Не хвалясь, скажу, что с тех пор, как я надел монашеские одежды, никто меня никогда не видел без подрясника».

Звания, должности, награды о.Серафима никогда не интересовали, хотя он был удостоен всех наград, положенных пресвитеру, но больше всего он дорожил своим призванием.

Однажды внук Димитрий забыл поздравить его с возведением в сан архимандрита и награждением вторым крестом. Напомнила ему об этом мать Иоасафа. По дороге из храма Димитрий начал исправляться. О.Серафим тихо ответил: «Митенька, Господь давно дал мне священный сан. Это и есть та высшая

награда, которой я удостоился до конца своей жизни у Господа. Архимандритство, митра и прочие награды меня мало интересуют. Ведь я »поп-тихоновец", как было написано в моем уголовном деле, и это настолько для меня драгоценно, что заменяет все награды". И добавил: «Слава Богу, что я не благочинный». От звания благочинного о.Серафим отказался".

Как-то внук Димитрий спросил у батюшки: «После архимандритства бывает епископство?» Он медленно ответил: «Да, епископство. Но не для тихоновца». Самой лучшей наградой о.Серафиму была любовь народа к нему и горячая молитва верующих.

НА РАССТОЯНИИ ДВУХ СВОБОД

Встреча о. Серафима с человеком всегда была личной, свободной и открытой. «Никогда и ни с кем я так свободно и доверительно не говорил», - вспоминает протоиерей Леонид Константинов.

Когда батюшка говорил с кем-либо, он всецело принадлежал этому человеку, служа ему своим участием, своей любовью. Тот открывал ему свои душевные раны, свои грехи. Они не вызывали у о. Серафима ужасания, раздражения, желания наказать. Он не подыскивал тут же для согрешившего епитимий и не пугал ими. Напротив - испытывал жалость и сострадание: любовь не сосредоточивает своего внимания на грехе. О. Серафим видел прежде всего не грех, а муку согрешившего. Она его глубоко трогала, и он стремился прежде всего помочь ему, поддержать его, страдать вместе с ним.

Батюшка видел в каждом человеке образ Божий, что далеко не всем нам удастся при общении с людьми. Если мы не увидим его, то и не знаем человека. Ведь грехи - это не он сам, не его природа. Человек - это образ Божий. Важно суметь увидеть его в нашем ближнем.

«Любовь выше устава», - говорил протоиерей Алексей Мечев. О. Серафим своей жизнью показал это, понимая, что человеческая совесть не подчиняется званиям. В духовном мире титулы ничего не значат, «и царь, и воин, и убогий - все в равном достоинстве», Царство Божие есть царство свободы и безвластия, главное в нем - любовь. Не сан делает человека святым, не иерархическая степень, не место у престола, но добродетельная жизнь, личная святость.

О. Серафим принимал человека таким, каков он есть, ничего не требуя, общаясь с ним «на расстоянии двух свобод». Он был к нему «милостив с рассмотрением» (Иуд 1: 22).

Женщина, по имени Мария, из Риги привезла к батюшке больного и озлобленного сына Михаила. Когда батюшка утром вошел в комнату, чтобы увидеть его, молодой человек даже не поднялся с кровати. О. Серафим не смутился, снизойдя к его немощи, встал возле юноши и

беседовал с ним.

Он обошелся с ним как кормилица с младенцем. Лаской и кротостью, а не укором о. Серафим привел его душу в покой. Кроткий и молчаливый дух старца поразил юношу.

На всякое понижение нравственного уровня о. Серафим отвечал только его повышением. «Однажды, когда он ехал в автобусе в Готню, – вспоминает староста Екатерина Лучина, – один пассажир схватил батюшку за грудь:

- Надел на себя маску с бородой!

- Напрасно ты так думаешь, – очень спокойно ответил ему батюшка. Мужчина затих».

О. Серафим никогда не допускал ни малейшего насилия над свободой человека. Власть он понимал как служение всем и всякому, как заботу о слабейших. Он страдал за человека вместе с ним, боролся за его душу. Но свободу решения вопроса оставлял за ним, чтобы тот не остался незрелым, зависящим только от своего духовного отца.

«В деле веры нет авторитета, – писал К. Аксаков, – его нет для свободы духа. Сам Христос для меня не авторитет, потому что Он для меня Истина. Заметьте, Христос говорит ученикам: »Если Я не уйду от вас, Дух истины не придет к вам". Я понимаю это так. Вы будете верить в Меня, как в Начальника, как в авторитет, а не как в Истину. Так же объясняется замечательное искушение Исаакия Печерского. К нему приходит Христос в славе с ангелами и говорит: «Исаакий, пляши». Как же не послушать Христа? Исаакий стал плясать и поражен был немотой и ослеплением. Это было искушение. В чем же вина Исаакия? Он ведь послушался Христа. Но в том-то и вина, что он на Христа взглянул как на Начальника, как на Авторитет, а не как на Истину. Отнесся по-здешнему, земному, обычно, как командиру послушался, не рассуждая, отказался от свободы. А если бы он рассудил, если бы на Христа смотрел как на Истину, то он бы в ошибку не впал, и увидел бы сейчас, что это не Христос..."

О. Серафим был склонен воспитывать не словом, а жизнью своей, опытно зная, как легко произносить слова о любви, но как трудно пребывать в ней.

Он вспоминал, как однажды подготовил по всем академическим правилам свою первую проповедь, получил резолюцию «произнести в храме». И произнес... Потом у него никогда таких проповедей не было. Он не мог говорить от книг, от ума, а только в Духе, сердцем. Его проповедь была живая, нужная как дыхание, и потому она касалась сердец слушавших. Я не представляю о. Серафима за книгой. Мне казалось, что она ему, как и Марии Египетской совершенно не нужна. Он вел жизнь настолько чистую, что его сердце, по слову Иоанна Златоуста, «было исписано Духом». Он знал Бога всем своим существом, отдал Ему всего себя, говорил с Ним и о Нем из глубины души.

«Его божественный голос проникал в человеческие души, – сказал однажды в проповеди о Христе батюшка, – потрясал умы и влек к Нему сердца людей.

Они отзывались на этот голос, шли ко Христу, несли к Нему свое горе, несчастье, скорби, страдания и болезни.

Любовь, которая сияла на пречистом лице Христа, горела в Его очах – любовь, которая исходила при всяком дыхании Его. Эта божественная любовь согревала всех приходящих к Нему, проникала в сердце, вносила покой в душу. И забывая обо всем, эти люди обретали мир и покой».

Простыми словами он рассказывал о жизни Спасителя, люди боялись пропустить хотя бы одно слово, потому что не только верили слышанному, но видели воплощение слов Иисуса Христа в жизни батюшки.

Это был живой голос свидетеля любви, голос сострадания ближнему, а не безлюбый голос проповедника, говорящего правильные слова, но не берущего на себя ответственности за них. «Вода и уксус имеют один цвет, – говорили святые отцы, – но гортань различает их».

В проповедях батюшки не было никакого привычного церковного красноречия, притворных «возлюбленные братья и сестры», что есть голос личины, голос небытия. Они были очень личными, наполненными любовью. Каждым словом он жил. Только тот, кто есть, может дерзать обратиться к Сущему.

Поэтому, по слову святителя Григория Богослова, «он нуждался лишь в немногих словах, потому что достаточно было самой жизни его для назидания». Проповедь о Серафима была «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор 2: 4).

Эту тайну Любви Божией, которая учит без слов, познало сердце старца, и через него все приходящие люди приобщались к Ней. Она открылась архимандриту Зинону, духовно чуткому к тому, что происходило в глубине души старца, ставшего его духовным отцом еще до монашеского пострига. «Я познакомился с отцом Серафимом в 1975 году накануне своего поступления в монастырь. Встреча с ним для меня была очень важным событием, потому что я увидел человека совершенно необычного. Я собирался поступать в монастырь, просил его благословения. Он сделал это с радостью. Так завязалось наше знакомство и продолжалось вплоть до его смерти. Потом, уже живя в монастыре, я к нему ездил в течение семи лет.

Мне всегда вспоминается эпизод из жизни Антония Великого. К авве приходили трое монахов, двое о чем-нибудь спрашивали, а третий все время молчал. Антоний, наконец, у него решил узнать, почему он ни о чем не спрашивал. Тот ему ответил: «А мне достаточно на тебя смотреть». Так было и со мной. Почти никаких вопросов я о Серафиму не задавал. Он всегда приглашал меня к службам, которые совершались у него в келье, и к обеденному столу; там были разные люди, задавали разные вопросы. Я слушал его ответы, наблюдал за ним и для меня этого было достаточно. Я не слышал никаких сногсшибательных ответов, не видел каких-нибудь чудес. (Как-то я подарил своей крестной матери Анастасии Ивановне Цветаевой одну из лучших фотографий о Серафима, сделанную Владимиром Пархоменко (см. «ПО» № 49, с. 72 – ред.), тогда еще малоизвестную. Взглянув на нее, она сразу же приняла в сердце старца, он стал ей духовно родным своим страданием и любовью, которые она увидела в его лице. Эта фотография всегда находилась в ее рукописном молитвослове, а в Доме творчества писателей в Переделкино, куда Анастасия Ивановна иногда уединялась для работы, я увидел это фото на ее письменном столе. В жизни они не встретились, Анастасии Ивановне оказалось достаточно смотреть на образ старца).

Я видел ту тихую святость, которая, кажется, и есть самая истинная. Я никогда не слышал, ни одного раза, чтобы он кого-нибудь осудил или о ком-нибудь пренебрежительно отозвался, хотя он видел всяких людей и много натерпелся от них. К нему приезжали разные люди, которые после выхода из его кельи друг на друга иногда не хотели смотреть. Но он относился ко всем с одинаковой любовью, всех умел объединять, они рядом с ним становились едиными. Это тоже одно из свойств святости.

Апостол Павел говорит, что для чистого все чисто, и если человек видит в других какие-то пороки, это обличает только его собственную нечистоту. И самое важное, что я открыл (это заметил еще старец Силуан Афонский): все святые похожи на Христа. Христа я представляю

себе именно таким – кротким, тихим, жалостливым, участливым ко всем.

Христос в каждые эпохи открывается какими-то Своими новыми гранями. Человека конца XX века вдохновить, привлечь к себе может только Христос кроткий и любвеобильный, а не праведный и грозный Судья, хотя Он таковым и остается.

Вспоминая отца Серафима, убежден, что лучшая форма проповеди в наше время – это когда вы видите человека, который своей жизнью воплотил идеал Евангелия. Для меня это было откровением: он нес в себе образ Христа. Христа я себе другим представить не могу. Не по плоти, конечно.

Я знал очень многих священнослужителей, благочестивых, честных, но о. Серафим – святой. Это – тайна. Объяснить ее, как и всякую тайну, невозможно. Да и самая духовная жизнь есть тайна. Отношения человека с Богом настолько личные, что желание передать их другому словами всегда обречено на неудачу".

Проповедь собственной жизнью исключала морализаторство, натаскивание, властвование, командование. Она давала каждому свободу выбора, вдохновение для внутреннего роста.

Нам порою кажется, что познать свои грехи можно только постоянной мыслью о них. Некоторых это доводит до уныния и отчаяния. Но святые умели познавать свою греховность видением святости Божией.

Авва Зосима, встретив Марию Египетскую в глубине пустыни, увидел себя лучше, чем за многие годы монастырской жизни. «Если бы возможно мне было, – говорил он святой, – непрестанно ходить за тобой, чтобы лицезреть твою святость».

Почему так притягивал к себе о. Серафим всех людей? Он открывал им то, что в них было сокрыто, – нетленную красоту.

«Святой влечет к себе и согревает, – писал протоиерей Сергей Булгаков, – и наполняет, и спасает, и зовет – к подвигу, как журавли из выси небесной зовут нас к себе в высь, говорят и нам, что у нас в душе есть крылья.

Не знаем мы сами, что мы имеем от Бога, и вдруг святой – душой своей – являет нашу собственную силу и нашу собственную красоту чрез всю нашу немощь. И душа, рванувшись, поднимается в небесную высь и купается в свете и воздухе».

Духовную красоту, Любовь, невозможно видеть безучастно. «Душа наша воспламеняется любовью и в ней сама уподобляется этой красоте, светит ее светом. Так, словно свеча от свечи, загорается любовь и светит святость в душах».

В большой любви не нужны слова, люди общаются сердцами, в молчании. Так умел говорить с ближними о. Серафим.

«Однажды, еще в студенческие годы, – вспоминал его внук Димитрий, – я собирался уезжать на учебу и зашел к дедушке за наставлением и благословением на дорогу. Он отдыхал. Вслед за мной вошел архиепископ Соликамский Николай, старый друг дедушки. Они были почти ровесники. Дедушка начал подниматься навстречу владыке, но тот попросил его не вставать, и мы сели на стулья. Так мы вдвоем и сидели минут двадцать. Потом дедушка сказал мне: »Ты пока собирайся, а мы с владыкой побеседуем. Потом зайдешь". Я подождал за дверью минут десять, но не слыша никакого разговора, снова вошел. Владыка Николай сидел с закрытыми глазами. Дедушка, казалось, спал. Но только я вошел, владыка встал и говорит: «Вы, Ваше

преподобие, пока проводите внука, а то он торопится (я действительно торопился), я потом зайду, мы еще побеседуем».

Я был очень удивлен этой неземной беседой. За тридцать минут они не сказали друг другу пяти слов".

Благодать научила их такому общению – непрерывному молчанию. Они радовались лицезнению друг друга и разговаривали сердцами.

Когда батюшка в 1980 году заболел, владыка Николай, его духовный сын, несмотря на преклонный возраст и болезни (ему было 87 лет) приехал в Ракитное и жил у о. Серафима две недели. «Теперь я за вами буду смотреть», – сказал он.

О. Серафим дарил людям свою любовь и вместе с ней способность меняться, силу возрастать духовно. Она вела духовное чадо прямо ко Христу. О. Серафим никого не приводил к себе, а горел желанием уподобить всякого Христу. «Окрылить душу, вырвать ее из мира и отдать Богу, сохранить то, что по образу, если оно цело, поддержать – если под угрозой, восстановить – если повреждено, вселить Христа в сердце при помощи Духа, и, короче говоря, сделать того, кто принадлежит к высшему чину, богом и достойным высшего блаженства», – вот цель служения пастыря Божьего по слову Григория Богослова.

Люди видели в о. Серафиме такого пастыря, которому можно верить безусловно, ибо в нем жил Дух Святой. Они вслушивались в каждое его слово, даже в тон голоса, всматривались во все его движения. В нем все было чисто и свято.

«Хотелось слушать любое его слово, – вспоминает иеромонах Сергей (Рыбко), – ловить каждое его движение, готов был исполнить все, что он скажет, пойти за ним, куда он позовет».

Люди, увидев его, встретив его любящий и внимательный взгляд, проникавший в самую душу, излучавший тихую радость и покой, падали на колени, плакали, а он радовался этим слезам как знаку начавшегося пробуждения их душ. Батюшка, понимаете, не относил этого поклонения к себе, зная, что Дух Святой действует через него. Он всегда оставался скромным и незаметным человеком. Физическая немощь о. Серафима только сильнее выявляла действие Святого Духа в нем.

О. Серафим благоговел перед человеком, независимо от его греховности или святости. В каждом он видел образ Божий и хотел помочь другому увидеть его в себе. Если мы не увидим образа Божия в человеке, то не можем считать себя истинными христианами. Благоговение было у о. Серафима и ко всему живому, к каждой былинке. «После дождя в храм шли всегда очень медленно, – вспоминает внук Димитрий. – Нужно было обойти всех червячков, жучков, паучков. Дедушка шел впереди и внимательно следил, чтобы никто не наступил на них».

Он с трепетом наблюдал, что совершал Дух Святой в людях, когда они начинали приближаться к Богу и помогал им на этом пути. О. Серафим воспитывал своих чад в духовной свободе, в царственной свободе чад Божиих. Он показывал им своим примером, что их жизнь не зависит ни от земных правителей, ни от патриарха, ни от архиерея, ни от священника, ни от матери и отца, братьев и сестер, а только от Бога. Пред Богом мы все дети, творим одну молитву «Отче наш».

Возрастание в святости, к которой каждый из нас призван, о. Серафим считал самым главным. Как духовник многих чад он стремился помочь им становиться совершенными, святыми, святыми Церкви Христовой, которую он называл «нашей чадолюбивой Матерью». «Славьте же

Христа все, - говорил он в проповеди, - славьте Его в домах ваших, славьте Его в семействах ваших, славьте Его во всей жизни вашей».

Он хотел, чтобы они не теряли достоинства святых, не думали, что святой - абсолютно безгрешный человек, до которого «нам, грешным, далеко». О. Серафим глубоко почитал святых, но не преувеличивал этого почитания, оставаясь верным Христу.

«Сейчас культ святых в Церкви, - говорил о. Зинон, - иногда принимает даже недолжные формы, потому что у нас почитают святых в первую очередь по той причине, что они за нас молятся, о нас ходатайствуют. Люди забывают, что главным и единственным Первосвященником и Ходатаем Нового Завета является Сам Христос.

Культ святых как бы заслоняет это служение Христа как Великого Ходатая, и большей частью от святых, которых канонизируют в последнее время, в первую очередь требуют, чтобы их житие было исполнено всевозможных чудес. Даже в жития тех новомучеников среди епископов, которые засвидетельствовали верность Христу и сложили свои жизни в лагерях, всячески пытаются втиснуть какие-нибудь чудеса.

К этому нужно относиться очень осторожно. В наше время процветает жажда всевозможных чудес, появилась масса всяких экстрасенсов, магов, знахарей, заговорщиков. Это - чисто языческий, нездоровый интерес ко всему мистическому. Его нужно всячески пресекать той здоровой мистикой, которая имеется в Церкви. Мистика в христианстве совершенно иного порядка и не той природы, что в язычестве».

Возрастание в святости совершается постепенно. В духовной жизни не должно быть рывков. Об этом о. Серафим напоминал тем, кто горячился, стремился к высшему раньше времени. «Приносили ко мне постников, - вспоминал он, - приходилось отпаивать их с чайной ложечки». Приезжала к батюшке одна семья из Запорожья, глава которой был грузчиком. Из аскетической ревности он в первую неделю Великого поста вообще ничего не ел и потом, естественно, заболел. «Как же так, - говорил о. Серафим, - работает грузчиком и ничего не ест». Он любил повторять, что высшая добродетель - не пост, не подвиг, а рассудительность. Демоны возможно препятствуют нам делать, - говорили святые отцы, - а к невозможному принуждают. Он просил беречь свое здоровье, не брать на себя того, что непосильно, часто повторял: «Здоровье нужно нам для молитвы». Наше дело молиться, трудиться, исполнять заповеди Божии, чтобы приготовить место в сердце Духу Святому, а все остальное зависит от Господа.

«Отец Серафим, - вспоминает о. Зинон, - бережно относился ко всему церковному наследию. Он говорил, что »все, что приняла и облобызала Церковь для нас, должно быть святым и обязательным».

Но при всем таком своем благоговейном отношении он всегда умел, как и оптинские старцы, творчески руководствоваться этими установками, поэтому, когда дело касалось отдельных людей, конкретных ситуаций, то он иногда мог поступить вопреки каноническим определениям Вселенских соборов. Не потому, что легко и пренебрежительно к ним относился, а потому, что помнил, что не человек для канонов, а каноны для человека.

Я помню, как он несколько раз возмущался, когда некоторые священнослужители налагали епитимью многодневного поста - целую неделю человеку не разрешали есть, отлучали от причастия на продолжительное время. Наши каноны это предусматривают. Там и сроки встречаются страшные (например, двадцать лет), но применять их нужно с рассуждением».

ДУХОВНОЕ СТОЯНИЕ

«Какое благо выше всего – прилепиться ко Господу и пребывать непрестанно в соединении с Ним», – пишет преп. Иоанн Лествичник.

О. Серафим так и жил перед Тем, в Ком была вся его жизнь. Он имел навык и потребность в непрестанной молитве, весь был благодарение и хвала Богу. «Утром дедушка, – вспоминает внук Димитрий, – выходя из кельи, громко пел: »Слава в вышних Богу и на земли мир". Это он так меня будил". Казалось, что молитва покаяния была ему не нужна.

Оставшись в миру и живя в гуще народа, о. Серафим стяжал дух молитвы. «Это был святой отец, – говорил о нем архимандрит Трифон (Новиков), – о каких написано в древних Патериках».

Когда я впервые увидел о. Серафима, у меня было впечатление, что он только что вышел из египетской пустыни, где жил с великими духовными мужами, такими, как Антоний Великий, познавая тайны вечной жизни. Казалось, его место только там, в мире библейской тишины, там, где ничто не нарушало его глубокого созерцания Бога. У него был вид безмолвника, анахорета, посвятившего себя полностью молитве. От него исходил мир и покой.

Он брал тебя в этот покой, когда благословлял, произнося едва слышно и очень медленно, как дуновение тихого ветра: «Б-о-г бла-го-сло-ви-т». Ты выходил в этот момент из времени и погружался в вечность, в покой Господа. Для меня это была встреча с реальностями уже не материального мира, а с душой, ставшей светом.

С Богом у о. Серафима были личные отношения, поэтому когда он молился, верилось, что Господь его слышит и старец чувствует Его, как живого, обращается к Нему с такой естественной интонацией, какая бывает в непосредственной беседе с близкими. Он так был поглощен беседой с Богом, что казался уже не молящимся человеком, а живой молитвой.

«Во время молитвы, – вспоминает насельница Пюхтицкого монастыря Ольга Удальцова, – он стоял, и тело его было совершенно неподвижно. Такое впечатление, что старец как бы покинул его. Лицо, обычно бледное, пламенело».

Достигнув вершины внутреннего сокровенного делания, созерцательной молитвы, о. Серафим не оставлял повседневного правила и всегда с большим желанием молился со всеми чадами и в келье, и в храме. Он не мог уйти от них, запереться в своей келье, как в пустыне, и пребывать там в изумлении перед Богом.

«Аскетизм, – писала мать Мария (Скобцова), – ставящий в центр всего свою собственную душу, спасающий ее, отгораживающий ее от мира, в пределе своем упирающийся в духовный эгоцентризм, в боязнь растратить себя, расточить хотя бы даже и в любви, – это не есть христианский аскетизм».

О. Серафим умел сочетать созерцательную жизнь с деятельной, с жизнью людей, нуждающихся в его помощи. Он имел молитву сострадания о всем мире. Все люди вошли в его жизнь, вместились в его сердце, память о них была у старца живая и ежедневная. «Спаси, Господи, за кого некому помолиться, спаси и тех, кто не хочет Тебе молиться».

Молитва о. Серафима, искренняя и сердечная, имела сильное действие, была чудотворна. «Однажды ехали в автобусе на железнодорожную станцию, – пишет внук Димитрий, – один крепко выпивший пассажир начал громко ругать священнослужителей, видимо, хотел вывести дедушку из молитвенного состояния. Но старался он напрасно. Дедушка молился, не замечая

обидчика и жестом остановил меня, когда я собирался прекратить безобразия. Вдруг тот человек замолчал, побледнел, начал задыхаться. Потом упал на пол и лежал тихо, пока не приехали на станцию». Когда о. Серафим с молитвой выходил из дома и направлялся в храм на службу, люди, еще не видя его, начинали волноваться, бесноватые кричать.

Нелегко было найти о. Серафиму равновесие между временем, отведенным на молитву, и долгими часами приема посетителей, часами выслушивания их. Но оно было найдено. Старец начинал свой день с келейного богослужения, на которое допускались и некоторые приезжие. Однако маленькая келья не могла вместить всех желающих разделить молитвенное общение со старцем. В этом намоленном месте тебя обнимала тишина Богоприсутствия.

Молитва о. Серафима, глубокая и сильная, преображала всех находящихся рядом с ним, они чувствовали себя духовно обновленными.

Вот обычный день старца, когда не было службы в храме.

4:00 - подъем, келейная молитва до 7:00

7:00-9:00 - общая молитва

9:00-10:00 - завтрак

10:00-12:00 - отдых

12:00-13:00, иногда до 15:00 - прием болящих

13:00-16:00 - келейная дневная молитва

16:00-17:00 - обед

17:00-19:00 - отдых

19:00-21:00 - беседы с прихожанами

21:00-22:00 - ужин

22:00-23:00 - отдых

23:00-1:00 - вечерние молитвы

1:00-4:00 - ночной сон.

В богослужебный день после келейной молитвы о. Серафим вместе со всеми людьми с 6 до 15:00 молился в храме, затем до 17:00 - были обед и отдых, до 20:00 снова молитва в храме, потом ужин и вечернее правило.

Когда батюшка сильно переутомлялся, то ложился ненадолго на кровать, не снимая сапог. Подремлет пятнадцать-двадцать минут и - на молитву. Часто так и спал, не снимая сапог. Батюшка не исполнял молитву как долг, она была для него внутренней потребностью.

«Он сидит в садике в кресле, - вспоминает внук Димитрий, - цветут яблони, акации, аромат в саду. Смотрю на дедушку, вроде бы спит. На лице никаких признаков жизни, весь белый, опускаю глаза и вижу, что четки в его руках движутся. Я все еще в оцепенении, притронулся к его руке, а он открыл глаза и, как ни в чем не бывало, говорит: »Хорошо как в саду". И

заплакал".

Будучи в лагере, в ссылке, о. Серафим всегда усердно молился, этого требовало его сердце. Отсутствие богослужебных книг не было помехой: память его полностью воспроизводила дневной круг богослужения. Когда он болел, читал целые главы из Евангелия наизусть.

Ракитное при отце Серафиме – это, можно сказать, был маленький монастырь, где службы совершались строго по уставу. Недопустимым, например, здесь было служение утрени вечером. Она всегда совершалась в положенное время – утром. Тем самым не искажался дух и смысл ее таинственных молитв: «Духом внутри меня я устремляюсь к Тебе, Боже, с раннего утра, ибо суды Твои совершаются на земле...», «Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа, поднявший нас с лож наших и собравший нас в час молитвы! Даруй нам благодать при отвержении уст наших...». Молитва становилась жизнью, а не обязанностью. Странно потом было для тех, кто вкусил сладость такой молитвы, видеть у себя на приходах совсем иную службу...

О. Серафим понимал, что литургической молитвой надо жить, разуместь ее, только тогда возникнет полнота единения с Богом и с ближними, только тогда все будут участниками Евхаристии.

Евхаристию о. Серафим совершал с особенным духовным благоговением, и это неизменно ощущали все молящиеся в храме.

Дух соборной молитвы всегда присутствовал в богослужениях, совершавшихся о. Серафимом в Никольском храме. Здесь ничто не нарушало общую молитву, наоборот, было все, чтобы она состоялась. Пели как могли, иногда ошибались, но все исполнялось с вдохновением.

С внутренним трепетом и вниманием все участвовали в богослужении, что создавало, несмотря на переполненный молящимися храм, глубокую тишину, позволявшую о. Серафиму, очень слабому физически, никогда не повышать тихого голоса. Когда о. Серафим произносил молитвы, казалось, что слышишь не слова, а ощущаешь тихое веяние Святого Духа. Это была действительно молитва Духа.

«Со всей теплотой, каким-то неземным дыханием души, со многими слезами творил он о всех горячую молитву к Богу, – вспоминает архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий (Смирнов). – Я услышал такое чтение Евангелия, которое долго еще звучало в моей душе. Читал он всем сердцем, от глубины всего своего существа».

Во время богослужения о. Серафим никогда не спешил, все делал очень тщательно, потому что всегда был настроен на тихую беседу с Богом. Он рассказывал, как в молодости его потрясла и умилила служба в одном храме. Служили Евхаристию старенькие священник и дьячок, кроме них никого в храме не было. Дьячок своим дребезжащим голоском уже спел Херувимскую, но батюшка из алтаря почему-то не выходил. Он ждал. Потом приоткрыл дьяконскую дверь, чтобы увидеть, что происходит в алтаре. Батюшка стоял у Престола и плакал: «Пой еще, пой», – говорит дьячку. Дьякон снова запел Херувимскую...

«Он всегда внимательно относился к церковному уставу, – вспоминает архимандрит Зинов. – Старался не только не сокращать богослужение, а делать некоторые прибавления. Например, в изобразительные вводил сугубую ектенью о здравии и об упокоении». О. Серафим понимал, что устав существует для пользы, а не для рабства.

По окончании службы в храме, люди, светлые и радостные, не спешили уходить, поздравляли друг друга со Святым причащением, знакомились, беседовали. Царил пасхальный Дух. Пели,

постепенно расходились. Кто-то попадал на трапезу к батюшке, остальные шли по домам, где их принимали на ночлег. Такие трапезы были отзвуком «вечери любви» первых христиан.

Все это совершалось вопреки запретам властей, не разрешавшим о. Серафиму принимать людей. Согласно их распоряжениям, после окончания богослужения все должны были выходить за ограду храма, а службы можно было проводить только в субботу, воскресенье и в праздники.

Трапеза у батюшки устраивалась в его доме, в той же комнате, где он совершал свое молитвенное правило. Это была братчина, трапеза в складчину: паломники привозили и приносили еду.

Она совершалась в несколько смен, потому что прибывали все новые люди. За столом не только вкушали, но и беседовали о церковных делах, о духовной жизни. О. Серафим внимательно слушал, сам говорил мало, вступал в разговор, когда нужно было что-то уточнить, дополнить, но никогда не перебивал говорящего. О себе рассказывал мало, любил вспоминать свою учебу в Московской духовной академии. Батюшка иногда повторялся ради новых слушателей, что не всегда нравилось м. Иоасафе: «Вы это уже говорили», – вдруг заметит ему она с раздражением. Батюшка кротко переносил эти упреки.

«Из его уст не исходило никакого пустого слова, – вспоминает архимандрит Кирилл (Павлов), – не произносилось шуток, и в нем не было лести. Все его слова были наполнены смыслом. Я не заметил и тени неудовольствия или раздражительности в его голосе, он никого не осудил, не выразил какого-либо негодования, был кроток, скромн и смирен. Что меня больше всего поразило и запомнилось – это его неподдельная любовь, исходящая из глубины его сердца, одинаковая ко всем. В присутствии батюшки все умиротворялось. Да, этот человек был наполнен Божией любовью».

Во время трапезы о. Серафим потчевал всех – сам же едва притрагивался к еде. «Сядем за стол, – вспоминает староста Екатерина, – всего богато, а о. Серафим немного поест и уже не хочет». Насытившись духовной пищей, он мало заботился о телесной. Наслаждением для него была не еда, а духовное общение во время трапезы. «В его присутствии можно было пребывать часами без утомления и усталости от разговора» (архиеп. Евлогий).

Когда общение с кем-либо теряло духовный смысл, собеседник начинал кого-нибудь осуждать, о. Серафим выключался из разговора. К нему приезжал часто молодой священник, служивший где-то в верхах, и начинал рассказывать о «мелочах архиерейской жизни». Батюшка вставал из-за стола и уходил к себе в келью. Потом священник приходил к нему и, сидя на корточках у кровати, наклонившись к уху батюшки, продолжал свои рассказы... а тот засыпал.

О. Серафим видел тех, о ком ему рассказывали, совершенно иначе. Кто на кого, кто с кем, кто против, – все это его совершенно не интересовало, потому что он любил всех людей, несмотря на их немощи и падения.

«ОН ПРОСИЛ У ТЕБЯ ЖИЗНИ»

За семь лет до своей последней кончины о. Серафим умер во время богослужения в храме. Это был не первый его уход, он неоднократно умирал и возвращался к жизни (В 1933 году, по рассказу старшей дочери батюшки, Нины, во время отпевания супруги о. Димитрий лишился чувств, дыхание его прекратилось. Его отнесли в дом и в суете забыли. Уехали на кладбище. Вскоре он тоже появился там).

Случилось это, как мне рассказывал сотаинник батюшки диакон Иоанн (Бузов), ныне насельник Курско-Коренной обители иеросхимонах Иоанн, на Страстной седмице, кажется, во время вечернего богослужения. Батюшка предельно ослаб, и вдруг дыхание его прекратилось. Раздался вопль молящихся. Душа же о. Серафима в это время лицом к лицу предстала перед Господом, и ей не хотелось расстаться с Ним. Но он услышал кроткий голос:

- Ты видишь этих людей, слышишь их вопли? Вернись к ним. Ты им нужен.

О. Серафим еще семь лет после этого служил людям.

«Великим постом навестите меня», - сказал батюшка мне после исповеди у него в январе 1982 года. Вскоре пришло известие о его болезни. О. Серафим все более и более ослабевал.

Получив благословение и напутствие митрополита Леонида, я поспешил в Ракитное. Шла третья неделя Великого Поста.

С трепетом я вошел в родную мне маленькую келью батюшки, внимая ее неслыханной тишине. Слева на аскетическом ложе лежал как всегда в подряснике, в сапогах, погруженный в одному ему ведомую глубину, отец Серафим. На его бледном лице я увидел печать физического угасания, но глаза его тихо светились, в них была неизменная любовь. Все говорило о переходе его в вечность.

Он попытался подняться и сесть на постели, но я попросил его ради его покоя не вставать. Беседа наша была тихой и светлой. Батюшка не говорил ни слова о своей болезни, его интересовали мы, наша жизнь. Он радовался моему монашескому постригу, который только что совершил владыка Леонид. (Мне хотелось, чтобы батюшка, будучи моим духовным отцом, постриг меня, но этот вопрос он не мог решить без благословения владыки Леонида, тот же пожелал постригать сам.

«Не смущайтесь, - говорил батюшка, когда я ему сказал о решении владыки еще в январской беседе, - вас будет постригать та же рука». Владыка Леонид, как уже говорилось, постриг в монашество о. Серафима, и после пострига их духовное общение стало еще более глубоким. Он радовался, что владыка-старец, как и его когда-то, принял меня под свой духовный покров. Имя Мелетия, архиепископа Харьковского, которого благоговейно почитал о. Серафим, несмотря на пожелание батюшки, мне не было дано. Владыка Леонид при постриге в миру в то трудное для Церкви время обычно оставлял иноку прежнее его имя, меняя только день Ангела.)

Начинающийся уход батюшки от нас еще острее почувствовался, когда мы за трапезой увидели его место пустым. Вечером я попросил иподиакона Игоря, моего спутника из Риги, помолиться со мною о здравии батюшки. На другой день мы пришли на трапезу и к нашей радости увидели батюшку на своем месте.

Поразительным было то, что он выглядел таким же, как прежде - тихим и кротким, излучающим свет и покой, без малейших следов болезненности на лице. Сердце благодарило Господа за этот дар. Но на следующий день, день нашего отъезда, он вновь слег. Вопреки своей немощи он принял нас. Игорь удостоился получасовой беседы. Хотелось услышать последнее напутствие, последнее его слово, но я не дерзал просить о нем. Батюшка сам сказал его: «Храните устав» (Позже я прочел у архимандрита Серафима (Батюгова): «Вне устава - когти дьявола»).

Последнее целование. Я не мог уходить из кельи, повернувшись спиной. Смотрел на батюшку и

постепенно удалялся... До встречи в вечности.

26 марта архиепископ Курский и Белгородский Хризостом в сослужении духовенства соборовал о. Серафима. До последнего дня он причащался Святых Христовых Таин, пребывая в ясном рассудке и неустанно молясь. Казалось, в последние дни своей земной жизни он должен был думать прежде всего о своей душе, о таинстве ее рождения в вечную жизнь. Но матушка Иоасафа слышит, как батюшка, находясь в забытии с закрытыми глазами, к кому-то обращается с настойчивой просьбой: «Накормите их, накормите».

Он вступил в таинственное общение с теми, кому хочет поручить свою заботу о ближних. Матушка Иоасафа понимает, что не с окружающими беседует батюшка. Любящая душа о. Серафима не может оторваться от ближних, тех, кого он всегда любил и будет любить. Ничто не может разлучить его с ними.

Наступила Страстная седмица. Физические страдания батюшки усилились, но он терпел их кротко, помня сердцем своим страдания и муки Иисуса Христа. Зная, что после мучительного перехода душа увидит Свет.

Об этом Свете уже возвестило и ликующее пение «Христос Воскресе» участников начавшегося пасхального крестного хода. Он приближался к домику батюшки, расположенному рядом с храмом. О. Серафим возможно уже не слышал этого пения, но оно присутствовало в его келье. Так дано было ему Господом последнее утешение – еще раз приобщиться к земной Пасхе.

На второй день Светлого Христова Воскресения, 19 апреля 1982 года, вечером, в 17 часов 15 минут под пение в храме «Христос Воскресе» душа о. Серафима разлучилась с телом. Его земная жизнь завершилась Воскресением, Пасхой. Великое таинство перехода в вечную жизнь свершилось. «Он просил у тебя жизни» (Пс 20: 5), и Ты дал ему ее, жизнь вечную. Начались непрерывные службы у гроба почившего.

Господь привел к смертному одру батюшки сотни людей (в церковной ограде, возле кухни в большую кучу были сложены их вещи).

Однако из-за препятствий, чинимых властями, многие не смогли проститься с батюшкой: были отменены рейсовые пассажирские автобусы на Ракитное, на поезда московского направления из Краснодара и Кавказа не продавали билетов до Белгорода. В толпе у билетной кассы кто-то объяснял причину недоумевающим: «Говорят, в Белгороде умер какой-то святой».

Разбушевавшийся ветер подталкивал собравшихся к прощальному месту. Дно могилы прихожане выложили дубовыми досками, а стены обложили кирпичом. «Словно подземная келья», – заметил кто-то. Среди провожающих были «блюстители порядка» в штатском. Остерегаясь их, некий фотограф влез на крышу сарая и оттуда незаметно бросал заснятые пленки жене. Осторожность была не напрасной: у всех оставшихся внизу фотопленки были изъяты и засвечены. Перед погребением владыке Хризостому, отпевавшему о. Серафима, передали распоряжение властей: гроб с телом покойного не обносить вокруг храма. Владыка ответил: «Передайте им, что я сам знаю, как нужно совершать погребение».

По желанию о. Серафима его похоронили у алтаря с северной стороны, вблизи его кельи. В алтарной нише незадолго до его кончины был написан образ преподобного Серафима Саровского.

Безмерную утрату ощутили духовные чада батюшки. Вместе с тем они чувствовали его реальное присутствие, зная, что в Боге нет разлуки.

«Смерть бабушки я не воспринял, – пишет внук Димитрий, – и постоянно чувствую его присутствие. Он нигде не исчез. Другие поумирали, и вроде бы их и не было никогда, а бабушка всегда со мной».

То же выразил многолетний любимый алтарник о. Серафима Николай Ефимов из Москвы. На мое предложение написать воспоминания о бабушке, он ответил так: «У меня все время в мыслях Ваше предложение. Попытаюсь сформулировать, почему я этого не сделал до сих пор и не могу сделать сейчас. Основная причина такова: я постоянно живу с мыслью об о. Серафиме как о живом. Поэтому всякие записанные мною воспоминания вызывают диссонанс в моем этом к нему отношении. Воспоминания предполагают, что событие ушло в прошлое. Для меня же это все подчас реальнее и современнее чем то, что окружает меня в настоящий момент. Я живу этими воспоминаниями, они пульсируют во мне постоянно, находятся в кипящем состоянии, поэтому записать их на бумагу не представляется возможным».

Он жив, любит нас, молится за нас и помогает нам, ибо «любовь, – по слову преподобного Силуана, – не может забыть».

Для о. Серафима смерти не было и нет: он никогда не разлучался с Богом.

По-прежнему приезжают в Ракитное в Никольский храм его духовные чада, чтобы в таинстве общения с ним на его могилке напитаться духом любви и вернуться в нашу пустыню жизни, сердцем которой он был, есть и будет.

1 декабря 1998 г.

Алексей Толстой: Избранные стихотворения

Поэзия

Колокольчики мои, Цветики степные!
Что глядите на меня, Темно-глубые?
И о чем звените вы В день веселый мая,
Средь некошенной травы Головой качая?
Конь несет меня стрелой На поле открытом;
Он вас топчет под собой, Бьет своим копытом.
Колокольчики мои, Цветики степные!
Не кляните вы меня, Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать, Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой, Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой, — А куда? не знаю!
Он ученым ездоком Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком, Вырос в чистом поле;
И не блещет как огонь Твой черпак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь, Дикий, непокорный!
Есть нам, конь, с тобой простор! Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег? Радостью ль, кручиной?
Знать не может человек — Знает Бог единый!
Упаду ль на солончак Умирать от зною?
Или злой киргиз-кайсак, С бритой головою,
Молча свой натянет лук, Лежа под травой
И меня догонит вдруг Медною стрелой?
Иль влетим мы в светлый град Со кремлем престольным?
Чудно улицы гудят Гулом колокольным,
И на площади народ, В шумном ожиданье,
Видят: с запада идет Светлое посланье.
В кунтушах и в чекменях, С чубами, с усами,
Гости едут на конях, Машут булавами,
Подбочась, за строем строй Чинно выступает,
Рукава за их спиной Ветер раздувает.
И хозяин на крыльцо Вышел величавый;
Его светлое лицо Блещет новой славой;
Всех его исполнил вид И любви и страха,
На челе его горит Шапка Мономаха.
«Хлеб да соль! И в добрый час! — Говорит державный, — Долго, дети, ждал я вас В город православный!»
И они ему в ответ: «Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних

лет Чаем господина!» Громче звон колоколов, Гусли раздаются, Гости сели вокруг столов, Мед и брага льются, Шум летит на дальний юг К турке и к венгерцу — И ковшей славянских звук Немцам не по сердцу! Гой вы, цветики мои, Цветики степные! Что глядите на меня, Темно-голубые? И о чем грустите вы В день веселый мая, Средь некошеной травы Головой качая? 1840-е гг.

Меня, во мраке и в пыли Досель влачившего оковы, Любви крылья вознесли В отчизну пламени и слова. И просветлел мой темный взор, И стал мне виден мир незримый, И слышит ухо с этих пор, Что для других неуловимо.

И с горней выси я сошел, Проникнут весь ее лучами, И на волнующийся дол Взираю новыми очами. И слышу я, как разговор Везде немолчный раздается, Как сердце каменное гор С любовью в темных недрах бьется, С любовью в тверди голубой Клубятся медленные тучи, И под древесною корою, Весною свежей и пахучей, С любовью в листья сок живой Струей подымлет певичей. И вещим сердцем понял я, Что все рожденное от Слова, Лучи любви кругом лия, К нему вернуться жаждет снова; И жизни каждая струя, Любви покорная закону, Стремится силой бытия Неудержимо к Божью лону; И всюду звук, и всюду свет, И всем мирам одно начало, И ничего в природе нет, Что бы любовью не дышало. 1851 или 1852 г.

Коль любить, так без рассудку, Коль грозить, так не на шутку, Коль ругнуть, так сгоряча, Коль рубнуть, так уж сплеча! Коли спорить, так уж смело, Коль карать, так уж за дело, Коль простить, так всей душой, Коли пир, так пир горой! 1854 г.

Господь, меня готовя к бою, Любовь и гнев вложил мне в грудь, И мне десницею святою Он указал правдивый путь; Одушевил могучим словом, Вдохнул мне в сердце много сил, Но непреклонным и суровым Меня Господь не сотворил. И гнев я свой истратил даром, Любовь не выдержал свою, Удар напрасно за ударом Я отбивая устаю. Навстречу их враждебной вьюги Я вышел в поле без кольчуги И гибну, раненный в бою. 1857 г. ИЗ ГЕОРГА ГЕРВЕГА Хотел бы я угаснуть, как заря, Как алые отливы небосклона; Как зарево вечернее горя, Я бы хотел излиться в Божье лоно.

Я бы хотел, как светлая звезда, Зайти, блестя в негаснущем мерцанье, Я утонуть хотел бы без следа Во глубине лазурного сиянья.

Пускай бы смерть моя была легка И жизнь моя так тихо уходила, Как легкий запах вешнего цветка, Как синий дым, бегущий от кадила.

И как летит от арфы слабый звон, В пределах дальних тихо замирая, Так, от земной темницы отрешен, Я б улететь хотел к родному краю.

Нет, не зайдешь ты светлою звездой, Ты не угаснешь, заревом пылая, Не как цветок умрешь ты полевой, Не улетишь, звеня, к родному краю.

Угаснешь ты, но грозная рука Тебя сперва безжалостно коснется; Природы смерть спокойна и легка — На части сердце, умирая, рвется! 1856 или 1857 г.

Дробится, и плещет, и брызжет волна Мне в очи соленою влагой; Недвижно на камне сижу я — полна Душа безотчетной отвагой. Валы за валами, прибой и отбой, И пена их гребни покрыла; О море, кого же мне вызвать на бой, Изведать воскресшие силы?

Почуяло сердце, что жизнь хороша, Вы, волны, размыкали горе, От грома и плеска проснулась

душа,Сродни ей шумящее море! 1858 г.

Не пенится море, не плещет волна,Деревья листьями не двинут,На глади прозрачной царит тишина,Как в зеркале мир опрокинут.

Сижу я на камне, висят облакаНедвижные в синем просторе;Душа безмятежна, душа глубока,Сродни ей спокойное море. 1858 г.

ИЗ ПОЭМЫ «ИОАНН ДАМАСКИН»Благословляю вас, леса,Долины, нивы, горы, воды!Благословляю я свободуИ голубые небеса!И посох мой благословляю,И эту бедную суму,И степь от края и до края,И солнца свет, и ночи тьму,И одинокую тропинку,По коей, нищий, я иду,И в поле каждую былинку,И в небе каждую звезду!О, если б мог всю жизнь смешать я,Всю душу вместе с вами слить!О, если б мог в свои объятьяЯ вас, враги, друзья и братья,И всю природу заключить!Как горней бури приближенье,Как натиск пенящихся вод,Теперь в груди моей растетСвятая сила вдохновенья.Уж на устах дрожит хвалаВсему, что благо и достойно, —Какие ж мне воспеть дела?Какие битвы или войны?Где я для дара моегоНайду высокую задачу?Чье передам я торжествоИль чье падение оплачу?Блажен, кто рядом славных делСвой век украсил быстротечный;Блажен, кто жизньию умелХоть раз коснуться правды вечной;Блажен, кто истину искал,И тот, кто, побежденный, палВ толпе ничтожной и холодной,Как жертва мысли благородной!Но не для них моя хвала,Не им восторга излиянья!Мечта для песен избралаНе их высокие деянья!И не в венце сияет он,К кому душа моя стремится;Не блеском славы окружен,Не на звенящей колесницеСтоит он, гордый сын побед;Не в торжестве величья — нет, —Я зрю его передо мноюС толпою бедных рыбаков;Он тихо, мирною стезею,Идет меж зреющих хлебов;Благих речей своих отрадуВ сердца простые он лиет,Он правды алчущее стадоК ее источнику ведет.Зачем не в то рожден я время,Когда меж нами, во плоти,Неся мучительное бремя,Он шел на жизненном пути!Зачем я не могу нести,О мой Господь, твои оковы,Твоим страданием страдать,И крест на плечи Твой приять,И на главу венец терновый!О, если б мог я лобызатьЛишь край святой твоей одежды,Лишь пыльный след твоих шагов,О мой Господь, моя надежда,Моя и сила и покров!Тебе хочу я все мышленья,Тебе всех песней благодать,И думы дня, и ночи бденья,И сердца каждое биенье,И душу всю мою отдать!Не отверзайтесь для другогоОтныне, вешие уста!Греми лишь именем Христа,Мое восторженное слово!

ТРОПАРЬКакая сладость в жизни сейЗемной печали непричастна?Чье ожиданье не напрасно?И где счастливый меж людей?Все то превратно, все ничтожно,Что мы с трудом приобрели, —Какая слава на землиСтоит тверда и непреложна?Все пепел, призрак, тень и дым,Исчезнет все как вихорь пыльный,И перед смертью мы стоимИ безоружны и бессильны.Рука могучего слаба,Ничтожны царские веленья —Прими усопшего раба,Господь, в блаженные селенья!

Как ярый витязь смерть нашла,Меня как хищник низложила,Свой зев разинула могилаИ все житейское взяла.Спасайтесь, сродники и чада,Из гроба к вам взываю я,Спасайтесь, братья и друзья,Да не узрите пламень ада!Вся жизнь есть царство суеты,И, дуновенье смерти чуя,Мы увядаем, как цветы, —Почто же мы мятемся всуе?Престолы наши суть гроба,Чертоги наши — разрушенье, —Прими усопшего раба,Господь, в блаженные селенья!

Средь груды тлеющих костейКто царь? кто раб? судья иль воин?Кто Царства Божия достоин?И кто отверженный злодей?О братья, где серебро и золото?Где сонмы многие рабов?Среди неведомых гробовКто есть убогий, кто богатый?Все пепел, дым, и пыль, и прах,Все призрак, тень и привиденье —Лишь у Тебя на небесах,Господь, и пристань и спасенье!Исчезнет все, что было плоть,Величье наше будет тленье —Прими усопшего, Господь,В Твои блаженные селенья!

И ты, Предстательница всем! И ты, Заступница скорбящим! К Тебе о брате, здесь лежащем, К Тебе, Святая, вопием, Моли божественного Сына, Его, Пречистая, моли, Дабы отживший на земли Оставил здесь свои кручины! Все пепел, прах, и дым, и тень! О други, призраку не верьте! Когда дохнет в нежданный день Дыханье тлительное смерти, Мы все поляжем, как хлеба, Серпом подрезанные в нивах, — Прими усопшего раба, Господь, в селениях счастливых!

Иду в незнаемый я путь, Иду меж страха и надежды; Мой взор угас, остыла грудь, Не внемлет слух, сомкнуты вежды; Лежу безгласен, недвижим, Не слышу братского рыдания, И от кадила синий дым Не мне струит благоуханье; Но вечным сном пока я сплю, Моя любовь не умирает, И ею, братья, вас молю, Да каждый к Господу взывает: Господь! В тот день, когда труба Вострубит мира преставленье, — Прими усопшего раба В Твои блаженные селенья!» 1858 г.

Я задремал, главу понуря, И прежних сил не узнаю; Дохни, Господь, живящей бурей На душу сонную мою! Как глас упрека, надо мною Свой гром призывный прокати, И выжги ржавчину покоя, И прах бездействия смети. Да вспряну я, Тобой подъятый, И, вняв карающим словам, Как камень от удара млата, Огонь таившийся издам! 1858 г.

Александр Копировский: Любовь и гнев (о поэзии А.К. Толстого)

Поэзия

«Господь, меня готовя к бою, любовь и гнев вложил мне в грудь...»

Эти слова принадлежат замечательному русскому поэту Алексею Константиновичу Толстому (1817–1875 гг.). Ему и посвящаются страницы поэтического раздела в 50-м, юбилейном номере нашего журнала. Биография поэта неординарна. Он родился в Петербурге, но детство провел на Украине, которую считал своей родиной. *Край ты мой, родимый край, Конский бег на воле, В небе крик орлиных стай, Волчий голос в поле! Гой ты, родина моя! Гой ты, бор дремучий! Свист полночный соловья, Ветер, степь да тучи!* Окончил Московский университет. Был дипломатом, служил в царской канцелярии, ведавшей вопросами законодательства. Во время Крымской войны — доброволец, майор стрелкового полка (тяжелый тиф, которым он заболел до начала боевых действий, можно, наверное, считать промыслительным). Затем — возвращение в Петербург и прошение об отставке, в котором есть невероятная для официального документа фраза: «Государь, служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей натуре...». Единственно возможной должностью, не требующей мундира, А.К. Толстой считал «...говорить во что бы то ни стало правду».

В своем программном произведении — поэме «Иоанн Дамаскин» — именно в этом ключе он рассматривает бурные события церковной истории (иконоборческую смуту VIII века в Византии) и в них — коллизию, в которой человек как творческая личность сталкивается с непониманием, недоверием и, наконец, с грубым запретом на то, что составляет смысл его существования — «вольную мысль» и «вольное слово». Конфликт между поэтом-проповедником и старым монахом, который стремится во что бы то ни стало его «смирить», описанный в поэме, в человеческом плане неразрешим. Лишь явление Богоматери и Ее укоряющие слова: ... *Почто ж певца живую речь Сковал ты заповедью трудной?... — приводят слишком сурового наставника к раскаянию и примирению с Иоанном: И вот обнял его старик: «О сын смирения Христова! Тебя душою я постиг — Отныне петь ты можешь снова! Отверзи вещи уста, Твои окончены гоненья! Во имя Господа Христа, Певец, святые вдохновенья Из сердца звучного излей, Меня ж, молю, прости, о чадо, Что слову вольному преградой Я был по*

грубости моей!» Но то, что естественно для жития или поэмы*, в обычной жизни принимают, как правило, совсем другие формы. Отставка, полученная А.К. Толстым после неоднократных просьб (слова Иоанна в поэме: ... *О, отпусти меня, халиф, Дозволь дышать и петь на воле!*.. — их стихотворная форма), не принесла ему ожидаемой свободы**. Все лучшие, наиболее известные его произведения, оказались написанными до отставки. А.К. Толстого не приняли до конца ни «справа», ни «слева». Славянофилы обвиняли его в отрыве от русской жизни, западники — в квасном патриотизме. Сам себя он называл «случайным гостем» и в том, и в другом «стане»:... *союза полного не будет между нами — Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя, Пристрастной ревности друзей не в силах снести, Я знамени врага отстаивал бы честь! Поэтому, признавая относительную правду обоих направлений, поэт стремится «выше»:... в каждом шорохе растенья И в каждом трепете листа Иное слышится значенье, Видна иная красота! Я в них иному гласу внемлю И, жизнью смертною дыша, Гляжу с любовью на землю, Но выше просится душа...* Удивительно, что его любовь к Красоте, понятой «идеально», почти как у Платона, и «держание ее стяга» выразились в первый, «доотставной» период его творчества прежде всего не в противопоставлении земного и небесного, а в их сочетании, но инструмент поэта — не лира.... *И я не раз под голос грома Бывало, строил мой псалтирь, — пишет он, отвечая на упрек славянофилов в излишней торжественности. Поэтому сочетание получилось довольно необычным. Благословляю вас, леса, Долины, нивы, горы, воды! Благословляю я свободу И голубые небеса!*.. — слова, знакомые, наверное, многим по роману Н.А. Римского-Корсакова. Но далеко не все знают, что они взяты из поэмы «Иоанн Дамаскин» и выражают восторг ее главного героя, идущего... в монастырь. Восторг — и никаких элегических нот! Потому что путник, который благословляет весь мир, не прощается с ним, а стремится к Встрече с Тем, Кого хвалить в своем глаголе *Не перестанут никогда Ни каждая былинка в поле, Ни в небе каждая звезда!* Действительность, с которой столкнулся поэт после обретения внешней свободы, во многом изменила его первоначальные романтические представления. Юмор, столь часто присутствующий в его стихах, все чаще сменяется сатирой, точнее, то и другое переплетается. Даже в его шуточных стихотворениях в таких случаях остается лишь «доля шутки»: *Вонзил кинжал убийца нечестивый В грудь Деларю. Тот, шляпу сняв, сказал ему учтиво: «Благодарю».* Это о «непротивленчестве», не различающем смирение и лукавую покорность, результат которой — лишь умножение зла. А вот — о «властителях дум» того времени, непримиримых идейных противниках:... *Идут славянофилы и нигилисты, У тех и у других ногти не чисты. Ибо, если они не сходятся в теории вероятности, То сходятся в неопрятности. Но вывод из этого делается совсем не смешной: И поэтому нет ничего слюнявее и плюгавее Русского безбожия и православия. На краю разверстой могилы Имеют спорить нигилисты и славянофилы...* Стоит вдуматься в последние строчки — не пророчество ли это? До «тернового венца революций» (В. Маяковский) оставалось не так уж много времени...

В стихотворении — одном из итоговых, — строки из которого были взяты здесь в качестве эпиграфа, А.К. Толстой писал:... *и гнев я свой истратил даром, Любовь не выдержал свою...* К этим словам поэта (сказанным, кстати, в расцвете сил) вряд ли кто-нибудь, знающий хотя бы отчасти его творчество, отнесется буквально. Стихи А.К. Толстого живут уже второе столетие. И «Средь шумного бала», и вирши Козьмы Пруткова и многое другое — не окажутся лишними в XXI веке. *Земля у нас богата, Порядка только нет...*, — конечно, не совсем шутка. Подчас довольно едкая ирония многих стихов как будто призвана компенсировать то, что в ранних произведениях А.К. Толстого обращение к историческим сюжетам довольно часто происходило с оттенком стилизации. Это чувствовали даже издатели. Печатавая его наиболее удачное (как он сам считал) стихотворение «Колокольчики мои...», они иногда оставляли в нем только первые пять строф о мчащемся по бескрайнему полю всаднике (действительно шедевр!) и опускали вторую часть, в которой описано добровольное и, более того, радостное (!) подчинение Украины России — почти райский образ славянского единства. Заметим — реальность этой

умилительной картины поставлена в стихотворении под вопрос. Что же все-таки ждет всадника в конце пути — радость или кручина, смерть от вражеской стрелы или «светлый град»? Но вместо ответа — лишь неукротимый бег лихого коня «куда не знаю» и грусть колокольчиков, сменившая такой радостный (в начале стихотворения) их звон...

* Поэт даже педалирует ситуацию: в житии Иоанн, нарушивший запрет «старца», был им прощен еще до явления Богородицы, согласившись выполнить унижительную епитимию.** На самом деле Иоанн ушел в монастырь лишь после того, как был оклеветан и искалечен, а затем получил исцеление.